

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО
ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ДЕЛАМ
МОЛОДЕЖИ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

2. 2009

МАРТ–АПРЕЛЬ

День траура Адыгов

Сл. Шехархан Негучева

Муз. Данила Согова

Над какую строкой ты заплачешь, народ?
В ком увидишь свое отражение?
Будет хмур или чист над тобой небосвод?
И наступит ли миг возрождения?

Сколько гроз отгремело в туманах зари!
Сколько пуль в твое с сердце летело!
И стонали адыги в слезах и крови,
Песней-плачем тоска в них звенела.

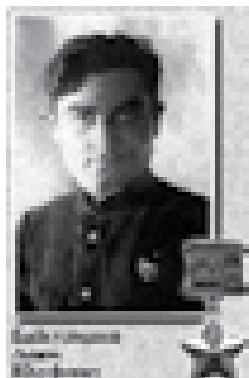
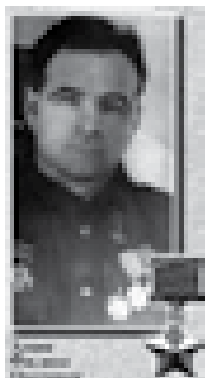
Боль обид моих предков ковала булат,
Мы их помним с суровыми лицами.
Не забудь, на Кавказе живущий мой брат,
Из гнезда разоренного птицы мы.

Вся планета – наш дом, в нем и мир и раздор.
И порой не осилить печали.
Только б распрей жестоких закончился спор,
Добротой бы глаза засияли.

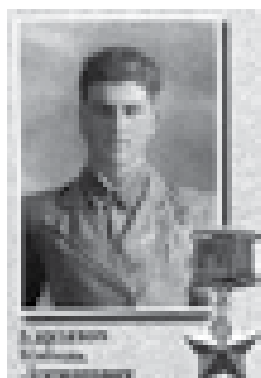
Если зло растерзает, и смерть у ворот,
Я оставлю одно наставление:
Ради правды и чести мужайся, народ,
И наступит твой час возрождения!

Отчизны верные сыны

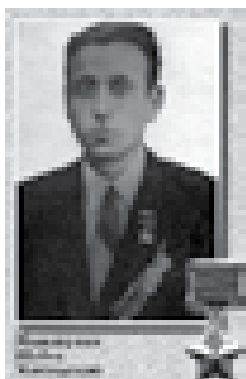
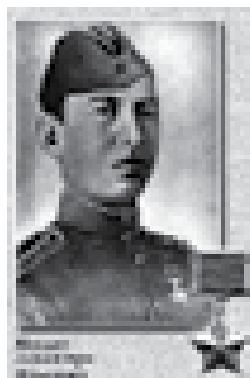
Герои Советского Союза

Герои Советского Союза

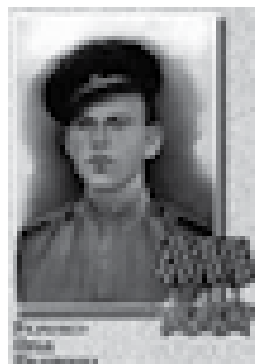
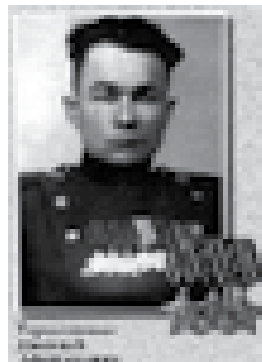
Герои Советского Союза

Герои Советского Союза

Кавалеры ордена Славы 3-х степеней

На 1-ое января 2009 г. на учете республиканского Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов стоят:

- 1. Участников ВОВ – 1474 чел.*
- 2. Работников тыла – 15 628 чел.*
- 3. Ветеранов труда – 39 618 чел.*

Султан ПШИБИЕВ,

*председатель комиссии по работе с молодежью
республиканского Совета ветеранов войны и труда*

К 64-летию Великой Победы

Великая Отечественная война была самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. По масштабам ведения боевых действий, участию людских масс, применению количества техники, напряжению и жесточенности она превосходила все войны прошлого. Чрезвычайно тяжелым испытанием был путь советских воинов по дорогам войны. Четыре долгих года, почти полторы тысячи дней и ночей героически боролись советский народ и его доблестные Вооруженные Силы за победу. Война принесла советскому народу неслыханные потери и разрушения. В годы войны погибло 27 млн. советских людей. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили 1 710 городов и поселков городского типа и более 70 тыс. сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 млн. зданий, лишив крова около 25 млн. человек, разрушили почти 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов. Расходы на войну вместе с потерей доходов достигли 1890 млрд. рублей. Страна потеряла около 30% национального богатства. Но несмотря на все это советский народ выстоял и одержал в этой жестокой войне всемирно-историческую победу.

В годы войны продолжалось расширяться патриотическое движение советских людей за увеличение материальной помощи Красной Армии и Флоту, получившее распространение еще в самом начале войны. Оно приобрело широкий размах и стало всенародным. Очень важно подчеркнуть, что создание фонда обороны явилось творческой инициативой самих трудящихся. Благодарное стремление советских людей было одобрено правительством, советскими органами и общественными организациями.

ДВА ГЕРОЯ ИЗ ОДНОЙ СЕМЬИ

Карданов Кубати Локманович

Все меньше и меньше остается в живых представителей старшего поколения, участников и ветеранов ВОВ. Еще в далеком победном 45-м году прошлого столетия кто мог подумать, что фронтовики доживут до наших дней. Вот и сейчас из Героев Советского Союза Кабардино-Балкарии в живых остался один. Это – легендарный летчик-истребитель Герой

Советского Союза, генерал-майор в отставке Кубати Локманович Карданов.

Родился он 6 июля 1917 года в сел. Аушигер. Когда ему было 2 года, умерла его мать. Отец Кубати Локман Бесланович – участник Зольского восстания кабардинских и балкарских крестьян 1913 года. Представители старшего поколения аушигерцев уважительно вспоминают имя Локмана.

Дома мальчик помогал отцу по хозяйству – пас коров. Летом работал с отцом в поле – на уборке колосовых, на сенокосе. Осенью 1925 года Кубати пошел в школу. В 1930 году окончил сельскую начальную школу и был принят на подготовительные курсы при Ленинском учебном городке в г. Нальчике. При ЛУГе функционировали совпартшкола, педагогический, сельскохозяйственный, кооперативный, медицинский

техникумы, Дом пионеров. Благодаря этому первому учебному заведению молодежь Кабардино-Балкарии впервые стала приобщаться к просвещению, культуре, политической жизни. После его успешного окончания Кубати работает учителем русского и кабардинского языков, а впоследствии за хорошую педагогическую деятельность его переводят инспектором наркомата просвещения Кабардино-Балкарской АССР.

Осенью 1934 года в Нальчике открылся аэроклуб. В 1938 году Кубати зачислили в летную школу, которую он закончил с отличием. 29 октября 1939 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» Кубати писал в статье «Я вырос в комсомоле»: «Выросший в комсомоле и им воспитанный, я ясно себе уяснил, что для того чтобы быть достойным защитником Родины, нужно изучать военное дело, но если враг посмеет напасть на нашу священную землю, я сяду на военный самолет и докажу, что Ленинский комсомол умеет воспитывать из счастливой советской молодежи достойных патриотов нашей великой Родины».

В феврале 1939 года выпускники Нальчикского аэроклуба Кубати Карданов и другие были рекомендованы в Качинскую авиационную школу. В ноябре 1939 года из отобранных 125 курсантов для ускоренной подготовки на «отлично» сдали зачеты и экзамены 25 человек, в их числе и Кубати Карданов. Всем отличникам были присвоены звания лейтенантов, остальным – младших лейтенантов. В феврале 1940 года Кубати Локманович вместе с 35-ю пилотами-выпускниками был направлен в г. Винницу в сформировавшийся там 88-й авиаистребительный полк. Пилоты этого полка начали интенсивно осваивать боевые качества машин, совершенствовать свое летное мастерство. Командир авиаполка майор Андрей Гаврилович Маркелов особое внимание уделял овладению опытом ведения воздушного боя. В Виннице Кубати Локмановича застали первые залпы Великой Отечественной войны, которая началась для него 22 июня 1941 года.

Немецкая авиация бомбила приграничные города и аэродромы. Командир авиаполка А. Г. Маркелов отдал приказ о приведении 88-го авиаполка в полную боевую готовность. В районе аэродрома, близ села Болохонки, стали появляться немецкие разведывательные самолеты. Летчики звеньями вылетели на перехват. Здесь встретились летчики первой эскадрильи кабардинец Кубати Карданов, белорус Василий Князев, украинцы Василий Колесник, Василий Маслаченко, русский Алексей Постнов. В своей книге Кубати Карданов написал, как этих храбрых летчиков разных национальностей война сделала родными братьями.

Бесстрашному летчику дальше предстояла тяжелая «работа» с превосходящими силами противника, для приближения дня победы.

За отличное и умелое руководство боевыми действиями эскадрильи и личное мужество капитану К. Л. Карданову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1943 года присвоено звание Героя Советского Союза.

Всего за годы войны К. Л. Карданов совершил 770 боевых вылетов, сбил 23 самолета врага, а во время штурмовок нанес гитлеровцам большой урон в живой силе и технике.

После окончания Великой Отечественной войны Кубати Локманович с отличием окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генерального Штаба. Много лет занимал ответственные посты в войсках ПВО. Работал председателем Кабардино-Балкарского комитета ДОСААФ, большое внимание уделяет военно-оборонной подготовке и военно-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи.

Герой Советского Союза генерал-майор Кубати Локманович Карданов награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды и многочисленными медалями. Участник Парада Победы 1945 года и последующих лет.

Кубати Локманович сейчас – на заслуженном отдыхе, проживает в г. Москве.

Карданов Кабард Локманович

Родился в 1920 году. В Советской Армии с 1941 года.

Командир взвода танков гвардии лейтенант Карданов проявил себя в боях против гитлеровцев смелым и решительным офицером. При освобождении Румынии танкисты Карданова захватили переправу через реку Серет и предотвратили разрушение города и уничтожение узников концлагеря. В ожесточенном 4-часовом уличном бою с танками и самоходной артиллерией врага Кардановым было уничтожено 2 танка, 1 орудие, 1 зенитная установка и до 40 гитлеровцев. Танк Карданова был подожжен, а сам он ранен. Несмотря на это ему удалось уничтожить еще одну вражескую машину. В том бою 23 марта 1944 года отважный офицер пал смертью храбрых.

За мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1990 года

К. Л. Карданову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени.

На одной из площадей города Чертовка Тернопольской области вместе с пятнадцатью другими танкистами в братской могиле похоронен гвардии лейтенант Кабард Локманович Карданов, командир взвода танкового батальона 1-й гвардейской ордена Ленина танковой бригады.

Указом президента СССР от 5 мая 1990 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) Карданову Кабарду Локмановичу – гвардии лейтенанту.

Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I и II степени. Решением бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета Министров КБАССР средней школе в селении Аушигер, где учился Кабард Локманович Карданов, присвоено имя героя. Здесь же, в музее, собраны материалы о боевом пути гвардейцев 1-й танковой бригады.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

В создании фонда обороны принимали участие все народы Советского Союза, все трудящиеся, коммунисты и беспартийные, юноши и девушки. В фонд обороны поступали личные сбережения граждан, различные ценности, продукты питания, теплая одежда для фронтовиков. Рабочие промышленных предприятий добровольно отчисляли в фонд ежемесячно свой однодневный заработок, труженики села засевали сверхплановые гектары, давали сверхплановую сельхозпродукцию. Немало средств перечислялось от проведенных комсомольско-молодежных воскресников. Активно участвовали в сборе металлолома для промышленности пионеры и школьники. Получили широкое распространение донорство, отправка посылок воинам на фронт. К лету 1942 года в фонд обороны было собрано 2740 млн. рублей и на 2163 млн. рублей облигаций внутренних займов, 11,5 кг платины, 94 кг золота, 9 тыс. кг серебра, почти на 9 млн. рублей драгоценностей и иностранной валюты.

К концу года в целом по стране поступления в фонд обороны составили 10,5 млрд. рублей, что позволило на эти средства дополнительно дать фронту значительное количество боевой техники и вооружения.

Всенародный характер приняло движение по сбору средств на строительство танковых колонн, эскадрилий самолетов и другого вооружения, начатое по инициативе колхозного крестьянства. Например, помощь трудя-

щихся Кабардино-Балкарии фронту: коллектив железнодорожной станции Муртазово решил до конца войны ежемесячно отчислять в фонд обороны двухдневный заработок. Внесено также на 9 тыс. рублей облигаций государственных займов. Путьцы Т. Т. Гесетенко, Макуфрачев, Турчин, Рыжин и другие работали за двоих и за троих, выполняя норму на 300–400%.

Все для фронта, все для победы! – под таким лозунгом работали советские железнодорожники в дни войны. На столе президиума собрания колхозников с. Псыгансу Урванского района уже высилась гора теплых вещей. Здесь были фуфайки, башлыки, шапки и десятки других предметов. 60-летний Муков Х. принес фуфайку и рукавицы, Кардангушева Ф. – одеяло и подушку, Машуков А. – свитер и овчину. Колхозники принесли более 60 штук овчин. Колхозники сельхозартели «Нижний Чегем» Чегемского района для фронта дали десятки добротных бурок, шуб, овчин, шинелей, меховых жилеток и много других теплых вещей, необходимых бойцам в зимних условиях. На общем собрании колхоза единодушно решили дополнительно выделить 60 полушубков, 120 пар валенок, 30 пар теплого белья, 50 шапок-ушанок, 100 пар перчаток, 100 пар носков, 15 теплых курток и 15 пар ватных брюк.

С первых дней войны медсестра Карданова вступила в ряды доноров. Она спасла своей кровью жизнь семи красноармейцам, отдав без вреда для своего здоровья 2 кг 100 гр. крови. «Как в первые дни, так и сейчас чувствую себя хорошо. Я горда тем, что, как многие советские патриотки, принимаю участие в разгроме фашизма, отдавая свою кровь для спасения раненых бойцов», – писала она в те годы.

Колхозники Нальчикского района за неделю сдали на танковую колонну «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» 623 000 рублей. Колхозы села Нартан этого района внесли 200 500 рублей, сел. Чегем II – 100 000 руб., с. Урвань – 90 000 руб., с. Герменчик – 89 000 руб., с. Кенже – 93 112 руб. Исторические победы Красной Армии вызвали волну патриотического подъема. Колхозники и колхозницы старались оказать фронту как можно большую помощь. На собрании в колхозе «Нижний Чегем» колхозница Шаги Таумурзаева заявила: «Мне шестьдесят лет. Двое моих сыновей сражаются на фронте. Я с радостью продаю излишки картофеля. Пусть мои 50 кг картофеля будут крупинкой в деле ускорения разгрома врага». Колхозницы сельхозартели «Думала» Фатимат Малкандуева, Канмат Гемуева и другие продали государству по 100 кг картофеля каждая.

С большой любовью и вниманием готовили трудящиеся нашей республики подарки доблестным фронтовикам ко дню 26-й годовщины Красной Армии.

Собрано и отправлено на фронт 4 вагона подарков. Среди них более 5 тонн мяса, 2 тонны колбасы, 3 тысячи кур, 3 тысячи литров спиртных напитков, 3 тонны фруктов, 1 вагон овощей, 3 тысячи носовых платков, 2 500 пар варежек, 15 бурок и много других продуктов и вещей. «Пусть эти скромные подарки, – говорили люди, – согреют сердца фронтовиков и помогут им громить врага до полного его уничтожения!» Февраль, 1944 г. Жены офицеров-фронтовиков гор. Нальчика внесли свои сбережения в сумме 10 300 рублей на строительство новых самолетов «Боевая подруга».

За короткий срок на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» трудящимися нашей республики было собрано 21 млн. рублей. Сбор средств прошел как яркая демонстрация патриотизма нашего народа, его преданности и готовности отдать все свои силы и средства на окончательный разгром немецко-фашистских захватчиков. Так, например, особо отличились Кардангушев, который внес на постройку танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» свои личные сбережения в сумме 50 тыс. рублей, Мисед Тхазеплов – 30 тыс. рублей, и Хапача Каширгов – 50 тыс. рублей. Все они имели разные боевые награды, а Мисед Тхазеплов, который являлся активным бойцом партизанского отряда, был награжден и медалями «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны», «За оборону Кавказа».

Широким потоком на фронт шли посылки с подарками бойцам и командирам от коллективов трудящихся и отдельных граждан. С ноября 1941 г. по май 1942 г. фронтовики получили свыше 3,4 тыс. вагонов коллективных и индивидуальных посылок.

Важную роль в укреплении связей фронта и тыла имело шефство трудовых коллективов над тыловыми госпиталями, переписка трудящихся с воинами, направление на фронт делегаций от промышленных предприятий, колхозов и совхозов, концертных бригад, оказание помощи инвалидам войны, детям-сиротам и семьям фронтовиков. Всенародная помощь и забота трудящихся о Красной Армии и Военно-морском флоте явились могучим источником их силы, важным вкладом в повышении боевого могущества страны, в достижение победы над гитлеровским фашизмом.

С весны 1942 г. широко развернулось массовое патриотическое движение двухсотников, трехсотников.

Мобилизации творческой энергии советского народа на развитие военной экономики способствовало социалистическое соревнование. Оно проходило под лозунгом «Все для фронта, все для победы над врагом!» и охватило все отрасли народного хозяйства. В промышленности, на стройках и транспорте, в сельском хозяйстве инициативой масс рождались трудовые подвиги, которые находили тысячи последователей и вносили достойный вклад в общее дело упорения военной экономики. С каждым днем ширилось движение тех, кто своим ударным трудом перевыполнял производственные нормы в 2, 3 раза и более, движение за овладение смежными специальностями и многостаночное обслуживание, за обучение новых кадров рабочих.

Основным обязательством всех соревнующихся была борьба за выпуск сверхплановой продукции для фронта, повышении производительности труда. Патриотическое начинание было подхвачено всем рабочим классом страны.

Всесоюзное социалистическое соревнование явилось мощным толчком для развития творческой активности масс. Во второй половине 1942 года в соревнование включились коллективы предприятий 52 отраслей народного хозяйства. Достойный вклад в соревнование вносила советская молодежь. Широкий размах приняло соревнование комсомольско-молодежных бригад за присвоение звания фронтовых. В 1942 году

на предприятиях страны работало 10 тыс. комсомольско-молодежных фронтовых бригад, объединивших около 100 тыс. человек.

В дальнейшем Всесоюзное социалистическое соревнование приобрело еще больший размах. Оно охватило многие отрасли, в том числе и сельское хозяйство. Соревнование вызвало огромный трудовой и политический подъем трудящихся. Сыграло важную роль в повышении производительности труда, увеличении выпуска военной продукции.

В октябре 1944 г. в нашей республике широко развернулось социалистическое соревнование районов, колхозов, МТС и совхозов за досрочное выполнение плана хлебосдачи государству и дополнительную сдачу хлеба в фонд Красной Армии.

Первыми о сверхплановой сдаче хлеба в фонд Красной Армии рапортовали колхозы Нальчикского района.

«Колхоз им. Андреева сел. Кенже (председатель колхоза – Жакомухов) первым в республике выполнил взятые на себя обязательства по сверхплановой сдаче хлеба в фонд Красной Армии. Сейчас сверх взятых своих обязательств колхозники сдают 3 000 пудов хлеба. Вывезено на элеватор 1 800 пудов зерна. Лучшие подводчики колхоза Т. Т. Хамгоков, Кештов и другие заканчивают вывозку последних 1 200 центнеров зерна. Колхозники артели «Нартан» (председатель – Т. Г. Шибзухов, секретарь парторганизации – Т. Барагунов) брали на себя обязательство дать сверх плана 6 000 пудов хлеба. Сдано 13 200 пудов хлеба. Колхозники взяли на себя обязательство дать дополнительно для Красной Армии еще 3 000 пудов хлеба. Желая усилить помощь фронту, колхозники артели им. Ленина вместо 1 200 пудов хлеба сдали в фонд Красной Армии 1 800 пудов. Сейчас колхозники взяли на себя обязательство сдать еще 600 пудов.

На 600 пудов больше против своих обязательств сдал в фонд Красной Армии колхоз им. Молотова, колхозники решили дать еще дополнительно 1 200 пудов хлеба» (газета «Кабардинская правда» № 229, 18 ноября 1944 г.). За годы войны республика сдала государству 278 130 тонн зерна, 47 399 тонн подсолнечника, 55 275 тонн картофеля, 19 512 тонн овощей, 96 967 центнеров мяса, 164 165 гектолитров молока, 13 450 тыс. шт. яиц, 9 025 центнеров шерсти, Красной Армии передано 27 тыс. лучших кабардинских коней, внесено в фонд обороны страны и на займы государству 160 580 566 руб. и 6 176 тонн хлеба. Трудящиеся республики за годы войны дали для Красной Армии 71 673 различных теплых вещей, собрали и отправили на фронт воинам Советской Армии 19 вагонов с подарками.

До временной немецкой оккупации в республике было расположено 14 эвакуационных госпиталей с общей пропускной способностью в 13 000 койкомест. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. через эвакуационные госпитали прошло до 60 тыс. раненых и больных воинов Красной Армии. Госпиталям оказывалась соответствующая помощь. Советское правительство высоко оценило трудовой героизм советских людей. За успешное выполнение и перевыполнение заданий фронта в 1942 г. 53 промышленных предприятия были удостоены высоких государственных наград. Ордена и медали получили также до 32 тыс. наиболее отличившихся рабочих, инженерно-технических и руководящих работников промышленности и сельского хозяйства.

Лолита АБАЗОВА,
ученица 10 класса СШ № 3
г. Терек

Память, или Рассказ о моем прадедушке

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз – наяву и тысячи во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...**

С каждым годом все дальше и дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны. Однако время не в силах стереть в памяти народной те грозные годы. Да и как может исчезнуть память о войне в стране, где от столицы и до окраин нет, наверное, семьи, которая в то лихое время не пострадала от войны. Действительно время не стоит на месте, и для многих юношей и девушек моего поколения война уже представляется давней историей. Поэтому, как точно заметил поэт: «...нам не речи хвалебные, нам не лавры нужны... Нужна правда, пусть жесткая, но правда военных будней, как бы горька она ни была».

Тихими домашними вечерами я очень люблю слушать рассказы моего дедушки о доблести воевавших в Великой Отечественной войне. И однажды мы так увлеклись, что не заметили, как пролетело время. Но почему-то история, рассказанная в этот вечер, запомнилась мне надолго. Я даже знаю почему: ведь эта история была про моего прадеда.

– Дедушка, какой же рассказ ты приготовил мне на этот раз?

– Лолита, я уверен, что сегодняшняя история очень понравится тебе. Она про твоего прадеда, Алхасова Михаила Тутовича.

Я знала, что он был участником Великой Отечественной войны с самого ее начала. Но больше я ничего не знала о прадедушке...

– Ты наверняка знаешь, что на фронтах Отечественной войны воевал с врагом и твой прадед? Он родился в 1913 году, всего лишь за год до начала первой мировой войны. С детских лет ему пришлось познать цену крестьянскому труду и хлебу. Учился твой прадедушка в начальной сельской школе, затем как одного из наиболее старательных учащихся его направили в Ленинский учебный городок. Получив педагогическое образование, он в 1930 году вернулся в село и стал преподавать в школе, приобщать односельчан к миру знаний. Он считал, что нет ничего лучше, чем приносить людям пользу.

– С этими мыслями он отправился на войну? Как это произошло?

– В 1939 году его призвали на службу в Красную армию, где он стал танкистом. Ему пришлось служить в Белоруссии, защищая границу страны. Скоро ему присвоили звание старшины. Он всегда отличался

* Стихи автора.

открытостью души и для своих подчиненных был не только требовательным командиром, но и верным, заботливым товарищем. Ранним утром 22 июня 1941 года, миллионы солдат и офицеров фашистского вермахта, танками и штурмовыми орудиями начали наступление в глубь советской территории. Одним из первых пришлось увидеть нападение врага ему, поскольку именно танковым частям пришлось сойтись с гитлеровскими войсками. Он не растерялся, вспомнив навыки, которые отрабатывал на полигонах со своими подчиненными. «Учитель и на фронте оставался верным своей профессии – личным примером учил, как надо воевать» – эти слова маршала Василевского с полным правом можно отнести и к жизни дедушки. Всегда, как бы ни сложились обстоятельства и насколько бы ни была тяжела судьба, он никогда не впадал в отчаяние, а напротив, всегда старался личным примером вдохновлять тех, кто возлагал на него надежды, подбадривал всех и каждого храбростью и инициативой. Многое ему пришлось испытать на жизненном пути, но с первых дней, когда от рева гитлеровских самолетов и танков содрогалась земля, твой прадедушка ни разу не усомнился в том, что враг будет разгромлен. Эта вера и то упорство, которое было заложено в нем с самого рождения, и провели его через всю войну, за что он был награжден орденом Отечественной войны 2 степени и медалью «За победу над Германией», и другими медалями.

– Спасибо большое, дедушка, за этот рассказ.

После этого рассказа у меня возникло чувство, будто только что я увидела всю эту кровопролитную картину наяву, как это бывает после просмотра фильмов. Меня переполняет гордость – ведь мой прадедушка был одним из тех людей, кто сражался за нашу Родину. Его не стало в 1996 году, но осталась добрая память в сердцах близких людей, любовь и признательность учеников. Мне очень хотелось донести всю эту историю о моем прадедушке, Алхасове Михаиле Тутовиче, которая внесла много нового в мою жизнь, что останется в ней навсегда.

ИСПЫТАНИЕ

Главы из повести ¹

...Выбрали путь через перевал Бечо, потому что хоть он и был сложным, зато короче, а полученный приказ гласил: переправить детей скорейшим образом. Враг все упорнее продвигался в сторону наших гор, стремился овладеть Баксанским ущельем и захватить молибденовые рудники.

Вскоре был получен и другой приказ, который обязывал взорвать все рудники, а жителей Нижнего Баксана заблаговременно эвакуировать через горы в Грузию. В этом деле должны были помочь все работники альплагеря. Директор лагеря Григорий Боголюбов обратился к ним:

– Товарищи, – голос его был буднично мягок и просителен, – наша Родина сейчас в смертельной опасности. Мы обязаны, как и каждый советский человек, помочь ей всем, чем можем. А поручается вам дело чрезвычайно важное и сложное! – подчеркнул он. – Вы должны провести по сложному перевалу в Грузию около двух тысяч людей, которые до сего дня высоко в горы не поднимались. Но это еще далеко не все. Вы должны, как приказал товарищ Сталин, взорвать и завалить все шахты, чтобы они ни в коем случае не достались врагу, а уже добытый молибден на себе переправить в Грузию. Таково распоряжение военного командования. Учтите и такое обстоятельство: людей с вами хотя и много, но на какую-либо их помощь рассчитывать не приходится. Буквально все ложится на ваши плечи и на вашу совесть. Задача сложная, но почетная и ответственная, выполнить ее могут только мужественные люди. Народ и Родина не забудут тех, кто выполнит эту задачу. Если среди людей окажутся такие, кто сможет чем-нибудь вам помочь, мы обратимся и к ним с такой просьбой.

Сегодня ночью наши солдаты доставят сюда молибден, который уже расфасован по 25 кило... Подумайте... Но не жалеите и жизни для решения этой задачи. Родина никогда так остро не нуждалась в вас, как сегодня. Да здравствует наша великая социалистическая Родина! – закончил Боголюбов и спросил: – Кто хочет сказать?

– Сделаем все, что в силах, что не в силах – тоже сделаем, – отозвался один.

– Переправим сперва детей, за ними, вернувшись, переведем остальных людей, а за молибденом уже в третью очередь, – предложил другой.

– Все с этим согласны? – спросил Боголюбов.

– Другого выхода нет. Если что – жизни не пожалеем! – добавил третий.

В течение суток альпинисты и те, кто мог им помочь, укатывали тропу перевала, утрамбовывали снег, сделали все, чтобы дети смогли по ней

¹ Продолжение (нач. см. в №№ 3, 6, 2005; № 2, 2006).

идти. Курт, Мажид и Сакинат, получив альпинистское снаряжение, тоже работали со всеми. Они вырубали небольшие ступени на тропе, а в самых опасных местах протягивали канат, чтобы дети прошли, держась за него.

В лагерь Тегенекли беспрерывно прибывали партии людей. Ставили шатры, палатки. К вечеру вернулись с гор те, кто делал дорогу для детей. Их накормили и разрешили лечь спать, отдохнуть. Курт, Мажид и Сакинат сидели в шатре, разведя внутри костер. Выступать надо было на рассвете, но сон не шел, они все сидели у костра, молча глядя на языки пламени.

Сакинат немигающими глазами смотрела на горящие и тускнеющие головешки и сравнивала их с человеческой жизнью. Рядом сидел Курт, палочкой перемешивая золу. Он то выводил на ней какие-то буквы, то что-то рисовал, Мажид все подкладывал и подкладывал в огонь поленья, словно боялся, что костер погаснет. Неожиданно в шатер вошел какой-то парень и с порога спросил:

– Кто здесь Мажид? Вас Боголюбов вызывает.

Мажид быстро поднялся и вышел вслед за посыльным.

Курт резко повернул голову к Сакинат, словно хотел сказать ей что-то важное. Девушка тоже посмотрела на него. Они встретились глазами, всматривались друг в друга, а взгляды их словно умоляли: «Ну, смотри на меня еще, смотри еще!» – они ласкали друг друга глазами, тянулись друг к другу и неслышно шептали что-то волнующее и тревожащее. Неожиданно Курт взял руку Сакинат. Она с трудом отняла ее и низко склонилась к огню, словно что-то в нем высматривала.

Курт приблизился к ней вплотную и попытался обнять, но Сакинат с силой оттолкнула его. Он сделал еще одну попытку, но Сакинат и на этот раз была неприступна. Тогда Курт разочарованно отошел и снова сел к огню. Девушка сидела, уронив голову к себе на колени, закрыв лицо руками, потом резко поднялась и, не в силах взглянуть на Курта, вышла из шатра...

Еще до рассвета альпинисты стали собираться.

Все вместе подняли детей, накормили их завтраком. Курт, Мажид и Сакинат тоже сели с альпинистами за стол, и, потянувшись за хлебом, девушка перехватила пристальный взгляд Курта. Они смутились, словно только о том и думали, что о минутах вчерашнего необдуманного порыва.

Позавтракав, вышли с альпинистами из столовой. Во дворе были выстроены дети: кто-то прижимал к себе узелок, кто-то – с сумкой, у кого-то за спиной вещмешок, кто-то торопливо дожевывал кусок хлеба, кто-то полусонно позевывал прямо в строю.

Еще раз посмотрели, все ли в порядке, затем разбили детей по группам и распределили между альпинистами и другими сопровождающими взрослыми. Рано утром вышли в путь.

Шли цепью, в след одного ступал следующий. Взрослые внимательно следят за детьми: кто отстает – подтягивают, кого-то ведут за руку, кого-то гладят по головке, подбадривают, забавляют. Так вышли на одинокую тропу, ведущую к перевалу.

Люди, раньше так близко не видевшие гор, просто очарованы и поражены их величием и красотой. Позабыв обо всех невзгодах, о беде,

которая пригнала их сюда, они зачарованно смотрели на горы, стремились к вершине, осторожно ступая по тропе...

Дети, глядя на вершины Эльбруса, убеждены, что это совсем другая земля, иной, неведомый им мир, и они идут к этой удивительно красивой земле. Другие, задрав головы, глядят в неправдоподобно голубое и чистое небо, которое, кажется, не имея ни конца, ни края, туго натянуто над ними, над землей; кому-то кажется, что вершины седого Эльбруса упираются прямо в это небо, и оно опирается на них.

Первые лучи солнца, коснувшиеся громады двуглавого ледника, сверкая в глазах, разливаются цветами радуги по всей земле. Все здесь контрастно и необычно; трудно совмещать в сознании вечные льды Эльбруса и яркие цветы, благоухающие в соседстве со льдами; громады гор и бездонные пропасти, шум горных потоков, низвергающихся вниз, и суровое, мудрое молчание гор-великанов. Люди на какое-то время забыли о войне, остановились и, очарованные, смотрели на панораму кавказских вершин.

Альпинисты шли легко, будто и не чувствовали тяжести подъема. Это ободряло и остальных. Они жадно вдыхали грудью чистейший горный воздух. Это, казалось, облегчало путь. Но, как ни говори, не уставая, не задыхаясь, по горам свободно ходят только горцы. Кому же горы в новинку, те быстро устают. Вот и дети устали подниматься. Сначала их очаровали горы, и они были счастливы соседством с ними, а вот теперь ноги не несут их. Альпинистам и всем взрослым все чаще приходится им помогать. Часто случается, что приходится нести на руках.

Медленно поднимаются, отдыхая через каждые двадцать минут.

Чем выше поднимается солнце, тем ярче и ослепительнее сверкают ледники, покрывшие панцирем бока вершин; огромная тень Эльбруса все большее пространство закрывает с северной стороны, а потом эта тень все уменьшается и уменьшается. Мажид помогает детям подниматься и в монотонном движении вспоминает о том, что рассказывали старики: каждый народ по-своему называл Эльбрус, вкладывая в это название какие-то свои чаяния, выражая свое отношение. «Ошхамахо», – говорят кабардинцы. Гора счастья. Легенды об Ошхамахо бытуют в народе испокон веков, и у каждого народа эти легенды различны.

Куда ни кинешь взор – льды. А по ним, вытянувшись ниточкой, поднимаются люди. Группу детей ведет Курт. За ним следует группа детей Сакинат. Курт только изредка имеет возможность оглянуться на Сакинат, и они иногда встречаются взглядами. Ему очень хочется, чтобы Сакинат догнала его, хочется взять ее за руку и помочь ей подниматься. Но, увы, до Сакинат, до ее руки не дотянуться. Не может он и остановиться, подождать ее. Так они и поднимаются в гору – и совсем рядом, и так далеко.

Вдруг впереди послышались шум, крики. Все испуганно посмотрели туда. Мальчик, думая, что опираясь на протянутый канат, перегнулся через него и свалился с узкой тропы. Никто не успел схватить его. Мальчик падал вниз – то на один, то на другой выступ скалы. Одежка его задралась к голове, и он летел вниз, как клубок шерсти. Пролетев метров пятнадцать-двадцать, он задержался на каком-то горизонтальном пятач-

ке. Никто не знал, жив он или мертв. Но всем было жаль мальчика... Альпинисты моментально сбегались, сбросили вниз канат, и двое ловко стали по нему спускаться. Они освободили голову мальчика, убедились, что он еще жив. Затем попытались приподнять и посадить его, но тот не смог – тяжелые повреждения причиняли боль, и мальчик стонал... Альпинисты осторожно затянули на нем страховку и подняли канатом наверх. А потом, поудобнее уложив, его понесли на носилках. Каждый их шаг причиняет мальчику боль, он стонет, сжимает зубы, корчится... А тропа узкая, с множеством поворотов, и носилки то задевают выступ скалы, то альпинисты, перепрыгивая трещины, сильно их встряхивают. Все это причиняет мальчику боль...

Осенний день недолог. Дети только миновали вершину горы, как начало темнеть. Здесь уже опасных мест стало меньше, но еще достаточно было острых выступов в скалах, обвалов и пропастей. Альпинисты, конечно, спустились бы легко и быстро, но дети очень устали, да и ели они мало. Становилось совсем темно, и двигаться дальше было рискованно. Альпинисты решили заночевать в огромной нише в горе, к которой ведет тропа. Группы, шедшие впереди, добрались до ниши, над которой козырьком нависал огромный горный уступ, и дети стали располагаться на отдых. Каждый искал себе уголок получше.

Взрослые сели спинами к выходу из ниши, по группам стали разводить костры; дети подсаживались поближе к огню. Им раздали еду, и, сидя у костров, они тихо жевали свой сухой паек.

Затем, беспокоясь, чтобы они не замерзли ночью, взрослые стали раздавать детям одеяла, теплую одежду, обходили свои группы, внимательно следили, все ли сделано, не остался ли кто без постели и одежды.

В небе, словно вешалка, висела тоненькая изогнутая луна, еле-еле освещая горные вершины...

Сакинат одиноко сидела у костра. Тихо подошел Курт.

– Сакинат, – произнес он, но девушка, словно не слышала его, оставалась неподвижной.

Курт протянул ей что-то свернутое и жестом показал, чтобы она укуталась. Сакинат молча подняла голову и взглянула на Курта. Видя, что девушка не берет у него вещь, Курт подошел и сам накиннул ей на плечи. Она чуть вздрогнула, невольно оглянулась на юношу. Курт присел рядом, стал потихоньку, почти незаметно прижиматься к Сакинат. Они тесно прижались плечами и так оставались долго, словно затаили дыхание и чего-то ждали.

Сердце девушки билось так, словно было готово выскочить из груди. Ей казалось, оно разогнало кровь по всему телу, и лицо ее сейчас горело, пылало...

Когда Курту показалось, что все вокруг уже спят, он осмелел и осторожно обнял девушку за талию. Сакинат вздрогнула, отстранилась от его рук, но Курт, словно прислушиваясь к ее дыханию, положил голову на ее плечо и прижал крепче к себе. Сакинат задрожала всем телом, высвободилась из его объятий, встала и села уже на противоположной стороне костра. И после этого до утра уже не приближалась к Курту.

Утром все снова разделились по группам и двинулись дальше. И здесь горы были так же прекрасны, так же манили взор – гордые и величественные. Между горами, петляя, вилась единственная тропа, по которой длинной цепочкой вытянулись дети и взрослые. Они то спускались вниз, то снова поднимались вверх, сворачивали за выступ, снова появлялись за другим поворотом. Останавливались, после короткого привала шли вперед...

Поднявшись на очередную вершину, остановились отдохнуть.

На склоне противоположной горы раскинулся аул, который был виден отсюда как на ладони. Аул окружали горы, густо покрытые могучими деревьями, такими же величественными и грозными, как и сами горы, казалось, они не уступали горам и в возрасте.

С вершины аул казался совсем близким, а пошли туда – оказалось – ох, как до него еще далеко. Дорога была извилистой, то ныряла в ущелье, то бежала в гору. Наконец путники подошли к горному селению. Увидев их, аульчане вышли навстречу, – чуть ли не все жители, – чтобы скорее встретить, обогреть, устроить несчастных сирот, которых они ждали со дня на день. Как своих родных встретили сваны детей и сопровождающих их взрослых.

Собрался весь аул и, как пчелиный рой, встревожено носится вокруг прибывших, каждый сван стремится оказать внимание им, каждый стремится устроить несчастных, приласкать, сказать доброе слово. Люди собирали столы, стулья, еду, одежду... Осеннее солнце смотрело на все это с невозмутимым спокойствием, посмотрело и стало клониться к закату.

Взрослые, конечно, помнили о предстоящем им обратном пути, но их удерживало то, что нельзя выходить в путь на ночь глядя. Надо было обязательно отдохнуть: и без того ровно двое суток они нормально не отдыхали и не ели.

Мажиду и Курту вместе с альпинистами сваны выделили комнаты в школе, принесли им еду и сказали, чтобы те, никого не ожидая, поели и ложились спать – им предстоит трудная дорога.

Вместе с женщинами-воспитательницами аульчане устраивают на новом месте детей, с ними и Сакинат. Она переходит от одного ребенка к другому, желая убедиться, все ли в порядке, кормит, утешает, ласкает. Когда все дети были устроены, только тогда женщины вспомнили, что и Сакинат здесь только в гостях – утром ей возвращаться назад.

– Ой, мы-то совсем из головы выпустили, что тебе возвращаться. Мало того что в пути столько натерпелась, ты и сейчас нам очень помогла, облегчила нам дело. Большое тебе спасибо, Сакинат, и, ради бога, извини, что мы до сих пор не уделили тебе внимания. Но, сама видишь, завозились, дети устали, – извинялись женщины перед Сакинат.

– Да вы не беспокойтесь, я с удовольствием помогала вам, – говорила Сакинат, просила не обращать на нее особого внимания.

Как бы ни упиралась Сакинат, женщины накормили ее ужином и отвели в комнату, где должны были спать женщины, отвели и попросили лечь, отдохнуть. Но долго еще Сакинат не могла уснуть. То она мысленно видела снова, как мальчик сорвался в пропасть и падал, цепляясь за усту-

пы, то темные ущелья, от одного взгляда на которые кружится голова, то себя рядом с Куртом у костра... То сердцу становилось как-то тревожно, то неожиданно сладостно и тепло от мимолетно испытанного чувства, и тогда по всему ее телу пробегало что-то волнующее и радостное...

На рассвете ее разбудил шум людей в коридоре, шаги и разговоры. Она испуганно вскочила, решив, что люди, видимо, давно ее ждут, что, наверное, Курт тоже приходил, чтобы ее разбудить, да слишком крепко она спала после трудного пути. Впопыхах она стала натягивать на себя одежду, путаясь в рукавах. Осторожно, чтобы никого не разбудить, Сакинат порылась у себя в карманах, нашла огрызок карандаша, оторвала клочок от газеты, которая лежала на печке, и написала: «Большое спасибо за все, что вы для нас сделали. Пожалуйста, берегите наших детей. Всего доброго вам». Оглянула комнату, не зная, куда положить эту записку, чтобы ее заметили утром, и вдруг увидела, что у стены стоит одна пустая кровать; заметила, что на ней кто-то спал, но уже встал и ушел. Она положила на постель клочок бумаги и быстро вышла в коридор. Со стороны кухни доносились чьи-то голоса. Сакинат плеснула себе в лицо студеной водой и зашла на кухню.

Здесь мужчины пили чай. Одна сванка укладывала им в рюкзаки продукты на обратный путь.

– Заходи, заходи, дорогая, еще немного и ты бы отстала от них, – весело сказала сванка, которая вчера вечером почти силой накормила ее и уложила спать. Мужчины оставили свободное место рядом с собой для Сакинат. Она скромно села.

– Доброе утро, – приветствовала она всех.

– Доброе утро.

– Мы решили не будить тебя, но не вышло. Рано ты сама проснулась, – весело говорили мужчины, как бы ободряя девушку, чтобы она не чувствовала себя отчужденно и скованно.

– «Кто зовет, тот спать не дает», – говорят в народе, так и я, всю ночь думала о предстоящей дороге и почти не спала, – весело ответила Сакинат и села со всеми за стол.

Позавтракав, спозаранку отправились в путь. Всем обратный путь казался немного легче. Впереди шли альпинисты, то спускались в ущелья, то легко поднимались в гору, то шли над краем пропасти. И другая группа старалась не отставать от них, делали вид, будто им легко и они нисколько не устали. Прошли перевал, дорога пошла вниз по склону и самые опасные участки пути были уже позади.

Когда короткий осенний день клонился к вечеру, группа вернулась в лагерь. Альпинисты доложили, что дети доставлены, там за ними будут ухаживать, заботиться, там им ничто не грозит. Начальник лагеря сказал, что получен приказ, по которому альпинисты должны готовиться к отправке в Сванетию другой партии людей – раненых, стариков, а Мажид, Курт и Сакинат должны вернуться к партизанам.

Пожинав, все легли спать, договорившись встать на рассвете. Курт лежал и не мог заснуть. Он все время посматривал в ту сторону, где лежала Сакинат, но не решался ни подойти к ней, ни заговорить, потому что рядом был Мажид.

Иной раз он внезапно садился в постели, вытянувшись ровно, словно отдавал кому-то рапорт. Начинал искать глазами в темном шатре уснувших друзей. Но, поняв, что он тоже в шатре, что никому отдавать рапорта не нужно, сам с собой говорил, словно оправдывался перед собственной совестью: нет, я не изменил немецкому народу. И политикой я не занимаюсь. Но мой враг – это фашизм... Я был бы счастлив и сегодня сослужить добрую службу своему народу, но что поделаешь – мой народ и моя родина опозорены фашизмом, его злодеяниями, звериная суть фашизма душит страну, и боюсь, что она его задушит... Немецкий народ... моя любовь, моя надежда! Родина моя, я тоскую по тебе, ты услышь мою исповедь, пойми, почувствуй мои страдания, мою тоску в разлуке с тобой... Я знаю, есть, должен быть отзвук моей тоске, но мы не слышим друг друга: фашизм сковал тебя железным кольцом, в железных цепях твои ноги, и ты не можешь свободно шагать, моя родина; в удушливый мрачным туман окутал фашизм всю землю, и ты не можешь разглядеть своей дороги, ты ослеплена. Что делать? Кто услышит меня, кто меня поймет? Я никогда не хотел ни одного дня жить вне родины, вдали от нее, от моего народа, но все люди на земле стали презирать мою страну, они ненавидят ее вместе с ее фашизмом; им кажется, что моя страна вся поражена этой коричневой чумой, этим бешенством и что она жаждет проглотить все и вся. И это только по вине Гитлера и его шайки. Но нельзя винить народ, нельзя презирать его. Ведь как ни сился фашизм все погубить, все же останутся жизнь, мир, человечность, мои соотечественники, жаждущие счастья. Я вижу этих людей, я верю в их существование.

Так услышьте меня, люди, стонущие под игом фашизма! Я душой и сердцем немец, но, видит бог, я враг фашизма... Я никогда не убивал людей и не могу убить, нет... Не для того я пришел в этот чудный мир – я пришел, чтобы сделать людей добрее и счастливее, открывать им красоты жизни, сделать их чище и лучше. Это моя мечта, это моя путеводная звезда...

До самой зари Курт так и не заснул: он то садился в постели, то снова ложился, а про себя все время шептал, как молитву, эту свою исповедь.

Вскоре во дворе раздался шум, голоса, друзья Курта тоже проснулись.

– Доброе утро!

– Доброго тебе тоже утра! – отвечали те, быстро одеваясь.

Сакинат быстро собрала спальный мешок, в котором она лежала одетой, и вышла на улицу.

Весь двор лагеря, хотя было еще темно, был заполнен людьми. Здесь каждый знал свои обязанности и стремился точно их выполнить. Люди в лагере знали, что их будут переправлять через горы, и сейчас у них все было связано с предстоящей дорогой. Мажид, Курт и Сакинат, как и было им велено, стали спускаться вниз, к партизанам.

Шли они то рядом, когда тропа становилась шире, и тогда Сакинат они вели между собой, то друг за другом, цепочкой. Становилось все светлее и светлее, словно ночь они оставили там, на вершине горы.

А дорога сложная и разная: то она идет над самым обрывом, то круто спускается вниз, то карабкается вверх. Когда тропа становится совсем опасной, Курт протягивает руку Сакинат, чтобы помочь ей, и тогда по

всему ее телу что-то пробегает, словно ток, обжигая и волнуя; голова начинает кружиться и темнеет в глазах. Но она силой сдерживает себя, чтобы Мажид не заметил ее волнения, и идет. Так они спустились к самому подножью гор.

Здесь Мажид как-то чудно приложил пальцы к губам и несколько раз крикнул по-кукушьи. Они на какое-то мгновение притихли, прислушиваясь, как эхо уносит далеко этот крик. Вскоре до них донесся и ответ.

– Ждут, ждут нас! – радостно воскликнул Мажид, и они быстро направились к пещере в горе над бурным Баксаном. Издали увидели, как навстречу вышел из пещеры Хаутий.

– Лошади ваши там, в укрытии, – сказал он, когда путники зашли в пещеру.

Сакинат подошла к своему вороному, ласково погладила его. Долго гладила красавца, которого она выбрала. А Мажид и Курт вместе сели на одного гнедого. Хаутий сел на своего коня и, обернувшись, спросил:

– Ну, удалось переправить детей?

– Да, удалось, – коротко ответил Мажид. – Ну, а тут что нового?

– Немцы подошли к Тереку с той стороны. Наши части пока обороняются, сдерживают наступление. Мы, партизаны, тоже нанесли немцам кое-какой урон: с десятков машин, шесть-семь танков, – сообщил Хаутий, словно хотел залпом выдать им все новости сразу.

Сакинат, когда еще училась в школе, ходила на ипподром и училась конному спорту; стала ездить хорошо и уверенно. Правда, в скачках она не участвовала, но дело знала хорошо. Уздечку она держала собранно, покороче, и конь под ней шел спокойно. Ребята ехали следом, не очень догоняя, но и не отставая от нее.

За большим выступом горы они свернули влево и заметили, как из-за гор хлынули на них бурные лучи солнца. Эти лучи словно вырвались из неволи долгой ночи, неудержимым потоком падали на землю, разгоняя тьму, туман, окрашивая горизонт в алый цвет. Солнце словно спешило, жаждало открыть людям всю прелесть, всю неописуемую красоту теплого осеннего дня, красоту его пробуждения. Лучи его скользили по горным вершинам, освещали леса, они сверкали в капельках росы, словно изумрудные зерна, рассыпанные на траве, по листве. Сакинат зачарованно смотрела на все это, по-прежнему умело управляя конем.

– Уже совсем рассвело, нам нельзя так беспечно ехать, – заговорил Хаутий. – Давай-ка сворачивай ближе к лесу, – добавил он, обращаясь к Сакинат, ехавшей впереди.

Сакинат свернула к лесу. Поехали они по извилистой дороге, которая то скрывалась в лесу, то юрко выбегала на лужайку.

– Если ты устала, то отдохнем немного, – окликнул Сакинат Мажид.

– Приедем на место, тогда и отдохнем, – ответила та.

Так, лесными и горными тропами, особенно не выезжая на открытые места, они выбрались из Баксанского ущелья в Чегемское.

Перейдя вброд реку, далеко объезжая Нальчик, путники остановились на краю Вольного Аула. Все селение было видно, как на ладони, с высоты. Они увидели оттуда танки и пушки, сгрудившиеся в одном месте. Во все

стороны сновали тяжелые машины, увозя куда-то партиями немецких солдат. Некоторые дома селения догорали, поднимая к небу черный и смрадный дым.

Группа во главе с Хаутием долго с грустью смотрела из укрытия в лесу на эту печальную картину. Потом тихо тронулись в путь дальше и скрылись в Урванских лесах. Там и были сосредоточены партизанские отряды.

Когда путники выехали на большую поляну, Хаутий придержал коня и облегченно сказал:

– Приехали!

Те тоже сразу остановились, но недоверчиво оглядывались вокруг.

– Да, да, приехали, – повторил Хаутий.

– В это время то с одной, то с другой стороны стали появляться из лесу люди. Подошли, помогли путникам спешиться.

– Ведите их сюда, – послышался чей-то высокий голос. Тогда одни из подошедших отвели в сторону уставших в пути коней, другие повели прибывших туда, откуда донесся голос.

Вокруг той поляны по всему лесу были скрыты жилища партизан, их укрепления. Все было тщательно замаскировано, все вокруг воспринималось только как густой лес. Некоторые укрытия были сооружены прямо над пещерами и были вообще незаметны, внутри – просторно и уютно, вдоль стен шли аккуратные полки-нары, покрытые мягким сеном.

Приехавших завели в одну из пещер, где керосиновая лампа слабо освещала внутренность. Чувствовалось, что пещера довольно глубока. Хаутий, отлучившись на минутку, вернулся, остановился у самого входа и четко сказал:

– Сакинат и Мажид приглашает к себе Темболат.

Те быстро поднялись и вышли, Хаутий и Курт остались. Они молчали, осматривая внутренность блиндажа, а если их взгляды и встречались, старались ни о чем не заговорить. Курт не знал кабардинского языка, Хаутий немецкого тоже не изучал: после четвертого класса он вообще оставил учебу и с тех пор был скотоводом.

Блиндаж, куда зашли Сакинат и Мажид, был еще просторнее прежнего, светлое и уютное, видимо, и по глубине больше. Всюду стояли ровно спиленные пни, заменявшие стулья, сколоченные доски на ножках заменяли стол. В блиндаже никого не было.

Сакинат и Мажид не успели хорошо оглядеться в помещении, как услышали голос юноши, который привел их сюда.

– Я их завел в твой блиндаж. Они здесь.

В ту же минуту, пригнувшись, в дверях блиндажа появился Темболат. Заметив его, Сакинат и Мажид быстро встали.

– С приездом вас! Ну, как дела? Садитесь, садитесь, – Темболат подошел, поздоровался с ними за руки. – Как удалась вам операция, все ли сделано как следует? – торопливо спрашивал он, устраиваясь на пенке напротив них.

– Дети устроены, нормально устроены. Встретили нас исключительно хорошо. Приняли детей, как своих родных, по которым сильно соскучи-

лись за время долгой разлуки... А мы вот других не стали ждать, как вы приказали, вернулись назад... Альпинисты во время перехода работали очень хорошо, слаженно; на опасных участках протягивали канаты, чтобы дети могли идти, держась за них...

– Это все очень хорошо. Ну и я, в свою очередь, познакомлю вас с делами, происходившими здесь без вас. Наши селения и поселки, города, расположенные у автотрассы Пятигорск–Орджоникидзе, все оккупированы немцами. Они не намерены были остановиться на этом, упрямо рвались к столице Осетии и дальше – к перевалу, но наши части остановили их на левом берегу Терека у Эльхотово, и пока что держат оборону именно на этом рубеже... Части Красной Армии остановили и те войска, которые хотели через Моздок прорваться к Грозному. В связи со всем изложенным большая роль отводится и нам, партизанам. Что конкретно? Мы должны неожиданно нападать на части противника, молниеносно отходить после боя, заматывая все свои следы. Потом снова бить их в тех местах, где нас совершенно не ждут. Таким образом наносить ущерб и вносить в их ряды панику, расчленяя их, помогая регулярным частям Красной Армии громить врага на позициях... Это одно. Другое: я хотел бы знать, как этот немец, Курт, как он себя показал? Я доложил о нем нашим органам, и нам поручено строго следить за ним, проверить его досконально. Как вы думаете, он действительно хочет быть с нами, он искренен в этом? Действительно ли он ненавидит фашизм? Как он вам показался? Что вы заметили за ним? Только говорите прямо, никакой двусмысленности не может быть в данном случае. Чтобы потом горько не сожалеть, мы должны точно знать, в какой степени мы можем ему доверять... Это понятно?

Сакинат и Мажид взглянули друг на друга, пожали плечами, словно говоря, что им нечего сказать. А Сакинат, увидев глаза Мажида, почему-то решила, что он знает обо всем, об отношении ее к Курту, и как-то сникла, опустила голову и сжалась. Нерешительно потерла рукой о руку, поерзала на чурбане, помолчала, потом выпалила:

– Ему можно верить!

– Вот я то же самое говорю, я верю, что он ненавидит фашизм, – радостно поддержал девушку Мажид.

– Как бы там ни было, он будет с вами... Оправдает ваши слова, значит, ваша заслуга, подведет – пеняйте на себя. Прошу это строго учесть, намотать на ус. Это я предупреждаю затем, чтобы вы не теряли бдительности в любом случае. С этим вопросом кончено... А мы тут взяли одного немца, который указал место, где находится большой склад оружия. Мы должны взорвать этот склад. И провести операцию, мы считаем, под силу вам.

– Где находится склад? – спросила Сакинат.

– В девяти-десяти километрах отсюда...

– А зачем в этой операции нам нужен Курт? – решила уточнить Сакинат. – Наверное, и без него справимся.

– Он немец, язык знает.

– Нам лучше иметь человека, хорошо знающего не язык, а местность, – продолжала развивать свою мысль Сакинат.

– Я тоже согласен с этим, – поддержал ее Мажид.

– И я согласен... А кто, по-вашему, хорошо знает местность?

– Лиуан, – коротко отрезала Сакинат.

– Откуда Лиуану знать местность? – недоуменно спросил Темболат.

– Знает, – не отступала Сакинат. – Каждая рытвина, каждый куст и камень, каждый поворот ему знаком, – добавила она, уточняя возможности Лиуана. – Без всякой помощи безошибочно он может составить карту села с точностью до одного камешка.

– Это чудесно. Кто пойдет с ним?

– Я, – вскочила Сакинат.

– Мало, нужны еще люди. Вам не просто надо прогуляться туда и обратно. Чем будете взрывать? Динамит, мины нужны. Это тяжесть, ее нести надо.

– А я же ведь... – сказал Мажид с таким видом, будто он обиделся, что о нем забыли.

– Ну, вот и договорились. Идите и отдыхайте, вы проделали большой путь, устали. А я поговорю с Лиуаном.

Мажид и Сакинат, выйдя из блиндажа Темболата, направились туда, где они оставили Хаутия и Курта.

– Пойдемте, я провожу вас в нашу столовую, – радостно вскочил Хаутий и вывел всех из пещеры. Когда они подошли к входу в столовую, услышали что-то, напоминающее стук дятла по стволу дерева: тук-тук-тук!

Мария Васильевна, бывший инспектор министерства просвещения, стоявшая сейчас у стола и ловко шинковавшая капусту, не заметила вошедших. Когда те подошли к столу, Мария Васильевна подняла на них глаза и сразу же узнала Сакинат. Девушка тоже бросилась к ней и крепко обняла.

Мария Васильевна знала хорошо всех, кто учился с Сакинат в одном классе, приезжая в их школу, постоянно с ними встречалась, беседовала о многом. Одноклассники Сакинат тоже очень любили Марию Васильевну, относились к ней, как к самой любимой учительнице.

– Добро пожаловать, дорогие, заходите, я сейчас покормлю вас, – встретила она их радостно и стала быстро убирать со стола капусту.

Каждый день сюда из селений приходили люди и пополняли ряды партизан. Поэтому и возможности партизан возрастали, росла их ударная сила. Они группами и поодиночке часто уходили ночами, проводили операции и возвращались. Бывало, приносили трупы своих товарищей, приводили раненых.

Во время рейдов они взрывали мосты, сжигали склады боеприпасов, проводили разведку, уничтожали живую силу и технику врага. Каждый патриот, любящий свою землю, стремился хоть чем-то помочь Родине в ее горький час, сделать что-нибудь для ее защиты, поэтому они и становились партизанами.

Сакинат, Мажид и Лиуан вот уже несколько дней жили здесь в томительном ожидании часа, когда им тоже будет поручено какое-то задание... И вот однажды их вызвали в блиндаж Темболата.

– Теперь настал и ваш черед, – начал Темболат спокойно и задумчи-

во. – Перед нами серьезная задача: мы должны взорвать склад с боеприпасами, что немцы накапливают для наступления. И эта задача поручается вам. Будьте бдительны и осторожны. Берегите друг друга и помогайте друг другу. Склад этот имеет очень большое значение для врага и поэтому немцы охраняют его очень бдительно. Берите необходимое оружие и взрывчатку, постарайтесь ничего не забыть и не упустить. Итак, счастливого пути, и – будьте внимательны: зря не рискуйте, не лезьте под пули. Склады размещены в бывших колхозных амбарах слева от дороги в самом конце села... Осторожность, осторожность к еще раз осторожность, – настойчиво повторил Темболат.

– Не беспокойтесь, сделаем все возможное. Выполним задание и вернемся живыми, – сказал Мажид.

– Ну, в дорогу... Ты был на фронте, обстрелян, вот и будешь возглавлять группу, – Темболат встал и протянул руку Мажиду.

Мажид крепко пожал протянутую руку. А потом и обнял его.

К ним подошел Хаутий и молча остановился.

– Ты все для них приготовил? – спросил Темболат.

– Все готово! – отчеканил тот.

– Ну, доброго вам пути, идите! – Темболат повернулся и быстро возвратился в свой блиндаж, чтобы не смотреть вслед уходящим на задание ребятам.

Еще засветло они прошли лес и оказались на самой его опушке, но выходить на поляну пока не решились. Они прошли по лесу в одну сторону, потом в другую, высматривая, как им лучше подобраться к селу, с какого конца в него войти.

По селу разбегалось много улиц, по которым можно было подобраться к амбарам, но всюду патрулировали немцы... «Странно, если в каждом селе болтается столько немцев, то кто же воюет там, на фронте?» – удивлялись партизаны.

Так, прохаживаясь по лесу, партизаны до самой темноты следили за селом, за передвижениями немцев.

Лиуан отлично знал местность от леса до села.

Шли партизаны на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга, впереди осторожно двигался Лиуан и напряженно думал, думал о предстоящем. «Если в другом конце села немцы не охраняют кирпичный завод, – размышлял он, – то мы остановку сделаем в траншеях, где раньше обжигали камни». За Лиуаном шла Сакинат. Цепочку замыкал Мажид. Партизаны время от времени останавливались, прислушивались к темноте и снова двигались вперед.

Лиуан увидел впереди силуэты построек кирпичного завода. Он остановился, чтобы товарищи не потеряли его из виду. Когда Сакинат с Мажидом подошли к нему, он жестом показал, чтобы они двигались за ним, и двинулся дальше, вскоре он опустился в глубокую траншею, которая вела прямо во двор кирпичного завода. До войны, когда по этой траншее шла вода, Лиуан с друзьями плавали там вниз до самого завода и шумно плескались в глубокой воронке. Это была даже не воронка, а водохранилище, из которого вода с силой падала на огромные маховики.

Если проскользнуть под маховиком, то по огромной трубе незаметно можно было добраться до центра села.

Лиуан шел и все это вспоминал в деталях. Сакинат и Мажид не отставали от него.

Ступая по дну траншеи, Лиуан пролез под заводской изгородью. Остановился, подождал спутников. Он прокладывал себе путь по дну давно заброшенной траншеи, продираясь сквозь густой бурьян. Остальные шли за ним по готовой уже тропе.

Лиуан спустился в глубокую воронку, которую некогда заполняла вода, и присел. Прислушался к ночной темноте, но кроме отдаленных невнятных звуков ничего не услышал. Подошел к огромному маховику, сняв с себя автомат и груз взрывчатки, что нес под плащом, он юркнул под маховик. Потом помог проползти под маховиком Сакинат и Мажиду и снова присел.

– Теперь, пока не дойдем до речки, – сказал Лиуан, – ничего страшного нет... Этой дороги не только немцы, даже многие наши односельчане не знают. Но все равно нам лучше торопиться. – Лиуан тут же поднялся и двинулся вперед. Туннель, который шел под землей, был высок и просторен. Правда, изредка кончался песок на его дне, начиналась какая-то вязкая и скользкая грязь, потом снова они шли по песку. Так добрались до речки и остановились.

Лиуан первым вышел на поверхность, круто свернул влево, пошел по-над речкой по траншее. Остановился и прислушался. Но ничего кроме шума реки в темноте не услышал. Увидев, что Сакинат с Мажидом идут вплотную за ним, двинулся дальше. Шел он под самым откосом, ловко прижимаясь к берегу, как тур по скалам. Идущие за ним старались не отставать.

Перейдя дорогу, им надо было юркнуть в узкий переулок. Они услышали какой-то шум, Лиуан махнул рукой и побежал. За ним перебежала дорога Сакинат, потом – Мажид...

Переулочек вилил между двумя колючими плетнями из терна. А под ним росла густая высокая крапива. Шел переулок между огородами последних домов в этой части села и бывшими колхозными амбарами. Перебежками, все время останавливаясь и вслушиваясь в ночь, затаив дыхание, они дошли до бывших амбаров. Здесь снова остановились и долго прислушивались. Издалека доносилась лающая речь немецких солдат.

– Идет смена караула. Это совсем хорошо, – сказал шепотом Лиуан.

Спутники согласились, что это очень кстати. Они тихо, осторожно направились туда, откуда доносилась немецкая речь.

Тихо-тихо переступая, группа подошла к изгороди, окружавшей склад, и притаилась. В темноте совсем не было видно ни наростов, сделанных специально на плетне, ни мощных кольев, которые подпирали забор по всей длине. Но эта темнота скрывала и людей, сидевших сейчас под забором на корточках. Пользуясь такой благоприятной возможностью, партизаны сидели тихо и внимательно следили за тем, в каком месте можно проскользнуть, оставаясь незамеченными.

Склад был огорожен с четырех сторон, и каждую сторону охранял один солдат, поэтому этот солдат, как маятник, ходил вдоль забора туда

и обратно. Дойдя до одного угла, часовой встречал того, кто охранял другую сторону, на какое-то время они останавливались и перекидывались несколькими фразами, после чего оба направлялись к другому углу, чтобы там встретиться уже с другим солдатом и в разговоре с ним скоротать время караула.

Мимо притаившихся под забором партизан несколько раз туда и обратно прошел часовой. В третий раз шел немец по направлению к ним, что-то тихо напевая про себя, и, видимо, был абсолютно уверен, что вокруг все нормально, что кроме тьмы и тишины ничего и никого нет. Это и нужно было Мажиду: когда немец поравнялся с ним, он ловко схватил его железной хваткой и притянул к себе. Тут же бросился на немца Лиуан, и они вдвоем пригвоздили часового к земле, не дав даже пикнуть.

Но фашист все бился, пытался вырваться, крикнуть. Тогда Лиуан нанес ему по шее удар автоматом, и тот притих, стал совсем податлив, казалось, даже дух испустил. Все трое быстро связали немца.

Мажид тут же подумал о другом часовом, с которым на углу должен был встретиться этот, и чтобы тот не стал его долго ждать, и, не дай бог, не подумал чего-нибудь дурного, сам пошел к нему навстречу. Он сказал об этом своим ребятам и быстро оказался на углу, с ним пришел и Лиуан. Немец приблизился с той стороны в надежде поболтать с сослуживцем и даже начал было о чем-то говорить, но молниеносно был схвачен партизанами и унесен в сторону. Ворота были недалеко, за углом. Увидев это, партизаны ловко перепрыгнули через забор и оказались во дворе оружейного склада.

– Сакинат, – тихо сказал Мажид, – ты быстро облей весь склад бензином, а мы с Лиуаном встретим оставшихся двух часовых.

Сакинат сразу же расстегнула на спине Лиуана сумку, в которой тот нес канистру с бензином, достала ее и начала обливаться склад.

Мажид и Лиуан направились в разные стороны, чтобы встретить своих жертв. Взвели автоматы и стали тихо пробираться вдоль забора.

Почти одновременно они увидели в темноте часовых. Те, встретившись на углу, о чем-то поболтали и уже тихо побрели вдоль забора к углам противоположным.

Партизаны просунули автоматы сквозь плетень и стали ждать немцев, а те медленно приближались к ним. Сакинат тоже заканчивала свою работу.

Когда немец приблизился на расстояние вытянутой руки, Мажид сделал одиночный выстрел, и немец, даже не вскрикнув, тяжело рухнул на землю. Лиуан тоже, словно боясь отстать от Мажида, выстрелил в «своего» немца и уложил его...

Ребята еще некоторое время смотрели в щель забора на убитых немцев, словно те могли сейчас подняться. Но вокруг царил тишина, и ребята быстро подошли к Сакинат.

– Я все облила, – радостно сообщила она.

– Ну, тогда давай поджигай, – приказал Мажид Лиуану. Сам он тоже чиркнул спичкой и поднес ее к стене, облитой бензином. Лиуан поджег склад с другого конца и приказал:

– Уходим!

Они мгновенно перемахнули через забор и скрылись в узеньком переулке. А тем временем пожар все разгорался, разрывая ночную тьму, пламя, подхлестываемое ветерком, огромными языками все выше и выше поднималось в небо. Это вселяло в партизан ни с чем не сравнимую радость и гордость. Когда они добежали до речки, – словно салютуя их мужественному подвигу, раздавались взрывы бомб, снарядов, грохот динамита, треск пуль – всего, что находилось в смертоносной утробе склада.

В сторону пожара с шумом неслись машины. Крики немецких солдат носились в темноте, отдаваясь эхом где-то далеко за речкой.

Партизаны, вышедшие к краю леса, чтобы встретить группу Мажида, хорошо видели, как горел в селе склад. Они радовались этому, радовались подвигу друзей, но в то же время тревожились за них жизнь.

Тем временем группа Мажида, окрыленная удачно проведенной операцией, осторожно, но быстро бежала к туннелю... потом они бежали по нему под землей... быстро пересекли территорию завода... неслись по глухой и заросшей траншее в сторону леса... У самого леса их радостно встретили партизаны, веселой гурьбой все направились к лагерю.

А немцев утро застало в великой панике. Они носились по селению вконец озверевшие, готовые съесть живьем каждого советского человека.

Немецкий полковник собрал вокруг себя всех офицеров и в дикой ярости орал на них:

– Скоты, негодяи! Я вас всех!.. Идите в лес, ищите, прочешите все, сделайте так, чтобы ни одного живого партизана там не осталось.

Немецкие офицеры повели в лес сотни автоматчиков и стали прочесывать его вдоль и поперек.

Партизаны, принявшие бой, убитыми и ранеными потеряли много. Конечно, они потеряли бы еще больше, если бы немцы хорошо знали местность, знали лес. Партизаны, принявшие на себя натиск автоматчиков, поняли, что у врага слишком большое преимущество, и, отступая с боем, все-таки ушли от немцев.

В этом бою была тяжело ранена и Сакинат.

– Друзья, – обратился Темболат к партизанам, – как видите сами, враг упорно наступает на нас. Нет никакого сомнения в том, что наша Красная Армия здорово нагрела землю под его ногами, больно ударила по нему. Если мы продержимся и выйдем из создавшегося положения, то непременно победим. Вы знаете, что враг ни на шаг не смог двинуться дальше Эльхотова. Он каждый день несет огромные потери. Но как бы там ни было, факт есть факт – у нас много раненых. А у нас недостаточно врачей, не хватает медикаментов... И взять все это нам негде, если не возьмем у врага. Что я хочу сказать? Нам необходимо еще раз навеститься и село и попытаться все это там раздобыть. Операция эта смертельно опасна, мы прекрасно понимаем, что теперь немцы с удвоенной бдительностью стали охранять склады и все подступы к селению. Но что делать? Другого выхода у нас нет. Если в селении мы не раздобудем лекарства, что будет с нашими ранеными товарищами?.. Повторяю: у нас нет другого выхода.

Подумайте, обдумайте все в деталях и найдите лучший вариант выхода из положения. Если немцы утроили, удесятерили свою бдительность, мы тоже должны действовать с еще большей осторожностью, большим упорством и мужеством. – Темболат сделал паузу, посмотрел на окружавших его товарищей, потом обратился с прямым вопросом: – Так, кто пойдет добровольно на выполнение этой операции?

– Я! – поднял руку один.

– Я! – поддержал второй.

– Я! – еще громче заявил третий.

– Я! – слышались голоса многих.

Многие изъявили желание отправиться в селение за лекарствами, но Темболат властным голосом остановил всех.

– Достаточно! Оставайтесь только те, кого я записал, а остальным пока отдыхать. – Темболат отошел в сторону и жестом пригласил к себе тех, кому выпало отправиться в селение. Здесь он обратился к ним:

– В такой тяжкий час и нуждается Родина в верных сынах и дочерях. Я каждого из вас считаю настоящим патриотом, смелым, мужественным, готовым отдать жизнь во имя свободы родной земли и великой Родины. Да, вы – герои... И это не просто высокие слова, не просто мое желание сказать вам приятное или польстить вашему самолюбию, вы действительно герои... Враг бросает все силы, чтобы удержать захваченное... Но все же, если мы продержимся хотя бы немного, мы победим.

Итак, мы все надеемся на вас... Будьте осторожны и не мешкайте там. Поторопитесь теперь. Если прорветесь в селение, разведайте все, что возможно: каково вооружение у врага, его моральный дух, где расположены основные огневые точки, что говорят в селе. Но будьте осторожны... Разделитесь по два человека, как сами посчитаете нужным... Как вы думаете делиться, кто с кем?

– Мы с Хаутием пойдём, – поднялся Лиуан.

– Стало быть, Мухаб будет с Исуфом. Ну, идите, доброго вам пути. Только будьте осторожны, – сказал Темболат, за руки попрощался с ребятами. Это означало, что партизаны должны отправиться в путь, поэтому они повернулись и вышли из помещения.

Однако, выйдя днем в дорогу, они не решились до наступления темноты выйти из леса. Лиуан знал одну тайную дорогу, по которой и повел ребят в селение, где жил староста Мисост. Вернее, Лиуан повел туда одного Хаутия. А те пошли в другое село, где староста был им знаком...

Прошло три дня, как партизаны отправились за медикаментами, но до сих пор никаких слухов о них не было. Оставшиеся очень волновались, особенно Темболат. На четвертый день старик, к которому пошли Мухаб и Исуф, в сопровождении своего внука-подростка все-таки разыскал партизанский лагерь.

Обитатели лагеря встретили незнакомого старика настороженно.

– Недобрую весть я принес вам, сыны мои, – заговорил старик. – Погибли они, Исуф с Мухабом. Нет их...

Партизаны уронили головы в скорбном молчании.

– Они пришли прямо ко мне, – снова заговорил старик. – Я рас-

сказал им обо всем, что делается в селении, как ведут себя немцы, что творят. Выслушав, они уши от меня в полночь. А наутро немцы согнали всех жителей к виселице, сооруженной у окраины. И на виду у всех нас фашисты привели к виселице ребят и казнили. Я, конечно, тут же узнал их, Исуфа и Мухаба, но что было делать?.. Повесили их прямо на моих глазах. Немцы не разрешили нам даже трупы их снять с виселицы, так они целый день и висели.

На второй день мы, старики, сняли трупы и похоронили. Как узнали мы впоследствии, ребята были схвачены в тот момент, когда они уносили с собой крепко связанного немца.

Я знал, что они пришли в селение от вас, и вот не мог я умолчать, не мог не найти вас и не сообщить об их гибели... Правда, искать мне вас пришлось долго – хорошо вы спрятались. И храбрые вы ребята, восторгаюсь вами, да благословит вас Аллах, и завидую вам. Если бы я был немного помоложе, клянусь, остался бы с вами. Но уж слишком стар я стал, – говорил старик взволнованно и растроганно. Последними словами он хотел сказать, мол, на что я уже гожусь? Поэтому, вздохнув глубоко, произнес: – Ну что ж, пойду я. – Взял внука под руку, другой рукой оперся на сучковатую палку. – Не близкий путь до села пройти надо.

Партизаны просили старика отдохнуть немного, перекусить, но старик отказался – ушел.

Ребята проводили старика с внуком до края леса. Но не успели вернуться в лагерь, когда туда пришли с вестью и из другого селения.

– Лиуана и Хаутия фашисты схватили, – с трудом переводя дыхание, путаясь в словах и захлебываясь, говорил мальчик тринадцати-четырнадцати лет, боясь, что его перебьет спутник такого же возраста. – Ну, Закирей – помощник Мисоста – выпросил их у немцев, остановил казнь. Закирей все время спрашивает их об Адальбие. Если, говорит, вы найдете мне Адальбия, вас муха не укусит, я сам доставлю вас обратно к партизанам. Вот нас и попросил Тету до вас добраться и передать вам обо всем этом, о заверениях Закирея – обо всем, – продолжал мальчик.

– Ну, а как вы добрались сюда? Как нашли нас? – спросили мальчиков партизаны.

– Мы вместе с Тету выехали из села, будто едем в лес за дровами. Сам Тету во-он там, в лесу, дрова собирает, сухой валежник и ждет нас. Это он сказал нам, как вас найти. И очень просил поскорее вернуться.

Сообщив обо всем партизанам, мальчики, как и велел Тету, быстро вернулись к нему. Их тоже партизаны провели до леса, где он собирал ненужный ему валежник. Да, мальчики сообщили все правильно, Тету нечего было добавить к сказанному ими.

Партизаны вернулись. Тету сложил дрова в арбу, посадил наверх мальчиков и поехал обратно в село...

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

*Главы из документальной повести **

...Прошло не так много времени, вдруг объявляется о созыве конференции кандидатов в депутаты всех уровней, которые не прошли в депутаты, и их доверенных лиц. Меня, как секретаря обкома (балкарца), М. Ш. Мамхегова, как председателя Совета Министров КБР, пригласили на конференцию. В президиуме – известные мне лица, которые не были избраны депутатами. В своих речах, заранее заготовленных и отредактированных, – резкая, не аргументированная, крикливая критика, активно поддерживаемая собранными в зале активистами из «Тере», родственниками и друзьями кандидатов.

Это был период перед вторым туром голосования по выборам депутата Верховного Совета РФ по Урванскому избирательному округу (в первом туре ни один кандидат не набрал необходимого количества голосов). Несколько коллективов выдвинули меня кандидатом в депутаты в Верховный Совет РФ, а всего 13 человек балкарцев заявили о своем желании баллотироваться в депутаты. Организаторы до предела обострили ситуацию, не прошедшие кандидаты и члены их команд обвинили во всем власть, партию, говорили об униженном положении балкарцев и т. д.

Меня сильно обидело то, что некоторые из моих, как я считал, коллег и друзей, казалось бы, по принадлежности должны были отвергнуть злостные выпады, призывы, направленные на возбуждение чувств национализма, противопоставление одного народа другому, но одни отсиживались, другие, наоборот, проявляли рвение в криках. Мы с М. Ш. Мамхеговым выступали несколько раз, пытаюсь остудить горячие головы, снять ненужное напряжение. Мы знали, что организаторы потребуют от представителей балкарского народа снять свои кандидатуры и не баллотироваться в депутаты, а уже избранных депутатами разного уровня – отозвать. Это был глубоко продуманный ход, путем давления на депутатский корпус вывести членов представительной власти из числа балкарской национальности из структур власти и, таким образом, поставить республику на грань раскола, что называется «не мытьем, так катаньем». Мы пытались переломить ситуацию, но, к сожалению, это нам не удавалось. И впервые я по настоящему с ужасом для себя осознал свои ошибки, ошибки власти, особенно в подборе кадров, их воспитании. В этот день многие иллюзии были рассеяны.

Многие люди, которые меня знали и знают в житейском общении, не поверили злостным измышлениям и клеветническим нападкам на меня, которые особенно отмечались со стороны различного рода демократических изданий типа «Версия» и других, да некоторых злопыхателей, которые главной своей задачей полагали клевету на власть и ее представителей.

* Продолжение. Начало в №№ 1, 3, 6, 2008 г.

Они ничего в своей жизни не создали, сильны были лишь в разрушении и в жажде удовлетворения своих амбициозных укреплений с претензией на власть. Среди них оказались дети и внуки некоторых крупных деятелей, всю свою жизнь посвятивших утверждению идеалов социализма и единству народов Кабардино-Балкарии.

Анализ ситуации того периода дает возможность утверждать, что, к сожалению, за многие годы Советской власти, многие годы власти одной партии, особенно после Великой Отечественной войны, сформировался большой слой приспособленцев, людей идущих в партию и власть не по идейным и мировоззренческим принципам, а в расчете на то, что он получит от этой власти.

И еще, анализ перестройки, борьбы с разного рода ура-патриотами и националистами, противниками Советской власти и партии, а впоследствии – и разрушения Советского Союза, разорения страны, дает право утверждать, что в ходе длительного мира и спокойствия в людях размываются чувство патриотизма, чувство ответственности, самоотверженности и способности пожертвовать собой ради страны, ради идеи.

Не могу забыть дни так называемого ГКЧП. Дело в том, что 19 августа председатель Верховного Совета В. М. Коков, председатель Совета министров М. Ш. Мамхегов находились в Москве, чтобы участвовать в подписании Союзного договора. В республике оставались, как говорилось тогда «на хозяйстве», зам. председателя Верховного Совета КБР Х. М. Кармоков и я – первый секретарь обкома партии. Мы оказались в самом эпицентре политической ситуации. С одной стороны, те, кому надоела неразбериха, неопределенность положения в стране, кому хотелось стабильности и порядка, требовали срочно собрать президиум Верховного Совета и бюро обкома КПСС и поддержать ГКЧП. С другой стороны, приверженцы демонтажа Советской власти и противники КПСС требовали осудить ГКЧП, и стали выводить людей на улицу. Что интересно, в отличие от Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, демократический центр в Москве давал четкие указания своим людям в регионах, в том числе и в Кабардино-Балкарии, каким образом себя вести.

Надо было видеть озверелые лица наших знакомых, которые как бы «сорвались с цепи», вели себя заранее как победители, потому что их центр заранее был информирован, что никаких решительных мер приниматься не будет, а Б.Н. Ельцин на броневике у Дома Верховного Совета РСФСР, и цветы в стволах танков, и гуляющая, полупьяная толпа вокруг – лишнее подтверждение несерьезности затеи, и что ГКЧП обречен.

К чести Х. М. Кармокова, он собрал членов президиума Верховного Совета, руководителей различных ведомств. К моменту проведения совещания я по каналам «ВЧ» обзвонил членов Политбюро ЦК КПСС, ни с одним соединиться мне не удалось. В том числе звонил исполняющему обязанности президента СССР Г. И. Янаеву, но его помощники неизменно отвечали, что его в кабинете нет.

Мы с Г. И. Янаевым были хорошо знакомы, более того, были в неплохих, можно сказать дружеских отношениях с тех комсомольских лет, когда он был первым секретарем Горьковского обкома ВЛКСМ, а я Кабардино-

Балкарского. Неоднократно бывал в его кабинете вице-президента СССР. Всегда рассудительный, доброжелательный, открытый для разговора, вполне демократичный, и в то же время деятельный, профессионально хорошо подготовленный. Мы знаем, что он находился в дружеских отношениях с М. С. Горбачевым, и видели в нем человека Горбачева. Поэтому я, знавший М. С. Горбачева и Г. И. Янаева, предполагал, – а вместе со мной и другие члены высших партийных органов ЦК КПСС, – что Горбачев, как человек слабохарактерный и нерешительный, почувствовав, что СССР разваливается, ситуация выходит из-под контроля, дал как бы «зеленый свет» «своим ребятам»: «Я буду в отпуске, вы здесь примите решение, а я поддержку».

Если бы было иначе, то зачем надо было бы выдумывать болезнь Горбачева, да и – по логике политической борьбы – зачем «гэкачеписты» поспешили к нему на поклон? Но Горбачев подставил всех своих друзей и соратников, опозорился сам и опозорил всех нас. Развалил великую державу, пустил по миру, что называется, миллионы людей. 25 миллионов русских, оставшихся за пределами этнической родины, взывают к небесам и просят всевышнего о наказании «князя тьмы». Но он, как говорится, и в ус не дует. Он, оказывается, всю свою сознательную жизнь боролся с коммунизмом, и якобы счастлив, что он в этой борьбе одержал «победу». Но это – Пиррова победа, никогда ему русский народ не простит, а имя его будет нарицательным, он запомнится как «потрошитель идей», как разваливший со своим подельником Яковлевым Советский Союз, в котором каждый живущий гордился своей принадлежностью к советскому народу – народу победителю.

Но вернемся к дням ГКЧП. Х. М. Кармоков, после того как я ему сказал, что Москва ведет себя странно, никто из руководства на связь не выходит, не стал мудрствовать лукаво и принял единственно правильное решение – всем возвращаться на свои рабочие места, работать в прежнем режиме, соблюдать спокойствие и порядок. Но события развивались стремительно. Власть в Центре и на местах уходила как бы сама собой. Уже намечались контуры эпохи дикого капитализма, когда так называемые демократы посчитали для себя, что власть пришла к ним в руки, и от радости у них, как говорится, «в зобу дыханье сперло». Тут же лидеры разных национальных движений объединились, забыли на время о «границах», «о суверенных республиках «Кабарда» и «Балкария», стали делить кресла и должности. Возможно, многие помнят, как на телевидение вышли лидеры движений, ранее, как казалось, непримиримые, и стали рассуждать многозначительно и с озабоченностью, что «плохая им досталась доля», трудно поднимать экономику и культуру, доставшиеся им от «ненавистного режима коммунистов».

С ужасом и содроганием вспоминаются лица тех, кто бегал по коридорам обкома КПСС, дергал ручки дверей кабинетов, чтобы удостовериться, закрыты ли они, не остались ли случаем в них прежние обитатели, заодно присматривали для себя более подходящий кабинет на соответствующем этаже.

Я, как первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии, провел заседание бюро, кстати, в полном составе и с учетом Указа пре-

зидента СССР, бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, предавшего дело партии, с легкостью отдавшего её на растерзание, принял решение о приостановке деятельности обкома партии на территории республики до решения Конституционного Суда СССР, куда компартия и обратилась.

Мы, большинство работников аппарата (за исключением отдельных лиц, слабых и неустойчивых, скрывшихся в первый же день, – не буду называть фамилии), стоически держались, не поддавались на провокации, не уничтожали и не сжигали партийные документы, а организованно передавали их на хранение в архив, где они находятся и сегодня. Мы не позволили никому, ни своим, ни тем, кто «из активистов», которые потирали руки, хоть чем-то поживиться. Все партийное имущество: от чернильных приборов, до кабинетной мебели, печатающей и компьютерной техники, по описи передали комиссии Управления делами Совета министров республики.

Как известно, после того, что свершилось, «гэкачеписты» были арестованы и посажены в «Матросскую тишину», а Ельцин праздновал победу, Горбачев, подписав акт о запрете КПСС, не стесняясь, продолжал заседать в Кремлевском кабинете президента СССР. По инициативе части депутатской группы в ВС РФ от Кабардино-Балкарии приехала в республику большая комиссия на предмет участия руководителей в деятельности ГКЧП, возглавлял ее Олейник. Комиссия, к ее чести, не нашла крамолы в наших действиях и результаты доложила на сессии Верховного Совета КБАССР. Но и после этого часть депутатского корпуса под влиянием так называемых демократов и лидеров национальных движений требовала отставки руководителей республики в полном составе. Сессия Верховного Совета работала в постоянном режиме, все заседания транслировались на площадь и на всю республику. Здесь уместно привести текст выступления депутата ВС КБР Б. М. Зумакулова.

«Уважаемые народные депутаты!

Да, мы все глубоко переживали случившееся в те три дня в августе. Народ обязательно узнает драматурга и главного режиссера «переворота», в результате которого одним махом решено было расправиться с КПСС, единственным препятствием к демонтажу социалистической системы и переходу к буржуазно-капиталистическому устройству страны. Похода было удовлетворено требование «семерки». Неописуемый восторг и радость испытывают те, кто тратил сотни миллиардов долларов на борьбу с социалистической идеей и главной страной, олицетворяющей эту идею в глазах мировой общественности.

Да, теперь «демократы» могут праздновать победу. Наконец Бейкер – госсекретарь США, приехав в Москву, собирает руководителей суверенных республик и менторским тоном втолковывает им, как надо себя вести. По Центральному телевидению основные события в стране комментируют не Бовин, Кондрашов и Шишлин, а заведующий русским отделом радио «Свобода». А председателю КГБ Бакатину приходится выслушивать поручения бывшего диссидента Буковского.

Могут ликовать и наши доморожденные демократы – лидеры национальных движений, и иже с ними, которые, объединившись, с завидным

упорством, до конца стояли в борьбе против законной власти. При этом в неистовстве использовали самые крайние формы политической борьбы за власть.

Что касается их требований об отставке правительства и всего руководства республики, считаю это совершенно неоправданным, но если и суждено этому быть ради сохранения мира в республике, то должны подать в отставку все члены президиума Верховного Совета, так как решения принимались коллегиально, а значит, и ответственность общая.

Как я уже говорил, в борьбе за власть и так называемые «демократы», и лидеры национального движения объединились. Теперь, как нам представляется, на их митингах, открытых и закрытых собраниях не будут звучать выпады представителей одной национальности в адрес другой, улягутся страсти вокруг земель, границ, должностей, а интересы народа не будут принесены в жертву болезненному самолюбию, непомерной жажде власти отдельных деятелей, независимо от того, носят они высокую горскую папаху, колпак с широкими полями или же большую кепку.

Что касается оголтелых нападок на коммунистов и партийные организации республики, хочу их категорически отвергнуть, ибо они идут от злобы и ненависти, а в злобе и ненависти политику не делают.

Я уже упоминал, что комиссия Верховного Совета РСФСР проверяла в целом республику, и по итогам ее работы было принято постановление Верховного Совета КБР, а радикально настроенные депутаты и ряд лидеров национальных движений продолжали митинговать и с новой силой возобновили свои требования к власти.

И что интересно, через некоторое время, по поручению лично Генерального прокурора РФ Степанкова, с участием прокуратуры республики, контрольно-ревизионного Управления Минфина России была проведена проверка финансово-хозяйственной деятельности обкома КПСС, естественно, на предмет злоупотреблений служебным положением бывшего первого секретаря обкома Зумакулова. На допросы приходил уже безработный Зумакулов, вину которого очень уж хотел, жаждал доказать Генпрокурор РФ.

Надо сказать, что конкретные работники из прокуратуры республики, из «КРУ» Минфина РФ Сабанчиев Хазретали Мустафаевич, Ахматов Хусейн Пашаевич, Бигав Суламбек Ахметгериевич, несмотря на сильный пресс из Москвы, объективно и беспристрастно проверили все имущество, принадлежащее партийным органам, финансово-хозяйственную деятельность и, к огорчению Степанкова и иже с ним, не нашли «спрятанных» партийных миллионов в республике, а имущество находилось в полной сохранности, теперь на балансе управделами Совета министров КБАССР.

Мало кто знает, что еще задолго до ГКЧП, по решению бюро обкома КПСС, все дачи обкома КПСС в Долинске мы передали в структуру Министерства здравоохранения КБР для реабилитационного центра; здание Ленинского райкома КПСС – в ведение Министерства культуры для Кукольного театра; здание Октябрьского райкома КПСС – в распоряжение учащихся и учителей 6-ой Нальчикской школы; а здание Дома

политпросвещения – Балкарскому драматическому театру. Эти документы подписаны лично мной».

«...В августовские дни, – как отмечает М. Х. Гугова, – руководство республики заняло сдержанную, выжидательную позицию по отношению к ГКЧП. Только 21 августа было обнародовано обращение к народу республики, в котором подтверждалось, что «на территории республики законно избранные органы власти будут и впредь проводить курс на реализацию демократических реформ, стабилизацию экономики, укрепление дисциплины и правопорядка. Содержался в нем призыв к населению проявить трезвость, ответственность во имя высших интересов народа республики, воздержаться от действий, способных дестабилизировать общественно-политическую обстановку и привести к разжиганию межнациональной розни» (ЦДНИ КБР, ф. 2599, оп. 1, д. 107, л. 16,17).

Сколько в те годы было разговоров и спекуляций по поводу непомерных льгот для партийных и советских работников, о каких-то мифических дачах, сверхдоходах и т.д. К слову сказать, так называемые государственные дачи для секретарей обкома партии – это деревянные дома по проекту немца-инженера, который проектировал и строил железнодорожную ветку Прохладный–Нальчик. Ныне у «нового» кабардинца или балкарца подсобные помещения куда обширнее и величественнее, чем дом, где размещалась на лето семья первого секретаря обкома партии. Что и говорить о доходах и денежном содержании. Профессор КБГУ в то время получал в 1,5–2 раза больше, чем первый секретарь обкома партии или председатель Совета министров. В доме, построенном на партийные деньги, квартиры выделялись не только партийным работникам, но и рабочим, многодетным семьям. Так, например, в подъезде нового дома на ул. Карашаева, 15, где были выделены квартиры для секретарей обкома партии, 4-х комнатные квартиры получили семья водителя автобусного хозяйства г. Нальчика Мурзаева и семья рядового военного пенсионера Жабоева. Пусть сегодня хоть один пример приведут по элитному дому в г. Нальчике или Москве, куда мог бы вселиться простой наемный работник.

Не могу не вспомнить один случай. В 70-годы я работал в Москве в ЦК ВЛКСМ – первым заместителем председателя Центрального Совета пионерской организации им. В. И. Ленина. Это по тем временам приравнивалось к должности заведующего отделом ЦК ВЛКСМ. Однажды раздался телефонный звонок, поднимаю трубку, слышу голос Тимборы Кубатиевича Мальбахова, который спрашивает: «Как дела, Борис, не смог бы ты подойти в гостиницу «Москва». Мы здесь с Биляром Емазаевичем Кабалоевым» (в то время – первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС). Я с радостью ответил, что, конечно, сейчас же буду, тем более, что мой рабочий кабинет находился на новой площади, напротив Лубянки, до гостиницы «Москва» рукой подать. Прихожу, они тепло здороваются, мой взгляд высвечивает две красные коробки на столе. Как оказалось, Т. К. Мальбахову и Б. Е. Кабалоеву в один день в Кремле вручили орден Ленина. Они, два друга, скромно пришли в гостиницу в одноместный номер, где всегда останавливался Т. К. Мальбахов. Конечно, я по обычаю пришел не с пустыми руками. Мальбахов, заметив это, сказал: «Борис,

раз принес – наливай». Я открыл бутылку коньяка, но в номере оказалось всего два стакана и те граненные, какие в то время являлись неотъемлемым гостиничным атрибутом. Кабалоев, уловив деликатность момента, сказал: «Борис, напротив мой номер, принеси еще один стакан», и подал ключи от номера.

Именно так, в номере Тимборы Кубатиевича мы подняли бокалы за великие награды этих двух славных деятелей Кавказа. Этот эпизод я привожу для того, чтобы подчеркнуть скромность партийных деятелей того времени. Может быть, отдельные и шиковали, но, как правило, это было исключение.

Из дневника

Будучи в Кисловодске на отдыхе в 1993 году. В это время я работал министром труда и социального развития КБР. Вдруг по Центральному телевидению показывают картинку: в Нальчике на площади перед Домом Советов начался бессрочный митинг. Его участники требуют отставки президента и правительства республики. Толпа бесчинствует, есть опасность вооруженного захвата власти.

Не было ни минуты сомнений – надо ехать, встать рядом с теми, кто готов отстаивать законную власть. Я вызвал такси, приехал в Нальчик, и уже ночью был в кабинете у президента В. М. Кокова, где и заявил: «Я с Вами, можете мною располагать».

Это был период всеобщего помутнения сознания, когда семена были уже посеяны – семена ненависти и вражды в межнациональных отношениях, когда каждый этнос, особенно на Кавказе, стал через своих якобы «ярких личностей» предъявлять претензии на самостоятельную государственность, была реанимирована идея создания некоего государственного образования по типу Союза объединенных горцев Кавказа, созданного в 1917 году, а затем Горской республики 1918 года, в которую входили Дагестан, Чечня, Ингушетия, Осетия, Балкария, Карачай, Кабарда, Абхазия, Адыгея (*Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003. С. 80*).

Проводником этой идеи как бы явилась Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК), в последующем «...преобразованная в Конфедерацию Кавказских народов (КНК)», ...однако, как отмечает К. С. Гаджиев, идейно-политические установки лидеров нового образования, особенно тех, которые вынашивали планы создания многонационального государственного образования вне России и вопреки воле России, не оставляли никаких сомнений в их нереальности и иллюзорности (там же. С. 81).

Мы помним речи лидеров, их эмоциональные призывы к национальным чувствам горцев, они в какой-то момент срабатывали и могли вызвать спонтанные порывы людей, почувствовавших запах свободы, правда, еще не понятно, какой свободы и демократии.

В Центре были заинтересованы в форсировании низвержения коммунистов и законно избранных властных органов, особенно в национальных республиках, для чего активно использовали и национальные движения, и лидеров с их нескрываемыми амбициями.

Мы помним, под какими лозунгами привели Дудаева к власти, при этом позволив разогнать Верховный Совет Чечено-Ингушской республики. Соратники Ельцина Полторанин, Бурбулис, Старовойтова, будучи в Грозном, рукоплескали Джохару и ни слова осуждения не произнесли, когда председатель Горсовета был убит и выброшен из окна. В знак признательности Дудаеву за его антикоммунизм, разгон Советов, передали практически все арсеналы вооружения, которыми, по свидетельству военных специалистов, можно было бы вооружить две полнокомплектные дивизии.

А когда Ельцин расстреливал из танков законно избранный парламент страны, ему рукоплескали демократы Попов, Гайдар, Чубайс и иже с ними. Они не только не усмотрели нарушения демократии, но и всячески подталкивали к принятию еще более жестких мер по всей стране. Мы помним, что все демократические СМИ предоставляли каналы вещания и печатные площади хакамадам и старовойтовым, станкевичам и собчакам. Сколько они вылили грязи и помоев на КПСС и советскую власть, уж как они злорадствовали, – Новодворская, махровая антикоммунистка, по которой видно было что плачет соответствующая лечебница, неустанно кричала со всех телеканалов: «... Ату их, ату, этих коммунистов! – и кощунственно давала советы: – Мы должны привыкнуть к мысли о том, что люди будут стрелять, топиться, сходить с ума... мы здесь не на цивилизованном Западе, мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первым, убивать».¹

Вот в такое время В. М. Кокову и его команде пришлось решать очень сложную, я бы сказал, сверхзадачу, противостоять не только давлению Центра, так называемых демократов, которые не только советовали, но и жестко продавливали свои идеи, будучи уже наделенными властными полномочиями, но и нашим доморожденным лидерам национальных движений, которые хотели прийти к власти.

О тех событиях написано немало, но еще раз можно в двух словах напомнить: власть тогда устояла, потому что был всенародно избранный президент, облеченный доверием, надежная социальная и политическая база. Наученная горьким опытом дней ГКЧП элита республики была со своим президентом, и попытка «раскачать лодку» и дорваться до вождельной власти позорно провалилась.

¹ Ильин А. А. Правда о вожде. М.: Алгоритм, 2005. С. 52.

Непридуманная повесть

Шел 1948 год. В поселок Таволжан, где проживало немало переселенцев – немцев, чеченцев, ингушей и несколько семей балкарцев, приехали из районного центра работники органов, чтобы сообщить им новые правила поведения спецпереселенцев в местах их проживания. Собрали людей в кинозале Дома культуры. Все были в хорошем настроении, надеясь услышать из уст представителей районной комендатуры приятную новость. Но, увы, новость их ошарашила. Капитан Бирюков сообщил собравшимся, что выселение вышеназванных народов – явление не временное, они выселены из родных мест навечно и обязаны строго соблюдать закон. А закон предусматривает, что представители репрессированных народов не могут занимать ответственные должности в различных структурах власти, в том числе и в органах правопорядка. Они лишены права без разрешения комендатуры выезжать за пределы населенного пункта, где прописаны. Нарушение этих правил будет караться строго. За поездку из одного селения в другое – пять суток ареста. В другой район – 20 лет лишения свободы.

В зале – гробовая тишина. Все молчат, услышанное их повергло в ужас. «Всем все понятно, вопросов нет?» – спросил Бирюков. Один немец средних лет поднял руку и говорит: «У меня не вопрос, а дельное предложение. Не лучше ли создать для спецпереселенцев концлагерь, собрать всех в одно место, огородить колючей проволокой и пустить ток высокого напряжения...» Конечно, ему заткнули рот, и больше никто не осмелился что-либо сказать.

Что нам было делать? Жили согласно предписаний властей. Родственников или односельчан, живущих в соседнем селе, не имели права посетить без специального на то разрешения местного коменданта. Однако люди не могли жить без общения со своими родственниками и шли на нарушение установленных для них правил. Предпочитали отсидеть пять суток, чем месяцами не видеть своих близких. Находились и такие, которые этот запрет не признавали и ездили в другие районы без разрешения, за что были строго наказаны. Так, мой товарищ Ахмед, ингуш по национальности, решил поехать в Москву жаловаться на невыносимые условия жизни переселенцев. Я отговаривал его от этого, старался объяснить, что Москве все известно и без него и что он вообще не доедет туда. Так и случилось, его сняли с поезда и отправили в Сибирь на 20 лет. Больше я Ахмеда не видел.

Я же, как законопослушный гражданин Союза ССР, хоть и с урезанными правами, спокойно работал, за пределы поселка не выезжал. Два раза в месяц расписывался в журнале комендатуры, что за указанное время не покидал территорию поселка, – так было установлено для всех спецпереселенцев. Играл в местной футбольной команде «Пищевик». Но в соревнованиях с командами других районов не участвовал. Комендант горой стоял на моем пути, чтобы я не выезжал за пределы поселка.

Жизнь шла своим чередом, у меня сложились хорошие отношения с товарищами по работе. Василий Гончаренко, Владимир Ковалев, Иван Корчагин и другие относились ко мне очень дружелюбно. И это меня радовало. Единственный, с кем я не ладил, был некий Коновалов (имя его уже не помню), которого дали мне в помощники взамен другого, перешедшего на другую работу. Он был на несколько лет старше меня и считал ниже своего достоинства ходить в подчинении спецпереселенца. Обязанности свои не выполнял и на мои замечания отвечал грубостью, мол, кто ты такой, чтобы мне указывать. Хвастался тем, что много повидал в своей жизни. Однажды сказал мне: «Где я побывал, ты и на карте не видел». – «Я не и собираюсь побывать там, где ты был», – ответил я.

Потом я узнал, что он бывший эк. В самом начале войны работал в колхозе прицепщиком на тракторе ЧТЗ. Трактористкой была девушка. Однажды, когда она заводила мотор, заводная ручка (а это был небольшой ломик) сорвалась с маховика и попала девушке в лоб. Она потеряла сознание. А этот самый Коновалов, «видавший все на свете», изнасиловал девушку в таком состоянии, за что получил десять лет лишения свободы. Скоро мы с ним расстались.

Во время ночной смены почему-то на меня нахлынули воспоминания пятилетней давности, когда на базаре в Павлодаре цыганка, схватив мою руку, даже не спросив, хочу я или нет, стала гадать. Я всячески отмахивался от ее услуг, дал ей три рубля и просил, чтобы оставила меня в покое, мол, не желаю знать, что будет, а что было, сам знаю. Но цыганка не отпускала мою руку. «Прочитав написанное на моей ладони», она сказала, что меня ждут три неприятных случая, каждый из которых может привести в казенный дом. Однако найдутся добрые люди, говорила она, которые заступятся за тебя. И я стал перебирать в памяти все, что произошло со мной после гадания цыганки. Первый неприятный случай произошел на сеноуборке. Я работал на сенокосилке. В нее были впряжены две коровы (тогда и пахали на коровах) и одна лошадь. Лошадь шла впереди. Недалеко паслось стадо коров. Вдруг, увидев своих сородичей, мои коровы изо всех сил рванули в их сторону. Они так резко развернулись, что лошадь оказалась позади них. А коса сенокосилки работала, я не сумел быстро отключить ее. Несколько раз ногой нажал на педаль, но не мог ничего сделать. В результате сенокосилкой перерезало обе задние ноги лошади. Они висели на жилах.

Я не сомневался, что меня заставят возместить колхозу стоимость лошади, а за душой ни копейки. Что делать, как быть? К счастью, нашелся добрый человек, который, как говорила гадалка, заступился за меня. Это был не кто иной, как вышеупомянутый бригадир Нейфельд. Во-первых, он сам пробовал работу тормозной педали и убедился в ее непригодности. К тому же не было ни солидола, ни мазута, чтобы смазать трущиеся части сенокосилки. Война еще продолжалась, и во всем была нехватка. Во-вторых, Нейфельд сразу нашел выход. Пока еще лошадь была жива, он продал ее казахам (они очень любили конину) и возместил колхозу ущерб, нанесенный мною.

Второй неприятный случай произошел 31 марта 1946 года. На полях

еще стоял снег, было по-зимнему холодно. Меня и еще несколько человек послали в «Заготзерно» за семенной пшеницей – готовились к весеннему севу. Мы поехали на санях, я – на пароконной, остальные – на одноконных. На санях установили кузова от бричек, соорудив их наподобие больших ящиков. Туда ехали нормально, полозья саней легко скользили по снежной укатанной дороге. Загрузившись семенным зерном, мы вышли на обратный путь. Вдруг солнце начало палить совсем по-летнему и снег быстро начал таять. Очень скоро потекли ручейки и неровности дороги наполнились талой водой. Местами образовались большие лужи. Теперь лошади с трудом тащили сани. Солнце клонилось к закату, когда те, что были на одноконных санях, уехали далеко вперед, и я остался один. Мои лошади были до невозможности истощены, часто падали и с трудом поднимались.

Солнце скрылось за горизонтом, наступила ночь. Только этого мне не хватало. Я абсолютно ничего не вижу, хоть глаз выколи. После я узнал, что у меня была куриная слепота от недоедания. Я ехал вслепую. Вдруг лошади остановились, они уперлись в большой снежный сугроб и дальше не могли двигаться. Я распряг лошадей и запряг их сзади саней, привязал к задней части саней длинный ремень из сыромятной кожи и оттащил сани назад. Все это я делал на ощупь. Глазами ничего не различал. Но вот еще беда. Я, наверное, неправильно завязал ремень, и когда лошади тащили сани назад, затянули его в такой узел, что не развяжешь. К тому же я на ночь совсем ослеп. Грыз я этот узел зубами, долго возился, в конце концов развязал. Если не такая ситуация, я вряд ли мог бы это сделать, но обстановка заставила.

Я вымок до пояса, из валенок вылил воду. Лошадей отпустил, думал – будь что будет. Они набросились на семенную пшеницу и ели сколько могли. Я их не отгонял, пока они сами не ушли в степь. Боялся, что их могут загрызть волки, но обошлось. Ночью ударил мороз и одежда на мне одеревенела. Чтобы не замерзнуть, я всю ночь ходил туда-сюда. От саней далеко не уходил, боялся заблудиться. С восходом солнца ко мне вернулось зрение. К счастью, лошади далеко не ушли, я их запряг и поехал. Часто были случаи, когда воры, угрожая холодным оружием, на дороге отгружали несколько мешков пшеницы, предназначенной на семена. Но со мной, слава Богу, этого не случалось, и я привез семена без потерь, разве что лошади немного поели.

Я, хоть и не суеверный, но после этих двух случаев слова цыганки мне не давали покоя. Я старался выбросить их из головы, забыть, но ничего у меня не получалось. Теперь я ждал третьего случая. Допускал, что на производстве никто не застрахован от несчастного случая и был предельно осторожен. Приняв смену, я заглушал двигатель, проверял все механизмы агрегата, закреплял ослабленные болты, затягивал гайки, проверял все уязвимые места, уровень масла в картере мотора, наличие горючего в баке, только после этого запускал двигатель. Это у меня вошло в привычку. Вся эта процедура отнимала тридцать минут, но зато потом до конца смены агрегат не стоял ни минуты, – я систематически перевыполнял норму и ходил в передовиках. Считали, что мне везло тем, что

на моей смене не бывает никаких поломок, срывов и т.д. Но это было не везение, просто небольшая профилактика обеспечивала бесперебойную работу агрегата.

Главный механик Склярлов предложил мне перейти на работу машинистом обогатительной установки, через которую промытая соль поступала на солемельницу. Здесь по разным причинам участились простои установки. Если она стояла, останавливалась работа всего предприятия – солемельницы, погрузочного цеха, простаивали на разгрузочной яме вагоны, словом, работа всего солепромысла была парализована. Главный механик надеялся на меня, что я обеспечу бесперебойную работу обогатительной установки, потому и перевел меня сюда. К сожалению, я не оправдал его доверия. Обслуживали механизмы три машиниста посменно. Авария, которая остановила работу всего предприятия на целые сутки, произошла именно в моей смене. Не помогла и профилактика, которую я обычно проводил после принятия смены. Поломался ведущий вал ковшевого элеватора, через который промытая соль поступала на солемельницу.

Все руководство предприятия было поднято на ноги. Директор промысла Батреддинов, главный инженер Ланге, главный механик Склярлов, механик Крутоус – прямой мой начальник. Вследствие этой аварии производству был нанесен немалый ущерб. Если бы это навесили на меня, я не рассчитался бы за всю жизнь. Причину аварии искали все вместе. Ланге считал, что поломка произошла из-за перегрузки элеватора, это значило, что виноват машинист. Но ее точно установил Крутоус. Он обнаружил в поломанном вале еле заметную трещину, то есть заводской брак, и убедил всех, что эту аварию предотвратить практически не было возможности. Этим дал понять, что за машинистом здесь нет никакой вины.

Надо было срочно принять меры, чтобы пустить установку. Крутоус предложил наточить вал у себя в мастерских. С ним согласились и остальные. Поручили это дело опытному токарю Григорию Сталеву. Подобрали подходящую болванку, и Сталев изготовил вал не хуже заводского. И работа пошла...

По-прежнему я намного перевыполнял норму выработки и у меня все шло хорошо. Мой успех в работе напрямую зависел от пропускной способности солемельницы, потому что вся промытая соль поступала в железнодорожные вагоны. Работой мельницы руководил пожилой мастер по фамилии Пруд. Однажды я обратился к нему с просьбой увеличить нагрузку на мельницу, чтобы давать как можно больше продукции. Оплата была прогрессивная, чего греха таить, хотелось больше зарабатывать. Пруд дал мне от ворот поворот: «Тише едешь, дальше будешь. – А еще добавил: – Все равно, все деньги не заберешь». На этом наш разговор со стариком закончился, и я больше не осмелился подходить к нему с подобной просьбой...

Ничто на свете не вечно. Я ни на минуту не сомневался, что рано или поздно мы вернемся на родную землю. Жил и работал с этой надеждой. Обиднее всего было то, что спецпереселенцев считали людьми второго сорта. Переселенец не имел паспорта, вместо него ему выдавали временное удостоверение на шесть месяцев, после истечения которых оно под-

лежало обмену. Я с нетерпением ждал того дня, когда получу настоящий паспорт и стану равноправным гражданином Советского Союза. Веру в то, что такой день наступит, никогда не терял. Шел одиннадцатый год нашей жизни на положении заключенных. В действительности это было так, только лагерная зона, за которую строжайшим образом запрещалось выходить, у нас была немного больше, чем у уголовников. Радости не было конца, когда, придя в поселковый клуб, я увидел, как заведующий клубом снимает со стены портрет Берии. Я сразу понял, в чем дело, и подумал: все-таки возмездие за все злодеяния настигло это чудовище в человеческом облике.

Наконец-то репрессированные вздохнули легче. Им начали выдавать паспорта государственного образца. Хотя выезжать в родные края нам пока еще не разрешалось, жили с надеждой на скорое обретение полной свободы. В поселковом совете я написал заявление, заполнил соответствующие бланки и отправился пешком в районный центр в село Успенка. Паспортистка посмотрела мои документы и вернула обратно, дескать, неправильно заполнены бланки. Я бегом назад. От райцентра да поселка Таволжан расстояние приблизительно 25 километров. Я эти километры преодолевал без передышки, радость получить статус гражданина Советского Союза придавала мне силы и окрыляла. Тогда редко на дороге попадалась грузовая машина, автобусы вообще не ходили, но я никогда не «голосовал», ходил на своих двоих.

Мой второй «визит» в райцентр закончился также безрезультатно. Паспортистка снова не приняла мои документы. Я от злости не знал, что делать. Понимал, что если нагрублю ей, сделаю себе хуже, поэтому набрался терпения и молчал. Она даже не объясняла, где в бланках ошибка и что надо делать. Снова отправила меня домой. Ох, как я ненавидел эту мужиковатую женщину в погонах лейтенанта милиции, готов был ее растерзать! Лишь с третьего раза она выписала мне паспорт.

Я был на седьмом небе, почувствовал себя счастливым и зашагал домой. Не верилось, что у меня в руках настоящий, как писал Маяковский, «серпастый и молоткастый» советский паспорт. По узкой проселочной дороге среди широкой степи, растянувшейся до самого горизонта, я шел один, утирая слезы радости...

Курман ДУГУЖЕВ

Родился (1941–1984) в ауле Хумара Карачаевской автономной области. Впервые опубликовал свои стихи в двадцатилетнем возрасте в газете «Черкес Пэж», тогда же они прозвучали по радио.

В 1965 году областная писательская организация посылает его в Москву в Литературный институт им. А. М. Горького. Дипломная работа – сборник стихов – была рекомендована издательству «Современник».

По окончании института работал в г. Черкесске – в газете «Ленин нур», на радио, директором Дома книги, в писательской организации.

Издано более десяти книг стихов и прозы на черкесском и русском языках. Многие его произведения печатались в Кабардино-Балкарии, Абхазии, Адыгее, Украине, Москве, Ленинграде, Волгограде, Якутии, Турции, ФРГ, Югославии, Румынии, Иордании; многие стихи стали популярными песнями.

Расставанье

Вот и снова я еду в столицу –
Лето кончилось, ждет институт.
Без меня этот лес оголится
И цветы без меня отцветут.
Первый снег уже лег на вершины,
Ярко блещет на склонах крутых.
Пусть меня обгоняют машины,
Не хочу останавливать их.

Облака каменистой тропею
С гор спустились, стоят невдали.
Не они ли все лето со мною
Кочевали, отару пасли.
А теперь вот застыли до срока,
Будто видят, что мне нелегко.
Будто знают, что мне одиноко,
И что путь мой лежит далеко.

Пер. В. Баянова

Собаке

То руку лижешь виновато,
То обнимаешь, то скулишь.
И все мне, верный друг, понятно,
Хоть ты совсем не говоришь.

В твоей душе печали много,
Не скроешь, вижу по глазам.
И я держу тебя не строго,
Живи, как ты желаешь сам.

Сплетня

Я тебя горячо люблю,
И опять вечерами вешними
Быстрый шаг к тебе тороплю.
И судачат сплетники здешние,
Что хожу за тобой как тень
Дни и ночи, лета и зимы я.

Пусть болтают, коль им не лень,
Ты не сетуй на них, любимая.
Видишь, в небе встает луна,
Как любовь у нас непорочная,
Словно сплетня, тень полуночная
Чистотой ее рождена.

Разговор с уходящим днем

Солнце катится за горы,	Видишь, рано на покой,
А работе краю нет.	Задержись на час-другой.
Начинаю разговоры:	– Рад бы, – день сказал, – помочь,
– Ясный день, послушай, свет,	Но нельзя: обгонит ночь.

Человек

Говорят, что сотворен
Человек из глины.
А гляди, сколь крепок он,
И в трудах не утомлен,
И в морях не растворен.
И, короче, побежден
Смертью лишь единой.
Мог бы бог, к примеру, взять,
Сделать нас из стали,
Мы б тогда и умирать
Вовсе перестали!

Родина

О родина, смогу ль решиться
С тобой надолго разлучиться?
Я без тебя – малыш грудной
Без доброй матери родной.

Пер. О. Фокиной

Золотые рыбки

Лицо твое, как в водоеме проточном,
В душе моей было отражено.
Три слова твоих той лунною ночью,
Мне в душу запав, опустились на дно.

Три слова... – и, Лера, скорей, взгляни,
Вскормленные мечтами моими,
К тебе сегодня вернулись они
Рыбками золотыми.

Забрось же в душу мою свой невод,
У этих рыбок любви попроси.
И, корнями землю пронзив,
Любовь моя кроной обнимет небо.

И снова невод забросишь ты
И радости попросишь у рыбок.

И станут все земные цветы
Отраженьем твоих улыбок.

О, в третий раз свой невод закинь
И загадай, чтоб войны не случилось,
Чтобы Земля не превратилась
Вся – в одну большую Хатынь.

Попросишь – и мир воцарится сразу.
Попросишь – и счастливы будем вдвоем.
Бросай же свой невод, Черноглазая,
В проточный целительный водоем.

Вечернее раздумье

Глохает запад отсветы дневного
За горизонт ушедшего огня.
Большая белоносая корова
Теленку шею лижет у плетня.

Законы жизни и просты, и вечны,
Им верен мир сегодня, как вчера.
Ребенка грудью кормит на крылечке
Моя темноволосяя сноха.

Приходит ночь. Дымок далекий вьется.
И звонко оживает Млечный путь.
И к ночи-матери малютки-звезды
Наперебой кидаются на грудь.

И вот над этой, самой пасторальной,
Над самой беззащитной из ночей
Нависла бомба, как большой тарантул,
И жала направляет на детей.

Пойдем, души моей сокровище!
Пойдем, доверимся луне,
Плащом ночных небес укроемся
И растворимся в тишине.

Пусть падет роса холодная –
В ответ в глубинах наших душ,
Забрезжит новая мелодия,
И озарит лесную глушь.

Там – искры точно россыпь золота.
Дымится сонная гора.

Замерзнешь – нас спасет от холода
Тепло пастушьего костра.

А вот – соря ночными тучами,
Луна всплывает из-за гор.
Там тоже есть пастух. Задумчиво
Из туч разводит он костер.

Костер поет легко и весело,
Потрескивая сушняком.

Пойдем, любимая, доверься мне:
И я был раньше пастухом.

Сыплет, сыплет снег неторопливо. Видишь, хлопья белыми слезами
Хлопья что-то шепчут на лету. Падают, беззвучны и легки,
Черная ноябрьская ива В эту полночь страхи исчезают.
Надевает белую фату. Остаются лишь стихи, стихи...

Жизнь верна земле и в эту ночь, Лед, планету стиснувший, растоплен.
Ты стоишь под пологом ветвей. В мире нет ни смерти, ни войны.
Целый мир сегодня счастья полон. Лишь твои глаза, стихи да хлопья –
Милая, иди ко мне скорей. Вот и все аккорды тишины.

Пер. А. Казарновского

Весенние ручьи

Снег – земли одежду – легкой пряжей
Распускают солнышка лучи.
И стремглав несутся с горных кражей
По глухим расщелинам ручьи.

Нет, они не отливают синюю,
И мутны они и холодны.
Но выводят радостно и сильно
Чистую мелодию весны.

Родник

Косил я в знойный летний день, Журчал тот маленький родник,
И на жаре, вконец измаясь, Живительно студен и звонок.
До родника добрался в тень К нему губами я приник,
И долго пил, не отрываясь. Как будто к матери ребенок.

Звенел он долго среди дня
Своими плавными словами.
Смотрел он долго на меня
Моими светлыми глазами.

Как же так?

Как ты нежен со мною малыш! –
Что цветок разлитого мая.
Что-то ласково мне говоришь,
Крепко шею мою обнимая.

Щечкой жмешься к лицу моему,
Лепеча и улыбкой алая...
Почему, почему, почему
Этот дар мы теряем, взрослея?

И щемит беспокойство в душе:
 Ну, давно ли мы из колыбели?
 И не жили еще, а уже
 Очень многих обидеть успели.

Моя юность

О юность моя, на вершину хребта
 Взлети ты и будь там как дома.
 Там ветер тебе будет другом всегда –
 Ведь старость ему незнакома.

На горной вершине лежат облака.
 Белесые, словно седые,
 И с ними твоя будет дружба крепка –
 Они все века молодые.

О юность, живи на вершине всегда,
 Где ветер гудит и тревожит.
 Там старость тебя не найдет никогда.
 Устанет – подняться не сможет.

Летний дождь

Вдвоем мы с поля шли домой.	Как дети, сквозь него идя,
Цвели долины, пахло мятой.	Смеялись мы на всю округу
Вдруг небо обложило тьмой	И капли крупные дождя
И хлынул ливень полосатый.	Дарили весело друг другу.

Блестела брызгами вода
 И на бровях, и на косынке.
 И ты была свежей тогда,
 Чем роза в утренних росинках.

Мгновение

На свежем сене я лежу при звездах.
 Уставшему, мне чудится одно:
 Через травинку я тяну не воздух,
 А терпкое, душистое вино.

Оно пьянит, густое, как сметана...
 А перепелка, плача: «Где же вы?» –
 Своих птенцов скликает неустанно
 За горизонт покосенной травы.

Пер. В. Баянова

Лауреат литературной премии «ЛКБ»

Ануар КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ*

...Мы так и схоронили старика,
Поспешно, словно рядом пламя битвы,
И враг теснит, и помощь далека, –
Без омовенья, савана, молитвы...

Здесь, в Текели, в шахтерском городке,
Предел положен гибельной дороге,
(Но бедам нашим, горю и тоске
Конец придет лишь на родном пороге).

Что ждет нас в этом сумрачном краю,
Где – кроме серой – нет в природе красок?
Жизнь в новую входила колею.
Нас выстроили, разговор был краток:

«Вину свою искупите трудом –
Работать вам доверили на шахте...» –
И выделили трехэтажный дом.
Он был обшарпан весь, какой-то шаткий,

Ни рам оконных, ни входных дверей, –
Должно быть, зимовали здесь отары, –
Сквозняк шнырял, цепной собаки злей,
Бросаясь на неструганные нары.

Отмеренная каждому еда:
Мука – на месяц – по три килограмма.
К утру смерзалась в котелке вода,
Во всех углах смердели кучи хлама.

* Продолжение (см. № 3, 2008).

В горах еще не стояли снега, –
Казарма лишь надеждами согрета:
Увидеть свет родного очага,
Дожить, хоть как-нибудь дожить до лета...

Глава третья

Злая мачеха – Текели

1

Прислушайтесь к тому, что расскажу, –
Я жизнь изгоя называю адом, –
И не кивайте на того ханжу,
Кто сходства в ней искал с эдемским садом.

Я мачехой представлю Текели –
Казахское село под казаками.
Век не видать бы этой мне земли,
Когда бы ту, где жили мы веками,

Не отобрали, выслав мой народ.
Во всей степи не сыщете угла вы,
Где не терпел лишений и невзгод
Балкарец, весь в репьях недоброй славы.

Она пришла сюда быстрее нас:
«Везут бандитов, – шепчутся старухи, –
Собаки... немцам продали Кавказ...» –
Нелепые, чудовищные слухи.

В глазах у местных жителей испуг.
А мы и головы поднять не смеем,
Нас будто придавил небесный круг:
Изгою приходилось быть антеем –

С такой-то тяжелой ношей на себе.
У нас земля горела под ногами,
А ноги подгибались при ходьбе...
Еще не видел нас, уже врагами

Считали здесь... казак ли он, казах,
Озлобленный, готов убить на месте
Того, кто сам с тревогою в глазах
Старался, не теряя горской чести,

Не падать под ударами судьбы,
Что явлена ему рукою властной.

Здесь не было ни юрты, ни избы –
Коль стороной взираешь беспристрастной, –

Где б видел я довольство и покой.
Жизнь земледельца или скотовода,
Направлена все тою же рукой –
Подчинена приказам Наркомпрода.

Здесь те же крохи шли по трудодню,
Нужда все та же, вечные мытарства.
Пшеницу отбирали на корню –
Во имя и во славу государства.

Какой чабан имел бы здесь права
Держать хоть двух овец на подворье?
Возропщешь, и – обрита голова,
И ты уже – зэка на Беломорье.

Немногим лучше нас жил местный люд.
Ты скажешь, дескать, время виновато.
Не время – временщик был больно лют,
Священником мечтавший стать когда-то,

Но волей черта ставший у руля
Страны Советов... Время неподсудно –
В ответе кормчий, крикнувший: «Земля!» –
В пучину между тем направив судно.

2

Старик ли, женщина, или юнец –
Кто мог держать кирку или лопату –
Мы добывали родине свинец.
Паек – работы адовой в оплату.

Труд непосилен, распорядок строг.
За смену – горка тусклая в отвале.
Работа убивала, видит Бог,
Мы в Текели не жили – выживали.

Через неделю выбились из сил
Седые старцы, через две недели
И женский стон бессильный огласил
Барак «спецов». И прежде в черном теле,

Теперь кто не работал – распухал
От голода: ведь только рудокопам

Паек давали, слаб ты или мал –
Не разбирая, всех считая, скопом.

А мы не признавали воровства
И милостыню сроду не просили.
Спасут ли нас корни и трава?
Болезни, голод нас теперь косили.

Народ, не исповедовавший зла,
Гостеприимством прославлявший горы,
Ты испытал лихую власть узла,
Затянутого у тебя на горле.

Казалось, все восстало против нас,
Проклятиями встретила чужбина.
Оболган, разобщен, народ мой гас...
Останется хотя бы половина?

Потери подсчитаем мы потом –
И ужаснемся! Горькая обида
В Балкарию проникнет – в каждый дом –
Как призрак душегубства – геноцида.

И не забыть мне землю Текели,
Свинцовую, в седых прожилках кварцев.
Алмазов драгоценнее – легли
В ней кости обездоленных балкарцев.

3

Их было шестеро: совсем юнцы,
В курсантской синей форме; блеск в петлицах;
Для важности немного хрипотцы
В их голосах; сияние на лицах.

Орлами смотрят, все – как на подбор,
Хоть на плакат – «К труду и обороне!»
Жизнь началась – как солнечный узор
На белоснежной Эльбруса короне.

Крылатые кокарды; а ремни
Затянуты – ни складочки на воле...
Военными пилотами они
Мечтали стать, учились в летной школе.

На взлете им подрезала судьба
Расправленные крылья... Завывая,

Забросила ребят шайтан-арба
На край земли, в страдания без края.

К стыду, я не запомнил всех имен:
Бывают в детской памяти пробелы,
Когда в ней боль, и плач, и жуткий стон,
Насмешки конвоиров и прицелы...

Но помню, что один был – Таулан,
Второй – Мажит, из Верхнего Баксана.
И, точно, звали третьего – Хасан,
Уллу-Малкар был родиной алана.

Они могли стать гордостью страны,
Пойдя стопами славного Алима...
С орлиною душою рождены –
Раздавлены тисками спецрежима.

Мечта о небе стала вдруг золой,
«Предатели, – кричали им, – бандиты!
Не в небе место вам, а под землей,
В свинцовой шахте!» Будут ли забыты

Обиды, издевательства, плевки?..
Еще держались бывшие курсанты,
Но помыслами были далеки:
«Терпеть такое? Разве не алан ты?!»

Не выдержали гордые сердца,
Решились на побег... но только двое,
Минуя свист горячего свинца,
Сумели оторваться от конвоя.

Лихой судьбы еще один виток,
Ни одному не ведомый провидцу.
Они по звездам взяли на восток
И перешли китайскую границу.

Простор велик, над всем – небесный кров,
Жизнь – в помощь тем, кто не утратил духа...
В степи не сохранилось их следов,
С тех пор о них – ни весточки, ни слуха.

Здесь четверо остались из шести.
От голода ослабнув, не сумели
Они желанной воли обрести,
Но не пошли и в шахтные тоннели.

В пример другим лишили их пайка.
Меняли на еду свои пожитки,
Просить ли, красть – не поднялась рука,
У горцев так: чужой не брать и нитки.

Крапиву есть пришлось им, лебеду.
В степь иногда брели – за диким луком.
Известно всем, кто эту знал еду,
К каким она потом приводит мукам.

Так и Мажит – от рези в животе –
Скончался на руках у Таулана.
И сам бедняга принял муки те...
Лежат друзья в просторах Казахстана,

Ни холмика у них над головой,
Ни камня, ни дощечки с именами.
Но каждый год высокою травой
Они стремятся в небо... Скоро с нами

И третьего не стало: он угас,
Как умирают в небесах зарницы,
Когда в холодный предзакатный час
Летят в гнездо и умолкают птицы.

Последним был Хасан... ходил как тень,
Но гордо, к уваженью всей округи.
Характер у джигита был – кремень,
В нем воля побеждала все недуги.

И он решил оставить Текели,
На фронт попасть – во что бы то ни стало.
Мы с братом провожать его пошли...
«Я коменданта попрошу сначала, –

Сказал Хасан, – и если не в тюрьму,
За то, что оставляю я спецзону
И самовольно прихожу к нему,
То как-нибудь пристроит к эшелону...»

«Возьми меня! – воскликнул вдруг Ахмат. –
И я с тобой! Возьми, не пожалеешь!
И для меня найдется автомат...»
«А ты, алан, поднять его сумеешь?

Нет, братцы, возвращайтесь-ка домой,
Вы хоть и горцы, но пока что дети.

А спросит кто – не виделись со мной,
Я так решил, и сам за все в ответе...»

Он обнял нас, прощаясь, и ушел.
Мы долго еще вслед ему смотрели.
...Что – голод, боль, что – власти произвол? –
Когда Всевышний путь укажет к цели.

Недели шли, никто из нас не знал
Об участии пропавшего курсанта,
В молитве если только поминал...
Но как-то раз машину коменданта

Заметил я и долго у ворот
Конторы ждал, пока ему бумаги
Носили для проверки... Ныл живот,
Но все-таки набрался я отваги

И подошел, когда он был один.
«Чего тебе!» Во мне все онемело:
В округе он и бог и господин...
«Ну, что молчишь? Давай, какое дело?»

Сбиваясь, кое-как я объяснил
И – съезжился от пристального взгляда.
Он взял зачем-то баночку чернил,
Взболтал и проворчал: «Добавить надо...

Так ты о том дотошном пареньке,
О том казахе из курсантской школы?» –
«Да, он курсант... но, комендант-аке...» –
«Молчи, я сам исправил протоколы

И лично написал, что он казах.
Иначе как бы спас я бедолагу?
На фронте он теперь, спаси Аллах,
Воюет, как и все, приняв присягу...

Вот так, пацан, запомни наперед:
Киргиз, казах, балкарец – все мы люди.
В конечном счете, все – один народ.
Никто другой, но Бог один нас судит...»

Перевод Л. Местича

Носитель огня

Не мог и представить я в детстве,
 Что есть огонек у меня,
 И что никуда мне не деться
 От вечно живого огня.
 Он будет моим лучшим другом,
 Советчиком мудрым моим,
 В грозу согревая и вьюгу
 Пока с ним мы вместе горим.
 Для всех, кто попросит меня,
 Носителем буду огня,
 И, холод душевный гоня,
 Дам всем я огонь от меня.
 Замерзшим открою его волшебство,
 Взамен не прося от людей ничего.
 Огонь нужен вам, нужен также и мне,
 И всем, кто нуждался в этом огне.
 Покуда он греет людей наяву,
 Я буду считать, что не даром живу.

Отец со мной бывает лишь во сне

Друг сказал мне: «Ни разу лица
 Я не видел родного отца.
 Часто снится ночами он мне,
 Но приходит лишь только во сне.
 Нет совсем в том отцовской вины:
 Он домой не вернулся с войны.
 Пал в бою он совсем молодым,
 Без отца стал я рано седым.
 Потому, что все чаще во сне
 Молодым он приходит ко мне».

Послевоенная картинка

Солдат с войны спешит к себе домой,
 Передвигаясь, раненый, с трудом,
 С котомкою армейской за спиной.
 Жену встречает он у входа в дом.
 И криком разорвалась тишина:
 «Неужто ты! Ты жив?» – твердит она.

Жену свою он на руки берет.
«Конечно я...» И в дом ее несет.
Тут видит «похоронку» на столе.
И говорит, обняв жену свою:
«Комбат меня увидел на земле
И посчитал, что я погиб в бою...» –
«А я тогда оплакала тебя,
В руках ту «похоронку» теребя,
Но верила, что ты, мой муж, живой.
И дождалась, вернулся ты домой».
Они, обнявшись, радостно смеются
И слезы счастья по щекам их льются.

Без жениха, без мужа много лет
Одна встречает по утрам рассвет
И плачет, разрывая тишину.
С тех пор, как он уехал на войну,
Прошло так много вдовьих скорбных лет.
Вестей от мужа не было и нет.
Она все годы милого ждала.
А без него и жизнь ей не мила.

Дети войны

Мы – дети великой и светлой страны,
Мы были для мира судьбой рождены,
И нет в том ребяческой нашей вины,
Что стали детьми мы проклятой войны.
Нас в люльке родители нежно качали,
А немцы безжалостно пулей встречали.
И мы, несмышленыши, так и не знали,
За что нас, невинных, они убивали.
У смерти с оскалом звериным лицо,
Что может быть в мире жестоком страшней.
Как мало с войны возвратилось отцов,
Как много погибло безвинных детей.
Фашистов нашел на земле страшный суд,
Они не ушли от священной расплаты.
А дети, как прежде, в сердцах боль несут.
Но в чем же, скажите, они виноваты?
Девятое мая – великая дата,
Чтоб мир не забыл, сколько горя и зла
Германия в годы войны принесла.

Монолог овчарки

В те годы, когда я была молодой,
Водила с отарой я псов за собой.
Свирепые волки боялись меня
Сильней, чем страшатся ружья и огня.
По-волчьи когда завывала беда,
От хищников я защищала стада.
Была непреступна я с ними в бою.
Ценили хозяева службу мою:
За каждый на волка победный бросок
Чабан мне давал вкусный мяса кусок.
Но годы прошли. Силы стали не те.
Трудней одолеть мне врага в темноте.
Унять не могу надоедливый спор
Я псов, что отару хранят среди гор.
Но смерти своей и теперь не страшусь:
Коль надо, на битву с волками решусь.
Пока я жива, от любого зверья
Тебя защищаю, отара моя.

Уходит время

Как на сельский погост старики,
Как прибрежные волны реки,
Наши годы уходят в пески.
У людей путь по жизни не прост.
Кто-то здесь на земле встанет в рост,
Кто-то в небо взлетает до звезд.
А глупец вот сжигает свой мост
И с бутылкой сивухи ползет на погост.
Кто-то свой набивает живот,
И тупеет, бездушный, как скот.
Тот, кто славился честным трудом
И, как памятник, выстроил дом,
И посеял цветы под окном, –
Память вечная в людях о нем.
Словно поезд, летит жизни шквал,
Ничего на земле не боясь.
Кто минувшее не забывал,
Сохранит тот и с будущим связь.

Ответ ворона

Ворон, ты в небесах не паришь, как орел,
Ты свой черный удел на помойке обрел.
Даже падаль на свалке клюешь ты всегда.
И тебе не противна такая еда?!
Неужели доволен ты жизнью такой?
Как прожил так долго, мне тайну открой...
Ворон глянул спокойно и каркнул в ответ:
«Потому и живу на земле триста лет,
Что нигде никому не желаю я зла.
Никогда не сую клюв в чужие дела.
Не завидую я никому никогда.
Потому-то и дом мой обходит беда.
Я доволен судьбой. А еда, как еда.
Сам Господь эту пищу дает мне всегда.
Так мне нравится этот земной белый свет,
Что хотел бы прожить еще триста я лет».

Прошу тебя

Ты письма мои не сжигай и не рви,
В них горечь разлуки и счастье любви.
Читай эти письма, хотя б иногда.
Однажды меня ослепила беда –
С тобой я расстался, в дом горе пришло,
Разбилась любовь, как об камень стекло,
Но помню тебя я, родная, всегда...
Ты светишь мне в жизни, как в полночь звезда.
Мне кажется, я изменил сам себе,
Не смея поверить счастливой судьбе.

Перевод с кабардинского Владислава Фатьянова

К юбилею Али Байзуллаева

Родился 20 марта в г. Тырнауыз КБР, – балкарский поэт, прозаик, переводчик. После окончания средней школы в г. Тырнаузе в 1964 г. поступил в КБГУ на русско-балкарское отделение филологического факультета. С 1967-го по 1972 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР (1977).

Трудовую деятельность начал с 14 лет в Казахстане, был прицепщиком тракториста, копнильщиком на комбайне, помощником комбайнера. После возвращения из Средней Азии, где он находился вместе со своим депортированным народом, сменил множество профессий, работал на стройке и на Тырнауызском комбинате, на руднике «Молибден». Был зав. отделом Тырнауызской городской газеты, сотрудником газеты «Коммунизмге жол» (Путь к коммунизму), зам. директора КБГДТ, старшим редактором балкарской студии республиканского телевидения, редактором в детском журнале «Нюр» (Свет).

Писать стихи начал в 1957 г. Активной литературной деятельностью занимается с середины 60-х гг. С 1964 г. в течение более 30 лет в республиканских газетах и журналах было опубликовано большое количество его произведений: стихи, поэмы, рассказы, сказки, статьи, эссе, переводы. Али Байзуллаев является автором перевода Корана на балкарский язык, а также монографии «Русь и поле» (1985), в которой рассмотрел особенности поэтики памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», сопоставляя с фактическим материалом карачаево-балкарского устного народного творчества.

Байзуллаев – один из самых «звездных» поэтов в балкарской литературе. Об этом можно судить по обилию образов, связанных с небесными светилами в его художественном мире, а также по названиям его поэтических сборников: «Жулдуз сюрюуле» (Звездные стада. 1979), «Жаннган жулдузла» (Падучие звезды. 1985), поэма «Кечеги жулдузла» (Ночные звезды. Избранное. 2000). Автор не отошел от этой традиции, давая названия и сборнику фантастических повестей «Жулдуз мухажирле» (Звездные странники. 1997).

Первая книга поэта «Къаяла» (Скалы) вышла в 1971 г. В ней автор выплескивает всю безмерность своей боли, связанной с потерей домашнего очага, Родины. Его герой является маленькой частицей этой национальной трагедии. Масштаб переживаемых мук и скорби передается характерным для поэта экспрессивным состоянием стихийных сил природы.

Во втором сборнике поэта «Узакъ аулакъ» (Далекое поле. 1973) вновь наблюдается нестандартность его художественного мышления и оригинальность его лирико-философских размышлений. Но самое главное качество этого сборника заключается в том, что он стал воплощением

авторских поэтических экспериментов. В попытке найти особую смыслодержущую стихотворную форму, Байзуллаев прибегает к варианту «визуальной поэзии», где формальными, графическими приемами подчеркивается стержневая философская мысль автора.

В 1979 г. балкарский читатель познакомился со сборником «Жулдуз сюрюуле» (Звездные стада). Нетрудно заметить, что при всей верности автора своей традиционной поэтике, у него появляются новые мотивы. Усиливается драматизм человеческого бытия, нередко герой оказывается в разладе с окружающей средой. Если раньше это был страстный, пытливый наблюдатель и борец, то теперь чаще всего мы видим страдающего одиночку.

В следующем сборнике «Жаннган жулдузла» (Падучие звезды. 1985) поэт делится своими философскими раздумьями о жизни и смерти, рассуждает о смысле человеческого существования на земле.

Цикл под названием «Раненый солдат» посвящен подвигу солдат Великой Отечественной войны.

Сказки Байзуллаева составившие два его сборника «Гудучула» (Озорники. 1989) и «Жин бохча» (Кошелек джинна. 1994), вводят нас в мир волшебников, карликов, великанов-эмегенов и животных. Опираясь на поэтику нартского эпоса и балкарскую народную сказку, он создает свой оригинальный вариант авторской сказки в стихотворной форме. Ее отличительная черта – ярко выраженное притчевое начало с неизменным моральным поучением и образность, красочность языка.

Для истории балкарской литературы имеет немаловажное значение тот факт, что А. Байзуллаев одним из первых обратился к научно-фантастической прозе. Это был закономерный итог романтических исканий и устремлений поэта.

Критиками балкарской литературы отмечен широкий, разносторонний талант Али Байзуллаева. Он обогатил родную литературу многообразием поэтических форм, раскованностью и музыкальностью стиха, виртуозной внутренней рифмовкой.

Али БАЙЗУЛЛА

Танго над пропастью

Я – сын массагетов высокого ранга
И мне полководцем должно быть в роду:
Танцуя над пропастью гордое танго,
Народ мой и род мой я не подведу!

Стотысячный дикий табун мустангов
Я отдал народу, и я – не в долгу:

Танцую над пропастью строгое танго,
Отборный косяк про запас берегу...

До звезд я забросил слова бумерангом,
Кометою света обратно ловлю,
Танцую над пропастью нежное танго
С прообразом той, кого вечно люблю!

Я – сын массагетов высокого ранга:
И, даже сгибаясь от боли в дугу,
Танцую над пропастью горькое танго,
Я кровью не сплуну на радость врагу!

Монолог

Мечтаем в мире зло убить,
укором стать невежде;
но лень души не победить –
и мы живем, как прежде...
Так убиваем мы мечту –
и жизни дно нас манит:
и, увлекая в суету,
вино и блуд дурманят.

Когда-нибудь наступит час
хмельного отрезвленья,
но презирать уж будут нас
иные поколения...
Нам ясно станет – все прошло,
душа уж не воспрянет:
добро мы не пойдем, а зло
бояться нас не станет.

Счастье

Я – хан легенды и мечты,
и бог явил ко мне участие;
но в бурях вечной суеты
я не слышал твой лепет, счастье!..
Я оставлял мой дивный трон
и страны обходил дозором, –
но всюду рабство или сон
Земля являла перед взором;

и лишь под небом нищеты –
под мушкою, как будто в тире, –
надеждой призрачною ты,
Поэзия, летала в мире;
но голос твой, как чайки крик,
гласил мне тоже о ненастье,
как будто мир уже отвык
и навсегда забыл о счастье.

Я буду жить

Отходят дни – я мучаюсь от боли:
уходят и надежды, и печаль;
приходят дни – приходит ярость боя
и звоном меч мой оглашает даль!

...Так выживаю я, я так взираю
в глаза народа – мрак и синеву! –
и вижу: не видать земного рая,
покуда его помыслом живу.

Приходит день – я радуюсь безмерно;
приходит день – росую пот на лбу;
отходит день – я стал чуть-чуть бессмертней;
отходит день – я выстоял борьбу!..

Я буду жить, как осень золотая,
как лето и весна войду в дома,
усталость и печаль с лица сметая,
пока не поседею, как зима!

Идеал

Взошел и встал я на горе,
а там уже стоит другая,
снегами белыми сверкая,
блистая в утренней заре!

И вновь иду, и вновь я в тучах;
но вновь там высится гора
повыше прежних и покруче:
и я – в дороге, как вчера...

Вот так же (светлый день иль черный!)
сверкал, сиял и убежал,
но озарял мой путь упорный
недостижимый Идеал!

Какие сны, какие годы!
А крыши нет над головой:
и рабства нет, и нет свободы
под этой вечной синевой.

Ты где, моя звезда бессмертья?
Пади мне в очи навсегда!..
Пройдут года, потом – столетья,
но вряд ли повторюсь когда.

И страсть души, и сновиденья
пройдут бесследно, как года,
в борьбе за жизнь: с твоим паденьем
сравнюсь, падучая звезда!

А жизнь, полна борьбы и страха,
меня забудет навсегда
и зов грядущего из праха
я не услышу никогда.

Караванщик

Далеко еще до привала,
но уже я устал в пути:
перевалы – за перевалом,
миражи одни впереди.
Примерещится город в дымке,
у подножья кипит приборй:
половчаночки молодые

омывают тела водой...
Но очнешься, вокруг посмотришь –
мир пустыни угрюм и дик:
как до господа бога – до моря,
рев верблюдов, погонщиков крик.
И бредешь во главе каравана,
а душа – как киноархив,

там луна над вечерним туманом
 выплывает, мой путь озарив.
 Пусть другие ведут караваны,
 ни к чему мне подобная блажь!
 Перевалы, пески и туманы,

и, как сон, – бесконечный мираж.
 ...Далеко до заветной цели,
 но (хранит меня ангел мечты!)
 колокольчики где отзвенели,
 расцветают искусства цветы!

Машина Времен

Черный след борозды твоей, мученик-пахарь,
 и ты сам отойдете, как сон:
 не помогут ни врач и ни знахарь, –
 всех задавит Машина времен.

И того, кто поднялся во имя свободы,
 на майдане повесил закон,
 и закон тот низвергли народы, –
 всех задавит Машина времен!

Нас в Сибири сгноить поголовно пытались, –
 где же звук их громовых имен?
 Кем мы были – мы теми остались:
 всех задавит Машина времен!..

Будут войны... а там победители злые
 будут шкуру сдирать у племен.
 Где же Римы и орды Батгья? –
 Всех задавит Машина времен!..

Но покуда весь мир, обреченный на вечность,
 и на смех, и на плач осужден, –
 в материнских глазах человечность
 не подвластна Машине времен!

К юбилею Руслана Ацканова

Родился в 1949 году в сел. Ерокко Урванского р-на КБР), – кабардинский поэт, прозаик. В 1972 г. окончил историко-филологический факультет КБГУ. Работал учителем русского языка и литературы в Старолескенской средней школе, затем – в аппарате Министерства культуры КБР, в республиканском газетном издательстве. В настоящее время – главный редактор русской редакции книжного издательства «Эльбрус».

Ацканов – член Союза писателей СССР (1986), лауреат Государственной премии КБР в области литературы и искусства (1994), автор десяти поэтических сборников, а также сборников новелл, изданных в издательствах «Эльбрус» (Нальчик), «Современник», «Молодая гвардия» (Москва). Стихи Р. Ацканова изданы в коллективных сборниках молодых поэтов в Польше, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Сирии.

Первый сборник стихов «Пшэ хужьхэр» (Белые облака) вышел в 1972 г., второй – «Удз толькьунхэр» (Бегущие травы) – в 1977 г., в 1979 г. – «Гъэрэ щырэ» (Равноденствие). Уже в этих сборниках Ацканова явственно проступала характерная особенность его поэзии, ценное для поэта качество – искусство вступать с читателем в диалог, не навязывая ему свою точку зрения. При этом критерием правдивости для автора становится художественное чутье, его отношение к самому себе. Этим принципам поэт следует и в следующих сборниках: «ШэсыпIэ» (Кредо. 1983), «Си махуэ – си хуарэ» (День мой – белый мой конь. 1984), «Усэхэмрэ новеллэхэмрэ» (Стихи и новеллы. 1993), «НатIэм кьритха» (Предназначение. 1996) и др., без которых невозможно сегодня представить развитие кабардинской литературы.

На первый взгляд может показаться, что поэт Ацканов пишет о сугубо личных переживаниях, а потому, кроме него, мало кому интересных. Однако читатель незаметно для себя оказывается в плену мыслей и чувств автора. Становится интересным все, чем он живет, что беспокоит и волнует его. Близко и понятно воспринимаются радость и печаль его героев. И дело тут не столько в умении автора увести читателя от эмпирической биографии к общезначимым принципам, сколько в мастерстве заставить поверить себе, своему лирическому герою.

Поэт всегда в сомнении, всегда в споре с самим собой, что является редким качеством кабардинских авторов. Наглядно это видно в произведениях сборников «Ответ» (1984), «Россияне» (1987).

Р. Ацканов в своих стихах преодолевает обыденность и повседневность восприятия действительности. В его стихах сохраняются воспоминания о давно ушедших временах, о первом открытии мира, о первой радости познания, первой любви и первых разочарованиях. Его стихотворения достаточно ясно выражают его поэтическое кредо. К примеру, известное стихотворение «День мой – белый мой конь» можно поставить в ряду таких шедевров национальной литературы, как «Поэзия» А. Кешокова, «Земля моя» Л. Губжокова и др.

Стихи Ацканова излучают свет, нежность, добро. В этом – одна из основных черт его поэзии. По глубине лирического содержания и его идейно-художественного воплощения его без преувеличения можно назвать «кабардинским Есениным».

В последние годы Р. Ацканов все чаще обращается к прозе. Среди его прозаических произведений особое внимание привлекают «Усэхэмрэ новеллэхэмрэ» (Стихи и новеллы. 1993).

«Щедрость есть высшее выражение искренности. Поэтому идея щедрости лежит в основе искусства...» – эти слова Фазиля Искандера вспоминаются, когда читаешь новеллу «Маленькое солнце», потому что и названная новелла, и все остальное – это воплощение щедрости человеческой души. Новеллы Ацканова философичны. В них утверждается мысль о том, что каждый человек – программный персонаж, призванный осуществить самого себя. Поэтому, характеризуя кого-либо, важно определить, в какой степени человек остается верен собственной уникальной судьбе. В новеллах «Дядя», «Не твой день», «Охранник полей», «Любимая» глубокое сочувствие герою по поводу его несостоявшейся судьбы, а не банальная, доходящая до примитива жалостливость.

Особенно примечательны авторской узнаваемостью две новеллы – «Дом» и «Небо отражается в роднике», которым свойственны такие черты, как генетическое благородство души и ума, возвышенность надежд и мечтаний, цельность изображаемых натур. Психологизм новелл Ацканова держится на анализе человеческой личности в самом сложном ее состоянии. Контраст между кажущейся обыденностью неторопливо описываемой ситуации в начале новелл и внутренним напряжением, нарастающим в главных персонажах по мере развития событий, завершается возникновением ощущения кульминации конца.

Следует обратить внимание, что все новеллы Ацканова заканчиваются многоточием. Может быть, истина заключается не столько в сказанном, сколько в недосказанном. Эффект недосказанности – одно из главных достоинств истинного произведения искусства.

Следующий аспект, который можно выделить в новеллах Р. Ацканова, – культурологический. Его легко пояснить известной метафорой – «кораблекрушение»: жизнь сама по себе всегда – кораблекрушение. Но это не значит – тонуть. Несчастный, чувствуя, как его затягивает, яростно машет руками. Эти стремительные взмахи руками, которыми человек отвечает на свою беду, и есть культура – плавательное движение. Вот почему должно происходить нарушение традиций, обновляющее в человеке

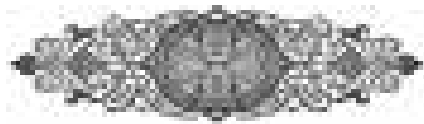
чувство шаткости его положения. Необходимо, чтобы все привычные средства спасения вышли из строя и человек понял: ухватиться не за что. Лишь тогда руки снова придут в движение, спасая его. По этому закону «плавательного движения» складывается судьба персонажей новелл «Несгибаемый», «Портрет», «Ромашка», «Ночной гость», «Припев старого грушевого дерева».

Своеобразными новеллами-метафорами представляются «Встреча» (о поисках автора «с обнаженной душой»), «Гъыбзэ» (Плач), «Долг» (о непредсказуемости превратной судьбы), «Без чутья» (об обманчивости человеческого облика), «Волнение души» (об извечной тайне любящей души – человека ли, собаки ли). Трогательным чувством родства человека и четвероногих проникнута не только последняя новелла. Природное начало благородства иногда выше у этих друзей человека («Комок снега», «Боца»).

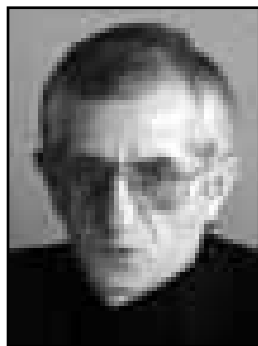
Новеллой-символом можно назвать «Босоногую любовь». Она о щедрости нашего душевного мира на любовные порывы.

Новеллы Ацканова – свидетельство того, что кабардинская проза вышла за рамки так называемой провинциальной прозы. Их отличает приобщенность к общечеловеческим ценностям. И в то же время колорит, музыка, аромат, психология этих коротких, но ярких и выразительных произведений – исконно адыгские.

Руслан Ацканов зарекомендовал себя и как искусный переводчик. В его книгу «Уи хамэу зэи сыщытакъым» (Я никогда не был тебе чужим. 1999) вошли переводы девяти кавказских поэм М. Ю. Лермонтова: «Исмаил-бей», «Мцыри», «Аул Бестунджи», «Черкесы», «Беглец», «Абрек Хаджи», «Демон» и другие. Это – вольный перевод произведений Лермонтова, новое прочтение произведений русского классика.

К юбилею Мурадина Ольмезова

Родился 20 марта 1949 года в с. Эрназар Талды-Курганской обл. Казахской ССР, – балкарский поэт, драматург. После реабилитации балкарцев в 1957 г. вернулся в Кабардино-Балкарию. В 1968 г. Ольмезов окончил среднюю школу, в 1973 г. поступил в Литературный институт им. Горького в Моск-ве, окончил его в 1978-м. Семнадцать лет проработал в системе горнолыжного туризма в Приэльбрусье. С 1986 г. Мурадин работает в журнале «Минги Тау» (Эльбрус) в должности редактора отдела поэзии, в настоящее время он – ответственный секретарь этого журнала.

М. Ольмезов – участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (1973), член Союза писателей СССР (1988), лауреат премии Госкомиздата КБАССР в области детской литературы (1991), лауреат Государственной премии КБР (2000).

По природе своего дарования Ольмезов – поэт-лирик. Опираясь на традиции балкарской поэзии, он вносит в свое творчество новые ритмы и формы, стилевые решения, прокладывая свой собственный путь в литературе. Высокую оценку его творчеству дал еще в 1973 г. Кайсын Кулиев: «Молодой поэт Мурадин Ольмезов, несомненно, является одним из самых талантливых в молодой поросли балкарских литераторов. Нет сомнения в том, что он вырастет в одного из лучших наших поэтов. Думать так дает нам право молодая сила его дарования». Первый сборник его стихов «Жугьутур ызла» (Турьи тропы) вышел в 1977 г.; поэт истинных чувствований, подлинных переживаний, он не просто лирик – философское видение мира помогает поэту понять суть жизненных явлений. В стихотворении «Каменоломня» он говорит о том, что каменоломня дробит камни, измельчает их, они проскальзывают в щели. Так и мельница жизни без усталости перемалывает судьбы. Каждому воздается свое: большие сердца в служении людям сгорают, а маленькие – забиваются в щели. Поэт напоминает, что жизнь состоит не только из радости и тишины, это борьба, в ней надо не терять надежды и мужества, учиться у всего, что нас окружает.

Неординарен взгляд Ольмезова и на вопросы о назначении поэта, о его труде, о необходимости честного служения словом. Говоря о назначении поэта, он находит неизбитые слова и образы.

В стихах Мурадина нашли отражение вопросы жизни и смерти, радостных и горестных событий, приобретений и потерь. Он откликается на беды и страдания людей, беря их боль на себя, считая, что если в мире суждено кому-то плакать, то пусть это будет он, а не голодный ребенок.

Не проходит поэт и мимо трагических страниц истории нашей страны. Стихотворение «Хатынь» – это выстраданная боль поэта за гибель далекого белорусского села, судьба которого ему небезразлична, это горестное повествование о незабываемых человеческих страданиях и зверствах фашизма. Поэт вносит свою лепту в дело борьбы за мир, он призывает людей к благоразумию, сделать все, чтобы не было новых пожаров войны, новых очагов смерти, чтобы не повторился сорок первый год. Хатынь – вечная боль, ее черные трубы – вечный укор живущим.

Если говорить о патриотической лирике, то Мурадин пишет о своей родине без ложного пафоса и выпренности, просто с чувством любви и преданности.

Стихи о любви также привлекают своей искренностью, лиричностью и просветленностью. Но наряду с этим поэт слагает не просто восторженные, идиллически безмятежные стихи о любви, он более глубоко и разнопланово развивает эту тему. Ему удастся несколькими лаконичными строчками передать, к примеру, целую гамму чувств случайно обидевших друг друга влюбленных.

Мурадин служит поэзии преданно и честно. Его отличают собственное поэтическое видение действительности, влюбленность в окружающий мир. Подбор тропов: сравнений, эпитетов, метафор и т. д., обогащающих поэзию, у него отличается яркими оттенками, и образностью.

Асият АТАБИЕВА,

кандидат филологических наук

Мир детства в поэзии М. Ольмезова

Детская литература поистине его призвание. Произведения для детей пишут многие авторы. Однако мало кто из них отдает себя этому делу целиком. Примером такого служения является творчество М. Ольмезова. Многие произведения автора вошли в школьную программу и довольно успешно используются в преподавании балкарской литературы в младших классах.

В 1984 году республиканским издательством осуществлена публикация его книги «Кишиучукъ» («Мурлышка»), адресованной детям дошкольного возраста. Комплектация стихотворений произведена исходя из возрастных особенностей читателя. Книга ориентирована на развлекательность и доступность. Поэтический мир автора наполнен множеством звуков и красок. В детской поэзии М. Ольмезова невозможное возможно, здесь даже самые дерзкие фантазии вырываются на свободу (стих. «Гылыучукъ» – «Осленок»). Две соприкасающиеся плоскости: мир вымышленный и реальный, сосуществуют в едином художественном пространстве. Любознательность ребенка требует немедленного объяснения всему, что он наблюдает вокруг себя:

*Тёгерегим «некди», «некди»,
«Некге» менден не керекди?*

*Вокруг меня все «почему?»,
Что нужно от меня ему?*

Произведения поэта способствуют полноценному освоению мира, расширяя и дополняя детские представления о нем. Вступая в этот мир, ребенок испытывает первые ощущения – это впечатления от окружающих предметов. Предметное видение формируется на ранней стадии жизни человека, закладывая основы его мировосприятия. Так как дети воспринимают всерьез все прочитанное, увиденное, услышанное, художественная выдумка обретает в их сознании реальные черты. Происходит своего рода деформация самой реальности. Такая универсальность вымысла плодотворно используется М. Ольмезовым. Поэт находит невероятные в своем выражении сравнения и метафоры, которые могут прийти в голову только ребенку (стихотворения «Кек жауады» – «Небо льется», «Ким болур?» – «Кто же это может быть?»).

Специально для детей М. Ольмезовым подготовлены и изданы книги «Билляча» («Знайка»), «Гыллыу, гыллыу, кьыллыуча» («Летят, летят качели»). В по-этический сборник «Жаун бла ташмакъа» («Черепаша и дождик». 1993) включены стихотворения, сказки на балкарском и русском языках.

Поиск новых художественных форм и средств выражения, способствующих усилению познавательных возможностей детской литературы, приводит М. Ольмезова к интересным поэтическим находкам. Удачным обретением художника явилась «Азбука – загадка», которая отличается от других учебных книг своеобразной манерой изложения. Этот сборник авторских тематических загадок призван помочь воспитателям детских садов и учителям начальных классов оживить занятия с детьми, сделать их более интересными и насыщенными. Они развивают в детях наблюдательность, способность к формированию образной речи и поэтического взгляда на мир. «Азбука» рассчитана на ребят младшего школьного возраста и в значительной степени облегчает усвоение ими педагогического материала, превращая учебу в увлекательную игру.

*Къап-къара булут атчыкъ
Къой жолда чаба кетди,
Акъ туягъында алтын
Налчыгъын ол тас этди.
Аны кече танды,
Жулдуз чюйге такъды.*

(жангы ай)

*Черная тучка-лошадка
По Млечной дороге скакала,
Серебряную подкову
С копыта потеряла.
Сказала Ночь: «Я подкову найду,
Повешу ее на звезду!»*

(месяц)

Перевод Я. Акима

Творчество М. Ольмезова многогранно, и произведения весьма многочисленны. Сравнительно недавно издана книга избранных произведений поэта под названием «Акъ жугътур» (Белый тур. Нальчик, 1999). Наряду со стихами для взрослых в нее вошли и детские стихи и сказки:

«Бюрче бла гумулжук» («Блоха и муравей»), «Ингир жомакъ» («Вечерняя сказка»), «Багуш ханны киппе-кирли кыралында» («В грязном царстве мусорного хана») и прочие.

Детскую поэзию М. Ольмезова можно назвать «суверенной страной» детства, где действуют законы фантазии, волшебства и доброго юмора. Она обладает большим познавательным потенциалом. Стихи поэта побуждают ребёнка внимательнее всматриваться в привычные, уже, казалось бы, примелькавшиеся вещи, находя в них необычные углы преломления, новую содержательную глубину. Автор с завидным энтузиазмом воплощает детские мечты в реальность. Настоящий детский поэт сродни доброму и мудрому волшебнику, в ком детство всегда живо. Благодаря чему в его произведениях ощущается соответствие между характером творчества и личностью автора. Указанное качество приоритетно в поэзии М. Ольмезова. Художник не просто помнит о детстве, взрослея, он стремится сохранить его в себе как важнейшую составляющую своего существа.

Дети от природы склонны к фантазированию, такова особенность их психики. Они доверчивы, легковёрны и сами без труда поддаются иллюзии и игре воображения. Поэтому их так привлекает сказочный мир. Интересна стилистическая конструкция авторской литературной сказки «Ингир жомакъ» («Вечерняя сказка»). Она основана на смешении элементов поэтического текста и прозаического повествования. Начав стихотворный рассказ со вступления в прозу, М. Ольмезов знакомит ребят с вымышленной реальностью. Дети попадают в мир-перевертыш, в котором всё наоборот, где отсутствует логика, где нарушаются законы природы. Другими словами, он иррационален:

*Баш энишге
Сюелип тау,
Сейир ишле
Кёребиз, хау!
Черек ёрге
Барады нек?
Былай дерге
Билсенг а не!
Харбыз бише
Тал бутакъда,
Къаз ау эше
Кюн таякъдан.
...Къышыгъыз – жай,
Жайыгъыз – къыш,
Некисиз былай
Къара-къатыш?*

*Вершиной вниз
Стоит гора,
Невероятные дела
Мы наблюдаем, да!
Река наверх
Бежит зачем?
И объяснение дать
Не знаешь как!
Растёт арбуз
На ветке ивы,
Вьет паутину гусь
Из солнечных лучей.
Зима – как лето,
Лето – как зима.
Ну почему здесь все
Так перепуталось у вас?*

(подстрочный перевод)

Художественные находки автора не утомляют сознание ребенка, но дают свежие импульсы их воображению. Плодотворность знакомства детей с поэзией давно доказана. Образность мышления, эстетика вкуса – все это развивается в процессе приобщения к ней. Поиск точной пропорции между наблюдением и символом, формальной и эмоциональной сторо-

нами изображаемого проявляется в оригинальной трактовке сюжета, в богатом ритмическом рисунке, в метафоричности языка, в свойстве поэта подчинять себя тексту.

Сборник «Белый тур» содержит произведения, примечательные как в художественном, так и в познавательном отношениях. Это – целостный, увлекательный мир, полный удивительных историй и неразгаданных тайн. Стихи М. Ольмезова для детей до предела насыщены зримыми пластичными образами, оживающими в процессе вовлечения ребенка в стихию поэзии. Автор, с постоянством и «влюбленностью» творящий для детей, создает совершенно разные по тематике, контрастные произведения, которые заинтриговывают маленьких читателей ожиданием чудес. Выстраивая особый, психологически «уютный» для ребенка микроклимат, поэт способен предложить ему всё многообразие художественной палитры тем и образов.

С каждым новым поэтическим сборником автор утверждает свой индивидуальный стиль, свою интонацию. Книги «Знайка», «Черепаша и дождик», «Просто, просто, просто так!», «Качели» являются одними из самых востребованных в числе современных детских изданий. Они закономерно вошли в «золотой фонд» национальной литературы для детей.

Спектр художественных форм, осваиваемых М. Ольмезовым, не ограничивается только детской поэзией. В 1990-е годы в нескольких номерах литературного журнала «Эльбрус» опубликована его пьеса-сказка «Урланган жырчыкъ» («Украденная песенка»). Произведение отличается усложнённой композицией, оригинальным сюжетным решением. Наличествующие в тексте структурные признаки драматургического жанра не исключают использование в нем стихотворно-прозаической формы. Поэтические вставки исполняют функцию сценических действий, перемежающихся традиционными для пьесы вступлениями.

В произведении используется фольклорная типизация. Персонажи индивидуализированы национальными чертами. Национальная специфика выявляется в элементах композиции пьесы-сказки, о чем свидетельствует наличие архаических формул, характерных для построения нартских сказаний-песен.

В произведении, таким образом, происходит синтез трех художественных начал: эпоса, поэзии и драмы. Подобные образцы способны заметно обновить и во многом обогатить жанровую палитру национальной драматургии сегодня.

Алена САРБАШЕВА,
кандидат филологических наук

О драматургии

Приоритетным жанром в национальной драматургии последних десятилетий выступает трагедия, в развитии которой значительна роль М. Ольмезова. Он является автором известных драматургических произ-

ведений «Тахир и Зухра» и «Княгиня Гошаях», по мотивам которых осуществлены одноименные сценические постановки. Наибольший резонанс в театральной жизни республики вызвал спектакль «Княгиня Гошаях». В основе этой трагедии – сюжет одноименной народной песни. Любовная фабула составляет основное содержание трагедии. Главные герои Каншаубий и Гошаях любят друг друга. Прежде чем соединить свои судьбы, они проходят через жизненные испытания. Гошаях, будучи подростком, была похищена Камгутом, старшим братом Каншаубия, и несколько лет росла затворницей в доме кормилицы Карачач. Случайная встреча девушки с младшим братом своего «нареченного» предопределяет драматическое развитие событий в пьесе.

Если любовная страсть есть нечто роковое, стихийное, то понятие чести для персонажей пьесы сильнее и выше. Как говорит один из героев трагедии Гюргок,

*Но есть такое, что любви превыше.
Во-первых, честь! Ее нельзя ронять,
Иначе не найдется в сердце места
Ни мужеству, ни правде...*

(художественный перевод и далее – Ладомира Местича)

Каншаубий подчиняет свои чувства разуму, страсть – закону гор, который «велит женить по старшинству. И первенство Камгута здесь бесспорно».

Гошаях смиряется перед тем фактом, что ее отдают замуж за Камгута. Вскоре, овдовев, княгиня получает благословение на брачный союз с Каншаубием.

Любовь в трагедии – это властное могучее чувство, подчиняющее себе каждого смертного и обрекающее порой на безысходность. Она разжигает трагическую борьбу, которая происходит не только в душах героев, но и составляет сущность трагического действия вообще.

Чтобы показать крупным планом трагическую сущность любви, в процессе сюжетного развития противостояние между нею и временем, в котором торжествует «мир несправедливости и злобы», драматург укрупняет роль второстепенных персонажей – доброй кормилицы Карачач, злопамятного Шаза, обреченной на безответную любовь княгини Куны, образ которой выписан наиболее рельефно.

На первый взгляд, образ Куны, добывающейся любви красавца Каншаубия, персонифицирует абстрактное зло, отравительницу и разлучницу, как было принято в мифологии. Но М. Ольмезов, нарушая традиции, выражает внутреннюю борьбу Куны: она охвачена бурной страстью, противоречащей нравственным горским критериям.

*...Когда мои глаза
Увидели его, вспыхнуло сердце!
Затем все тело охватил огонь,
...и от позора*

*Едва спасла я голову свою...
С тех пор болею... О, Аллах Великий,
Убей меня, пока на целый свет я
Не осрамилась...*

В порыве «слепой страсти, греховных желаний» Куна не теряет способности к самосознанию, к страданию:

*Боролась я с собой, да мало проку,
Вязала сердце путами – рвались.
И удила перегрызает сердце.
Стыдишь, а сердце словно говорит:
«Мне без него нет радости, нет жизни!» –
И бабочкой в сети у паука,
В груди моей, бессильное, трепещет...
А я схожу с ума...*

Героиня не признает своей «трагической вины» перед Каншаубием:

*А в чем я неправа? Что полюбила?
Тогда в моей любви повинен Бог.*

«Безумна если, ты тому причина», – говорит она своему возлюбленному.

Такое мужество Куны придает динамизм драматическому развитию событий. Осознание трагической безысходности звучит в ее обращении к Гюроку:

*Убей меня: на поясе – кинжал!
Хоть режь на части – посчитают правым.
Я, гордая княгиня, впала в бред.
Ты от стыда избавишься лишь мстью,
Смыть твой позор способна только кровь,
И эта кровь – моя...*

Трагизм Куны передается более полно по сравнению с трагизмом княгини Гошаых. В этом, наверное, следует видеть творческий подход драматурга к устоявшимся традициям в драмах о любви, когда внимание акцентировалось строго на игре одной влюбленной пары.

Куна – жертва своей страстной любви, которая подобна скакуну, рвущему узду, и – словно молния, «спалившая дуб до самого корня».

«Белым стихом драм Кальдерона и Шекспира написанная пьеса, классический набор персонажей (свой Яго, служанка – наперсница), живая интрига, ведомая клеветой и страстью, сообщали спектаклю яркую театральность, а историческая канва и достоверность событий обещали возможность осуществления на сцене подлинно национальной драмы...» – писала о пьесе критик Ф. Урусбиева.¹

¹ Урусбиева Ф. В содружестве двух муз // Кабардино-Балкарская правда. 2000, 20 июня.

В действительности «Княгине Гошаях» выпала завидная сценическая судьба. Она с аншлагом прошла в Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Башкирии, Татарстане, а в 2000 году была удостоена Государственной премии КБР в области искусства и литературы.

Публикации М. Ольмезова

Книги

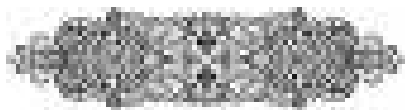
1. «Жугьгутур ызла» («Турьи тропы»). Нальчик: Эльбрус, 1977.
2. «Кюн – кьол аязы тангымь» («Солнце – ладонь моего утра»). Нальчик: Эльбрус, 1983.
3. «Акь киштикчик» («Белый котенок», для детей). Нальчик: Эльбрус, 1984.
4. «Эрирей» («Эрирей», на русск. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1986.
5. «Билляча» («Билляча», для детей). Нальчик: Эльбрус, 1989.
6. «Жашырын тала» («Тайная поляна»). Нальчик: Эльбрус, 1991.
7. «Ташмакья бла жаунчукъ» («Черепашка и дождик», для детей на русск. и балк. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1993.
8. «Гыллыу, гыллыу гыллыуча» («Летят, летят качели»), для детей. Нальчик: Эльбрус, 1997.
9. «Акь жугьгутур» («Белый тур»). Нальчик: Эльбрус, 1999.
10. «Гошаях бийче» («Княгиня Гошаях»). Нальчик: Эльбрус, 2003.
11. «Бош, бош, бош алай» («Просто, просто, просто так», для детей). Нальчик: Эльбрус, 2005.
12. «Le sang et la cendre» («Кровь и пепел») на фр. яз. Париж, 2008.
13. «Юзmez сагъат» («Песочные часы»). Нальчик: Эльбрус, 2009.

Драматические произведения

1. «Гошаях бийче» («Княгиня Гошаях»). Премьера спектакля состоялась в декабре 1999 года в Нальчике.
2. «Тахир бла Зухра» («Тахир и Зухра»). Премьера спектакля состоялась в июне 2002 года в Нальчике.
3. «Урланган жырчыкъ» («Украденная песенка»), для детей. Журнал «Минги Тау», №№1-5, 1997.
4. «Къан бла кюл» («Кровь и пепел»). Новая пьеса.
5. «Душман керекди!» («Требуется враг!»). Новая пьеса.

Переводы

1. Омар Хайям. Рубай. На балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 2002.

К юбилею Владимира Кудаета

Родился в 1954 г. в сел. Нижний Курп Терского района КБАССР в семье колхозников. Окончил историко-филологический факультет КБГУ. Рано увлекся журналистикой, но трудовую деятельность начал инструктором Терского райкома комсомола. Заведовал организационным отделом, избирался вторым секретарем райкома ВЛКСМ, некоторое время был ответсекретарем районной организации общества «Знание». Но тяга к журналистике начала доминировать, и он перешел в редакцию газеты «Ленин гъуэгу». Позже работал в президиуме Верховного Совета КБР, но через три года снова занялся журналистикой – на этот раз в качестве заведующего отделом политики газеты «Кабардино-Балкарская правда».

Это было в 1989–1992 гг., когда интерес к печатному слову в стране сильно возрос, когда общественно-политическая активность масс так же возросла. Аналитические статьи В. Ж. Кудаета в тот период однозначно способствовали сохранению единства республики.

С 1992 г. Владимир Жантемирович возглавил пресс-службу президента КБР. Впоследствии название данной службы менялось неоднократно, должность называлась по-разному, но факт такой: в течение 15 лет кабардино-балкарское сообщество и СМИ России получали информацию о деятельности президентских и правительственных структур непосредственно из его рук.

Затем была работа в качестве главного редактора газеты «Кабардино-Балкарская правда», где за короткий период В. Кудает сумел изменить подходы к подаче информационных материалов и значительно увеличить тираж газеты.

С 2007 г. – директор Республиканского полиграфкомбината.

Кандидат исторических наук. Заслуженный журналист КБР. В 2002 г. стал лауреатом Государственной премии КБР в области науки и техники за монографию «Курсом политических преобразований» – работу в области исследования демократических изменений в обществе.

Член Союза журналистов России и Союза писателей России, публицист. Является автором пяти книг на русском языке.

Женат, имеет сына и дочь.

К юбилею Марии Котляровой

4 марта – юбилей Марии Котляровой – журналистки, литературного критика, одного из учредителей «Издательства М. и В. Котляровых». Предлагаем вниманию наших читателей материалы, рассказывающие о творческой работе Марии и издательства в целом.

...Издательская деятельность Котляровых, выпускающих литературу по краеведению, истории, этнографии народов Северного Кавказа, заслуживает самых добрых слов. Сотни книг увидели свет за эти годы, практически каждая из которых в той или иной степени позволяет заглянуть в души адыгов, балкарцев, ингушей, осетин, чеченцев – заглянуть и понять: нет малых народов и соответственно малых культур; просто надо научиться слышать голос каждого из народов, видеть своеобразие, ценить своеобычность, оригинальность их культур.

Котляровы – коренные жители Кабардино-Балкарии: здесь родились, росли, получили образование, здесь и живут, влюбленные в свою республику, ее жителей. И надо отдать должное их внимательности, такту, трепетной любви, с которой они пишут о представителях других коренных народов Кавказа. Подобное отношение и следовало бы считать единственно нормальным, поскольку без него, без стремления к взаимопониманию и согласию не может быть сильной и единой России.

*Арсен Каноков,
президент КБР*

За 27 лет литературной деятельности Мария и Виктор Котляровы выпустили более 50 книг (включая переиздания). В их числе художественно-документальные работы: «Юности горячие сердца» (1981), «Строим страну – строим себя» (1984), «Сигнал вечности» (1986), «На молодости – главные дела» (1987), «Место и действие» (1989), «Инстинкт преследования...» (1991), «Звездный путь Экзюпери» (1995), «Жар и свежесть мгновения» (2000), «Экзамен на человечность» (2000), «Времена сердца» (2000) и др.

Мемориальные исследования: «Ты создал мир. И он велик». Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет...». Книга о ректоре Владимире Глостанове (2001), «Ладони протяни к огню души моей...». Книга о художнике Мухадине Кишеве (2002), «Адыги: сердца и судьбы». Портреты, заметки (2002), «Балкария: боль и гордость». Книга

о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве (2003), «Кязим. Жизнь. Судьба» (2005), «Куанч» (2005).

Ретроиздания: «Кабарда: время и лица», «Балкарция: время и лица» (2004, 4 выпуска).

Серия путеводителей: «Родной ландшафт» (2005–2007, 11 выпусков), «Elbrus region» (2006, англ. яз.).

Серия из восьми фотоальбомов «Кабардино-Балкарция: природная жемчужина»: «Приэльбрусье», «Приэльбрусье: Джилы-су», «Чегемское ущелье», «Хуламо-Безенгийское ущелье», «Черекское ущелье», «Нальчик и его окрестности», «Кабардинская равнина», «Баксанское ущелье» (2005–2008).

Книги-путешествия: «Живописная Кабардино-Балкарция» (2006), «Неповторимый Нальчик» (2006), энциклопедическое издание (его объем около 70 печатных листов) – «Кабардино-Балкарция: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое, непознанное, невероятное» (2008), «Занимательное. Загадочное. Забытое» (2009).

СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОГЛАСИЮ...

...Как-то у коллеги по работе увидел на столе книгу «Неповторимый Нальчик» Марии и Виктора Котляровых. Спустя недели две обратил внимание, что она по-прежнему лежит на самом видном месте, мимоходом поинтересовался: «Недосуг прочитать?». И услышал в ответ весьма эмоциональные слова: «Прочитал раз, второй, а по-прежнему тянет: открываю вновь – и не могу оторваться, проглатываю страницу за страницей как в первый раз! Причем я далеко не одинок».

И мой младший товарищ показал мне декабрьский номер газеты «Северный Кавказ», в котором было опубликовано письмо «Буду молиться о вашем здравии...», адресованное Марии и Виктору Котляровым. Вот лишь несколько фраз из него: «В ноябре перенесла инсульт. Мне не то что двигаться, но говорить и читать было тяжело. И вдруг племянник приносит Вашу книгу (ему подарили родственники). Я буквально «впиявилась» в нее, и оторваться было невозможно. Уныния как не бывало. Я побывала в своем детстве, юности. Сколько всего узнала! Эта книга и часть меня, и родных моих. Столько точек соприкосновений! С какой любовью Вы написали этот труд. Любовь чувствуется за каждой строчкой, каждой фотографией. Все разделы уместны и полны. Я восстановила в памяти послевоенные старые улицы, все то, что связано с этим временем. Это что-то!».

Автор письма Нина Павловна Кузьмина (в девичестве Чалова) родилась в Нальчике в 1941 году, окончила СШ № 5, в 1960 году по комсомольской путевке уехала в Ангарск. Впоследствии переехала в Московскую область, где и проживает ныне, преподавала в МГПИ им. Ленина. В молодости активно занималась спортом – легкой атлетикой, более того: четырежды становилась чемпионкой СССР. «Много чего повидала в своей жизни, – заключает она свое послание, – но любовь к

родному Нальчику только укреплялась. Вы совершенно правы: Нальчик неповторим! ...Пока жива, буду молиться о Вашем здравии (записала в свой помяник). Хочется (очень, очень) чтобы Вы знали, что далеко от Вас есть люди, которые ценят Ваши просветительские труды, полюбили Вас искренне и верно, и молятся за Ваше здоровье и призывают помощь божью на все Ваши дела».

Признаюсь, искренне порадовался тому, что у нас все еще есть такие вдумчивые, внимательные читатели, так и тому, что люди, к которым я отношусь с искренней симпатией, написали книгу, достойную нашего любимого города. Давно собирался сказать слова признательности в их адрес, а сегодняшний повод – у Марии Котляровой 4 марта юбилей – самое время для этого.

Впервые я непосредственно столкнулся с Марией ровно 15 лет назад – в 1994 году, когда в издательстве «Эль-Фа» выпускал свою книгу «Вдали от Родины», редактором которой она была. Можно сказать, именно с того времени я в курсе всего, что делает она вместе с супругом Виктором. В констатации такой нет никакого преувеличения, ибо чета Котляровых работает в том направлении, без знаний в котором нельзя считать себя образованным человеком, тем более патриотом, – воссозданию подлинной истории титульных народов Кабардино-Балкарии, постижению основ этносов, пониманию их знаковых личностей.

Именно Котляровыми была задумана и основана серия книг «Кавказский литературно-исторический Олимп». Именно их заслугой является не только удачно подобранная аббревиатура серии, но и наполнение ее разножанровыми материалами, широко раскрывающими неизвестный широкой аудитории да и многим специалистам глубокий творческий пласт как исторического, так и собственно литературного наследия коренных народов республики. Именно при Марии и Викторе серия набрала необходимый вид и вес, став явлением не только полиграфического, но и историко-познавательного, духовного плана.

Всего же за семь лет работы Котляровых в «Эль-Фа» увидело свет около тридцати книг в серии «КЛИО», а если брать все подготовленные ими издания, то более трехсот названий.

В 1999 году Мария и Виктор зарегистрировали новое издательство, получившее вначале название «Полиграфсервис и Т», а в 2005 году то, которое ныне известно практически каждому жителю республики – «Издательство М. и В. Котляровых». Перед собой они поставили весьма простую цель – способствовать созданию единого культурного пространства Северного Кавказа, издавая монографии, сборники исследовательских работ ученых региона.

Частное издательство на ниве культурного просвещения? Возможно ли такое в наши времена, когда все подчинено рациональному и материальному. Оказывается, да. Минимизировав штат – в нем всего несколько человек (директор, редактор, художник, верстальщик, корректор), осуществляя собственными силами весь цикл работ по изданию книги (от набора рукописи до выпуска тиража), издатели не только выжили, а

прочно заняли свое место на книжном рынке, более того – стали на нем лидерами. Вдумайтесь: за прошедшие девять лет ими выпущено более 700 книг, причем только в прошлом году – 157! Не верите? Загляните на страничку издательства, что расположена на сайте газеты «Северный Кавказ» и убедитесь: название, автор, количество страниц, тираж – все на месте.

Сотни книг, каждую из которых отличает тщательная редакторская работа, высокохудожественное оформление. Монографические работы и историко-этнографические исследования, генеалогические изыскания и архивные сборники, серийные издания – «Города и селения КБР: история малой родины», «Кабарда: страницы прошлого», «Балкария: страницы прошлого», «Возвращение», «Кавказ». В первой из них уже вышли в едином оформлении тома, воссоздающие историю таких населенных пунктов, как «Чегем II», «Нижний Черек», «Новая Балкария», «Герменчик», «Нижний Куркужин», «Дугулубгей», «Майский», «Урожайное»... Когда-то давно, еще в советские времена, правительство республики поручило научно-исследовательскому институту подготовить «Историю населенных пунктов Кабардино-Балкарии». Работа эта так и не увидела свет. Сегодня крошечное издательство восполняет этот досадный пробел.

Серия «Страницы прошлого» – это возвращению читателю очерков, публикаций, заметок о титульных народах КБР, не переиздававшихся столетия и ныне составивших множество сборников, выпускаемых издательством с завидным постоянством, причем, себе в убыток, но с благой целью – вернуть народам их подлинную историю. Дополняющая «Страницы прошлого» серия «Возвращение» – это снабженные редакционными предисловиями и послесловиями, научными комментариями издания, позволяющие по-новому взглянуть на узловые моменты нашей истории. Открывшая серию книга Константина Чхеидзе «Страна Прометея» – пронзительное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях; взволнованный рассказ о природе, достопримечательностях горного края.

Еще одна серия – «Кавказ» имеет своим адресатом российского читателя, ибо включает сведения, представляющие широкий интерес. Уже вышли из печати тома: «Географические названия и объекты», «Народы, обычаи, традиции»; сданы в производство «Европейские дневники XIII–XVIII веков», «Адаты горских народов».

Одного сказанного достаточно для того, чтобы имя издателей осталось в истории нашей республики. А ведь Мария и Виктор известны не в меньшей степени своими авторскими работами, первые из которых вышли еще в восьмидесятых годах прошлого века. Очерки о юношах и девушках, история молодежного союза, воссозданная ими в книгах «Юности горячие сердца», «Строим страну – строим себя», «Сигнал вечности», «На молодости – главные дела» – явились своеобразным подступом к главным их трудам – мемориальным работам о знаковых личностях Кабардино-Балкарии. Герои их книг объединены не только национальным самосознанием, не только временем, на которое выпало

их самоосуществление, но и реакцией современников на плоды ума и рук их. Таковы работы «Адыги: сердца и судьбы», «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве», «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове», «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове», образно отмеченные одним из рецензентов как «добрый кирпичик в незавершенном здании полного и нерасторжимого единения народов новой России». Оценивая же конкретно вклад Марии в их создание, доктор филологических наук Адам Гуттов писал: «Не скрою, мне приятно, что человек иной национальности, иного менталитета, пусть и проживший всю свою жизнь в нашей республике, смог не только глубоко проникнуть в духовный мир моих соотечественников, но и сделать его достоянием всех, кто уже прочитал или кому еще предстоит прочитать эти книги».

В 2004 году издательство Котляровых приступило к созданию художественно-документальной фотолетописи о природной жемчужине, какой является Кабардино-Балкария. На сегодня созданное ими в рамках проекта «Родной ландшафт» буквально поражает воображение. Вышло восемь построенных по географическому принципу авторских буклетов: «Приэльбрусье», «Приэльбрусье: Джилы-су», «Чегемское ущелье», «Хуламо-Безенгийское ущелье», «Черекское ущелье», «Баксанское ущелье», «Нальчик и его окрестности», «Кабардинская равнина». И еще три – «Исторические экскурсии», «Обычаи и традиции», «Одежда и быт», в которых содержится ровно сто цитируемых источников, воспроизводящих великое множество исторических и этнографических подробностей, описаний обычаев и традиций кабардинцев и балкарцев, уникальных сведений, позволяющих глубже узнать народную душу.

Одновременно в 2005–2008 годах выпущено восемь фотоальбомов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина». Это большеформатные многокрасочные издания, вобравшие в себя сотни оригинальных фотографий, автором которых является сотрудница издательства, самобытный дизайнер Жанна Шогенова. На них достопримечательности, природные и исторические памятники, флора и фауна, турбазы и базы отдыха, многие знаковые места неповторимого уголка Кавказа. Составной частью альбомов являются тематические вкладыши, вобравшие в себя малоизвестные материалы об обычаях и традициях титульных народов Кабардино-Балкарии – заметки европейских и русских путешественников, редкие фотографии и рисунки, большинство из которых неизвестны современному читателю. Все подписи к фотографиям переведены на английский язык (в параллельных переводах публикуется также предисловие, дается расширенное резюме основного текста), в альбомах имеются карты описываемых местностей, фотографии с орбитальных спутников, размещенные на форзацах, многочисленные высказывания, снабженные научными ссылками...

Этапными в биографии творческого дуэта стали работы «Живописная Кабардино-Балкария» и «Неповторимый Нальчик» (с рассказа о последней мы и начали наш материал), представляющие из себя весьма редкий и не-

простой жанр: книги-путешествия, требующие подачи информационного массива живым, образным языком, высокого эмоционального настроения, большого писательского мастерства.

Книга «Неповторимый Нальчик» рассказывает не только об истории зарождения города, происхождении его названия, природных достопримечательностях, исторических памятниках, археологических находках, встречах с необычными явлениями и фактами, но и включает раздел, содержащий огромный справочный материал. Это сведения о нальчикских проспектах, улицах, площадях, скверах, парках; о людях, чьи имена носят городские артерии; о почетных гражданах Нальчика, памятниках и памятных досках, санаториях и пансионатах; поэтическая антология о городе в подкове гор, библиография публикаций о нем...

В 2007 году, обобщив лучшее из написанного ими о республике, Мария и Виктор Котляровы выпустили еще одну необычную работу – внушительный по объему и содержанию фолиант «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа». В книге этой 720 страниц, в том числе 168 страниц иллюстраций, вес ее – около двух с половиной килограмм, формат – энциклопедический. И сама работа своего рода энциклопедия – в ней собрано огромное количество сведений о Кабардино-Балкарии. Книге предпослано предисловие президента КБР Арсена Канокова, в котором, в частности, есть и такие строки: «...Издательская деятельность Котляровых, выпускающих литературу по краеведению, истории, этнографии народов Северного Кавказа, заслуживает самых добрых слов. Сотни книг увидели свет за эти годы, практически каждая из которых в той или иной степени позволяет заглянуть в души адыгов, балкарцев, ингушей, осетин, чеченцев – заглянуть и понять: нет малых народов и соответственно малых культур; просто надо научиться слышать голос каждого из народов, видеть своеобразие, ценить своеобычность, оригинальность их культур.

Котляровы – коренные жители Кабардино-Балкарии: здесь родились, росли, получили образование, здесь и живут, влюбленные в свою республику, ее жителей. И надо отдать должное их внимательности, такту, трепетной любви, с которой они пишут о представителях других коренных народов Кавказа. Подобное отношение и следовало бы считать единственно нормальным, поскольку без него, без стремления к взаимопониманию и согласию не может быть сильной и единой России. Именно поэтому многое из созданного Марией и Виктором стало значительным явлением в нашей культуре».

Право, к этому трудно что-то добавить. Хочется лишь выразить Марии в день ее юбилея слова искреннего признания и пожелания им с Виктором новых творческих удач.

*Хасан Думанов,
доктор исторических наук, профессор КБГУ*

... Слово Марии Котляровой в творческом тандеме полновесно и значимо, о чем ярко свидетельствуют ее авторские работы «Экзамен на человечность», «Жар и свежесть души», очерки о знаковых личностях

Кабардино-Балкарии. Один из них – «Кафоевское прочтение» был назван в числе победителей Всероссийского конкурса «Отчизны верные сыны», а впоследствии опубликован в одноименной подарочной книге, вышедшей в Москве тиражом 45 тысяч экземпляров.

*Хасан Тхазеплов,
главный редактор журнала «ЛКБ»*

...Их книги от начала до конца пронизаны поэтическим чувством восхищения перед самим явлением, которое складывается как чудесный, неизъяснимо прекрасный конгломерат природы, одухотворенной присутствием человека, умеющего ее понять и принять как дар свыше; всего лучшего, что человек сумел на века привнести в этот мир – неповторимого, незабытого, будь то древние легенды, выдающиеся личности, незабываемые строки, уцелевшие строения или полуразрушенные могильники и сторожевые башни. Притом – наивозможнейшая точность, основанная на собственном опыте и сочинениях многих известных и малоизвестных краеведов и путешественников, посещавших Кавказ в прошлом и настоящем. Но и в этих многочисленных цитатах незримо присутствуют сами авторы, люди, как бы приглашающие нас к путешествию по республике, глубоко заинтересованные предметом, стремящиеся говорить доказательно, логично, не забывая о своей точке зрения.

*Валентин Кузьмин,
писатель*

Редкое качество – книги Котляровых невозможно отложить в сторону, их перечитываешь, возвращаясь к написанному, осмысливая его. Такова их работа о Кязиме Мечиеве, человеке, которого называли душой Балкарии. Эта душа – беспокойная, мятущаяся и облагораживающая – перед нами. А такое возможно лишь, если и твои слова тоже вышли из души, если рукой пишущего двигало сопереживание, сочувствие, если сердца героя и авторов бились в унисон.

*Салих Эфендиев,
доктор философских наук*

...Неподдельная искренность, умение увидеть человека столь глубоко, что ты, знающий его как будто сто лет, испытываешь искреннее удивление, желание разобраться в мотивации поступков своих героев, даже, скажем так, определенная влюбленность в них отличает литературные портреты Марии Котляровой о таких знаковых личностях, как Али Шогенцуков, Кязим Мечиев, Владимир Тлостанов...

Их книги отличает единство композиции и стиля, философская и

художественная концепция, логическая завершенность и эстетическое единство, но главное – они достойны своих героев – личностей для адыгов знаковых, оставивших свой след в нашей истории.

Адам Гутов,
доктор филологических наук

...Мария обладает удивительной способностью: жить «здесь и сейчас» и одновременно – в минувших десятилетиях и даже веках. Ее жизнь естественным образом совмещает в себе «высокие мысли и простоту». И невозможно отделить здесь заботу о своих ближних и «дальних» от заботы о воскрешении того, что может кануть в Лету. Чтобы знали, помнили, печалились и гордились. Наверное, так можно определить девиз работы Марии. Каждая из написанных ею и Виктором книг – вызов: забвению, невежеству, пристрастности. И каждая – стремление дойти до сути, заразить любовью и пониманием.

Наталья Смирнова,
доктор филологических наук

...Как сближаются народы, что лежит в основе их взаимоуважения и братских чувств? Самое главное, на мой взгляд, это когда народы знают культуру друг друга. Только язык культуры ведет к пониманию. Именно этому посвятили себя Мария и Виктор Котляровы. Они написали не один десяток книг, сотни исследований – исторических, этнографических, литературоведческих – издали. А так как они настоящие профессионалы, написанное и изданное ими стало значительным явлением в нашей культуре.

Они профессионально дополняют друг друга – Мария и Виктор, историк и литератор, прекрасно знающие историю, материальную и духовную культуру народов КБР. Эти знания, расцвеченные искренней любовью к родной земле, к ее духовным ориентирам помогают им писать книги, которым суждена долгая жизнь.

Тамара Биттирова,
доктор филологических наук

Ислам Крымшамхалов – недопетая песня Карачая

Ислам Крымшамхалов – это, как говорят горцы, свет очей наших и частичка души нашей. Так балкарцы и карачаевцы говорят лишь о человеке кристально чистой души и высокой чести. И еще – об очень родном и близком человеке. Таким именно человеком был и остался навсегда в памяти карачаевцев и балкарцев Ислам Крымшамхалов – художник, поэт, публицист, общественный деятель и просветитель.

Родился он 31 марта 1864 года в селении Карт-Джурт в Большом Карачае в известном и уважаемом княжеском роду. Наверное, в нем слилось все высокое и красивое, что было в двух этих братских народах, карачаевцах и балкарцах: ведь он был сыном двух уважаемых бийских родов Балкарии и Карачая – Крымшамхаловых из Карачая и Урусбиевых из Балкарии. Мать его – Джюзек статная и красивая, была урожденной княгиней Урусбиевой, сестрой того самого Исмаила Урусбиева, которым восхищались многие знаменитые ученые, деятели культуры и путешественники не только России, но и Европы.

Ислам осиротел рано, и детство его в основном прошло в доме его знаменитого дяди по матери – Исмаила Урусбиева. Исмаил Урусбиев очень любил своегомышленого и любознательного племянника и делал все, чтобы с детских уже лет привить ему любовь к знаниям, к красоте, быть честным и справедливым. И мальчик был благодарным учеником своего дяди – на всю жизнь он остался с чистой душой и чистой совестью, не переставшим удивляться красоте и гармонии мира.

Как известно, дом Урусбиевых был своего рода культурным центром Балкарии и Карачая, здесь часто собирались не только получившие хорошее по тем временам образование балкарцы и карачаевцы, но и известные всей России деятели науки и культуры, художники и композиторы – М. М. Ковалевский, В. Ф. Миллер, П. П. Иванюков, М. А. Балакирев, П. И. Чайковский, С. П. Танеев и многие другие. В специально для гостей построенном доме Урусбиевых жители села встречались с приезжими людьми, рассказывали им старинные народные героические сказания и песни, объясняли, какие есть у балкарцев и карачаевцев обычаи.

Кроме того, в доме Исмаила Урусбиева имела хорошая библиотека из книг на русском и арабском языках. Здесь постоянно велись разговоры о русской и западной культуре, литературе и живописи. Нетрудно себе представить, что, живя в такой среде, воспитываясь у такого замечательного человека, каким был Исмаил Урусбиев, Ислам уже к 10–12 годам был довольно начитанным, грамотным мальчишкой.

Неудивительно поэтому, что он в 13 лет поступил в Ставропольскую гимназию. В ту самую знаменитую Ставропольскую гимназию, где директором был великий педагог Януарий Михайлович Неверов. Именно в этой гимназии учились почти все выдающиеся просветители горских народов Северного Кавказа. Ислам, еще до поступления в гимназию получивший хорошее образование в доме своего дяди, учился в гимназии легко и с удовольствием. Судя по всему, именно в гимназические годы он особо увлекся, помимо рисования, которым он занимался с детских лет, и литературой.

В юношеские годы он любил басни Крылова, а уже в зрелые годы его кумиром был Лев Толстой.

После окончания гимназии шестнадцатилетний Ислам едет в Петербург и начинает, как и многие сыновья биев, получившие образование, службу в конвое императора. Целых четыре года прослужил в Кавказско-горском полуэскадроне конвоя императора Ислам Крымшамхалов, и эти годы были для него не столько годами службы, сколько годами вхождения в удивительно прекрасный, завораживающий, ослепительный и многообразный мир света знаний и культуры.

В Петербурге Ислам, несомненно, часто бывал у всех тех знаменитых людей из столицы, которые гостили в Урусбиево, был на балах и вечерах, часто посещал театры. И каждый день постоянно впитывал в себя знания по литературе, музыке, живописи, истории и культуре вообще. И чем больше он знал, тем сильнее одолевали его мысли о незавидной доле своего бедного, загнанного судьбой в горные ущелья народа. Что можно сделать, чтобы облегчить нелегкую жизнь соплеменников, как внушить им мысль о совершенной необходимости учиться грамоте по-русски, овладевать знаниями, а потом начинать применять эти знания в практической жизни?

В Петербурге в то время учились в разных учебных заведениях много горцев, немало их было и в Кавказско-горском полуэскадроне императорского конвоя. Многие из них входили в кавказское землячество. Со многими из них Ислам был знаком еще до приезда в столицу. Здесь, при долгих откровенных беседах о жизни и судьбе своих народов, юноши-горцы еще больше узнавали друг друга. Так, именно в Петербурге окрепла дружба Ислама Крымшамхалова и Коста Хетагурова. Коста учился тогда в Академии художеств. В 1884 году Ислам выходит в отставку в звании прапорщика и возвращается в свое родное селение Карт-Джурт.

Через год, решив окончательно посвятить себя живописи, выходит в отставку и поселяется в Кисловодске и генерал Николай Александрович Ярошенко, один из руководителей кружка художников-передвижников, который сыграл важную роль в жизни Ислама Крымшамхалова как его друг и учитель. Учитель, пожалуй, в главном деле в жизни Ислама – в живописи.

Дом художника Ярошенко в Кисловодске в последние годы XIX века быстро стал настоящим культурным центром чуть ли не всего Северного Кавказа, так как все великие деятели культуры, желающие увидеть Кавказ, узнать больше о горцах, их нравах и обычаях, непременно останавливались в Кисловодске у Ярошенко. И каждый раз, когда приезжали новые гости, у Николая Александровича собирались почти все известные люди Карачая и Балкарии – Урусбиевы, Абаевы, Крымшамхаловы, а также местные интеллигенты. И это были настоящие праздники общения людей с богатыми душевными качествами, знатоков и ценителей музыки, живописи, литературы. Исмаил Урусбиев, как свидетельствуют современники, приезжал на такие встречи с певцами, с инструментами на несколько дней. И, конечно же, Ислам Крымшамхалов по возможности не пропускал ни одной такой встречи. А в доме Николая Александровича бывали люди, составлявшие в конце XIX века цвет российской науки и культуры: композиторы Сергей Рахманинов и Сергей Танеев, художники Илья Репин и Александр Куинджи, ученые Дмитрий Менделеев и Иван Павлов, деятели культуры Федор

Шаляпин и Леонид Собинов. Кроме того по каким-либо событиям или по чьим-либо именинам собиралась и местная интеллигенция – полковник в отставке, большой знаток и любитель культуры Иван Аглинцев, уже известный в то время осетинский поэт и художник Коста Хетагуров, инженер и широко образованный человек Анатолий Кондратьев, соплеменники Ислама, а также работавший в Баталпашинском отделе Кубанской области с 1892 года Мисост Абаев, старший товарищ и друг Ислама.

Что и говорить о том, что такие встречи и долгие, горячие откровенные беседы обо всем: о жизни и капризах судьбы человека и народа, о тайнах мироздания и живой природы, о таинственном и завораживающем свете древних культур и цивилизаций, доходящем до нас из глубины веков, о колдовской и зачаровывающей силе музыки и искусства вообще – и стали настоящим университетом для горячего и пылкого юноши, каким и был все время Ислам даже уже в зрелые годы. Кроме того, он, разумеется, очень много читал, рисовал, музицировал и занимался литературным делом, публицистикой и общественной деятельностью.

Но так как он известен и дорог нам не только как прекрасной души человек, всю свою жизнь стремившийся хоть как-то, чем-то облегчить, улучшить жизнь своего народа, – таким, к слову сказать, был в то время не он один – а прежде всего как первый образованный профессиональный художник, то следует, наверное, рассказать о его успехах именно в живописи. Но, к сожалению, рассказ этот будет не очень-то радостным, так как разрушители «старого мира» поистине все снесли «до основания», и от многочисленных живописных работ и рисунков Ислама Крымшамхалова – кровного врага советской власти как человек княжеского происхождения, да еще к тому же принадлежащего к «народу-бандиту», кроме двух-трех полотен, чудом сохранившихся в Кисловодске, и рисунков в книге профессора географии И. В. Мушкетова ничего не сохранилось. И вообще из его наследия сохранилось лишь то, что было опубликовано до революции. Итак, сохранились полотна «Мать и малыш», «Мальчик-карачаевец», «Портрет молодой женщины», рисунок «Ярошенко на этюдах». То, что рисунки в книге Мушкетова выполнены Исламом Крымшамхаловым, подтверждаются следующей записью самого Мушкетова: «Заведует общественными карачаевскими лесами поручик Ислам Крымшамхалов, художник и отличный знаток Карачая; он полезен мне был в организации каравана и подборе проводников, а также своими прекрасными рисунками».

А из литературного наследия сохранилась басня «Волк и кот», так как она была напечатана в книге А. Биджиева «Билим». Благодаря опять же тому, что были напечатаны до революции, сохранились несколько стихов, статей и заметок в газетах и журналах.

Но даже и то малое, что сохранилось, говорит о том, что Ислам был не только горячим сторонником просвещения горцев, но и достойным сыном гор и своего мудрого народа. Полемизируя с некоторыми авторами журнала «Мусульманин», который издавался в Париже, утверждавшими, что горские народы Кавказа намного отстали от развития мировой цивилизации, он писал: «Прежде всего, не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастья заключаются в том,

что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот); и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам в виде собственных особ. Одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое».

В другой статье, опять же решительно отвергая суждения тех, которые привыкли рядом со словом «горец» непременно употреблять слова «дикий», «темный», он пишет: «Но скажу с твердой убежденностью, что в душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, – которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязано ему заветами его предков, – несомненно одно: облик этот вошел в его натуру, или вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения...»

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много бывшего, хорошего у нас, а потому высшее признание наших образованных собратьев должно заключаться прежде всего в понимании бывшего хорошего у нас, в оценке и любви их к нему. Нужно сделаться научно просвещенным человеком, но безусловно и обязательно оставаться горцем и по воспитанию, и по душевному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей».

С тех пор как были написаны эти строки прошло сто лет, и мы, как и Ислам Крымшамхалов в начале XX века, в начале XXI века опять можем почти слово в слово повторить, что было сказано им тогда. И мы, горцы, вступая в XXI век говорим: «Нас абсолютно не устраивает та европейская культура, которая по-хамски врывается в наши дома через телевидение, когда высшим достижением морально-этического воспитания молодежи считается наличие у девушки предохраняющих от беременности средств; когда пьяные оргии преподносятся как повседневная жизнь нормальных людей, и хороший мат – обязательный атрибут делового, решительного человека; когда модны люди, сидящие за столом, курящие и пьющие кофе и считающиеся у авторов положительными героями, даже и не поднимаются, когда входят к ним их отцы и матери, деды и бабушки; когда на экранах крупным планом показывают то, что даже животные стараются делать в укромных местах.

И даже сегодня, мы, горцы, не можем принять эту культуру, которая умиляется при виде парочки молодых людей, страстно обнимающихся и целующихся прямо на бульваре или на набережной, где приятным летним вечером гуляет народ, как будто кругом пустыня, а не вечерний город, и все эти люди все и не люди, а кактусы, перед которыми все и не стыдно.

Мы, горцы, понимаем и приемлем лишь ту культуру, которая должна соответствовать природе человека, а не животного. Раз человек является высшим достижением природы, то таковым он должен быть во всем, а не только в потребительском (в пользу человека биологического) смысле. И в том числе, разумеется, в морально-физическом плане. Человек – частица природы, он принадлежит к классу млекопитающих животных. И у него есть многое от его сущности – от животного мира. И, между прочим, живой животный мир – это верхний потолок развития всей вселенной, пока что, коль судить по нашим знаниям. Следовательно, нам, людям, не следует за-

бывать об этом. Но коли мы, люди, все-таки заявили о том, что мы поднялись над животным миром еще на одну ступеньку, то нам следует изо всех сил укреплять в нас все человеческое, всячески при этом стараясь избавиться от тех качеств животных, что у нас в крови, но которые нам, как людям, чужды. И тысячелетиями человек ведет эту борьбу с самим собой, возвышая свою новую – человеческую сущность, все увереннее побеждая в себе животное начало. А та часть европейской культуры, о которой говорил Ислам Крымшамхалов в начале XX века и мы сегодня, – она тянет нас обратно в животный мир или же во времена становления человека – в пещерные времена, когда у людей еще только-только зарождались такие высшие чувства, как совесть, стыдливость, уважительное отношение к старшим, к отцам и матерям, к своим предкам.

Если сказать более коротко и ясно, то голый прагматизм, который в западном мире, видно по всему, начинает править бал, для нас, горцев, неприемлем. Мы не хотим возврата назад – в пещерный мир, когда человек из-за куска мяса мог убить своего брата или отца. А потому считаем, что основой человека должна быть человеческая сущность – то есть ум, честь, совесть, долг перед старшими, перед людьми и т. д. Лишь так, оставаясь человеком, усиливая в себе все человеческое, следует решать все остальное, в том числе и задачу еще миллионы лет назад стоявшую и перед нашими предками – как накормить и одеть детей и внуков, отца и мать.

Хоть и другими словами, но это самое и говорил Ислам Крымшамхалов сто лет назад. И еще – он очень верил, был абсолютно убежден, что человеческая сущность горцев – его соплеменников, слава богу, пока что крепка, даже гораздо крепче, чем у хвастающейся своей цивилизованностью Европы. И он, видимо, был прав. Европейцы, ошеломленные шумом и грохотом римских легионов и театров, столетиями ведя борьбу с этими легионами, завидуя сытой и богатой жизни патрициев, утеряли в долгой и тяжелой суете веков многое, что было у их предков. И у них в психологии возобладал римский прагматизм. А горцы Кавказа, карачаевцы и балкарцы в особенности, предки которых 5 тысяч лет были доминирующим этносом в евразийской степи и на Северном Кавказе, сумели сохранить и приумножить морально-этический клад своих предков, накопленный в эти долгие тысячелетия. Мы, горцы, из века в век старались укреплять в себе человеческое, избавляясь от ненужного животного. И не хотим сегодня, чтобы под шум и грохот телевизионной, во многом чуждой нам культуры, потерять все, что имели в своих моральных кладовых. Но, к сожалению, мы уже не в силах с этим бороться. Долго ли еще простоит наша горская моральная крепость – неизвестно. Штурмующие ее враждебные силы никак не уменьшаются, а защитников становится все меньше. Рим, видно, победит. И Карфаген, увы, будет разрушен.

И смерть Ислама Крымшамхалова была для нас, защитников нашего Карфагена – нашей чести, нашей морали, всей нашей сути, тяжелой, как гибель Ганнибала, невозполнимой. Потому и не мог в день похорон Ислама сдержать свои слезы его старший товарищ и друг Мисост Абаев. Он знал, кого тогда хоронили Карачай и Балкария.

Ислам Крымшамхалов умер от туберкулеза в 46 лет в Ялте, в 1910 году, похоронен у себя в Карт-Джурте.

Он ушел из этой жизни, но навсегда остался со своим народом.

Тамара БИТТИРОВА

Басият Шаханов – взгляд из прошлого

(к 130-летию Басията Шаханова)

Что самое главное в жизни этноса? На чем базируется единство народа? Что значит личность в истории народа, такого немногочисленного, как балкарский? На эти важные вопросы постарался ответить на переломе эпох славный сын балкарского народа и талантливый общественный деятель Басият Абаевич Шаханов, значение творчества которого выходит за пределы пространства и времени его проживания.

Одаренный от природы большим литературным талантом, получив блестящее образование в лучших учебных заведениях России, Б. Шаханов, защищал интересы горцев и как публицист, и как юрист, которому были доверены громкие судебные процессы на Кавказе в начале XX века.

Басият Шаханов прожил всего 40 лет и половину из отпущенного ему судьбой срока он активно участвовал в общественной жизни Северного Кавказа, заявив о себе как о талантливом журналисте уже в 20 лет.

Басият родился 15 января 1879 г. во Владикавказе, где в то время нес службу его отец – военный врач Абай Шаулухович. Он учился в лучших учебных заведениях дореволюционной России – окончил Александровский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище, Военно-юридическую академию. Около шести лет прослужил офицером 21-й артиллерийской бригады в ст. Воздвиженская Грозненского округа. С 1910 по 1917 гг. работал присяжным поверенным Владикавказского окружного суда, одновременно исполняя обязанности юрисконсульта Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В его обязанности входило как юридическое обеспечение различных сделок между жителями Кабарды, Балкарии, так и представление их интересов в областных и столичных учреждениях. Большую работу в качестве юрисконсульта Б. А. Шаханов проводил при проектировании и учреждении первых курортных заведений, устройстве общественного лесничества. Необходимо отметить также его заслуги в деле преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище.

Самым значительным фактом политической биографии Б. Шаханова можно считать его роль в консолидации демократических сил Северного Кавказа и Дагестана на посту председателя исторического Первого съезда горцев Кавказа в мае 1917 г. В тяжелейших условиях революционных потрясений он отстаивал идею объединения всех народов Кавказа с новой Россией на федеративных началах «при самом широком самоопределении народов».

Значительное большинство работ Б. Шаханова написано в довольно короткий отрезок времени – 1899–1901 гг. За неполных три года Б. Шахановым опубликовано три цикла художественных очерков – «Этюды из туземной жизни», «Терские письма», «Терские дела», четыре статьи, большое количество корреспонденции и заметок. Он – автор очерка «Возражения Абрамовской комиссии», в котором отстаивал права балкарского народа на этническую территорию.¹

Первая значительная публикация Б. Шаханова – «По поводу одного удивительного проекта», была написана им накануне своего двадцатилетия и напечатана в газете «Казбек» 8 января 1899 г. Поводом для ее написания послужили статьи Карцова в «С.-Петербургских ведомостях» о причинах разбоев на Кавказе, где автор для искоренения абречества предлагал выселить горцев Кавказа в Среднюю Азию. Б. Шаханов, с негодованием отвергая «проект» Карцова, защищает права горских народов на этническую территорию.²

Защита прав горцев стала главным делом его жизни. С особой наглядностью это видно из статей, посвященных проблемам разбойничества и абречества на Кавказе. Проблемы, порождаемые аграрной политикой царизма, были в центре внимания передовых общественных деятелей Северного Кавказа. Не было среди них публициста, который в той или иной мере не коснулся бы этих вопросов в своих выступлениях в печати. Башир Далгат, Мисост Абаев, Талиб Кашежев, Сайд Габиев, Георгий Цаголов, Коста Хетагуров, Ислам Хубиев, Чах Ахриев и другие написали яркие публицистические статьи, в которых отразили всю тяжесть экономического положения горцев, предлагали свои проекты поднятия их жизненного уровня. При этом они придавали исключительно большое значение просвещению горцев, приобщению их к передовой европейской культуре. Они видели путь к благосостоянию своих народов через просвещение. Северокавказские просветители старались привить своему народу, занятому крестьянским трудом, также передовую агрокультуру. Они писали о многовековой истории сложившегося хозяйственного уклада горцев и о разрушении его кавказской войной, о традиционных формах ведения хозяйства и необходимости их сохранения и усовершенствования, о нехватке земли в Нагорной полосе и порождаемых этими обстоятельствами драматических событиях...

Царское правительство с переселением безземельных и малоземельных крестьян Центральной России на окраины страны преследовало одновременно две цели: разрядить революционную обстановку Центра и ослабить революционное движение на Кавказе, противопоставив интересы переселенцев и коренных жителей. Об этом Б. Шаханов напомнил в своей речи на объединенном собрании казаков и горцев уже после свержения самодержавия: «Старое правительство, раздавив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пушена в ход система недоверия».³

Творчество Б. Шаханова было глубоко интернациональным. Он был интернационалистом по складу души. Рассказывая о нуждах родного народа, он не упускает случая напомнить, что такие же общественные неурядицы переживают и адыги, и осетины, и чеченцы, и народы Дагестана и Кубани. Идеи дружбы и братства легли в основу «Этюдov из туземной жизни». Эта большая работа освещала различные стороны жизни горских народов. Наряду с социальными проблемами в них автор ставит вопросы, касающиеся духовной жизни горцев, их культурного наследия. Здесь Б. Шаханов писал о недопустимости искажения канонического текста при переиздании работы Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», о школьном вопросе в Гизели и т. д. В одном из «этюдov» Б. Шаханов рассматривает «Алгузиани» как поэму, «значение и ценность которой не только для осетин, но и для туземцев всего Северного Кавказа вообще не подлежит сомнению». Профессор Б. А. Альборов, хорошо знавший Б. Шаханова и его творчество, писал в своих воспоминаниях: «...ему близки были интересы всех горских народов, без различия национальностей. В своих статьях он призывал к собиранию памятников устного народнопоэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении из Нузальского склепа-молельни драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» священником Русишвили и соскоблении надписи о 9 братьях осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым».⁴

В «Этюдах из туземной жизни» публицист раскрывает психологию горца, отличительными чертами которого является мудрость, суровость, простота, чувство юмора. С большим человеческим участием и теплом выписаны образы простых людей – пастухов и земледельцев. Защищая интересы горцев, автор в то же время не упускает возможности напомнить, что старые, основанные на феодальном характере отношения тормозят общественное развитие, что время требует новых, более совершенных экономических и политических отношений. В «Этюдах из туземной жизни» и позже – «Герских делах» Б. Шаханов создает собирательный образ горца Кучука. Кучук – персонаж необычный. Это – «богатый и влиятельный горец» (3 этюд), желающий угодить своим важным гостям из города. Это и мальчик Кучук, «порванная черкеска, дырявая папаха, отсутствие пояса – все обнаруживало в нем бедняка», – вполне законченный портрет, нарисованный Б. Шахановым в нескольких словах. В манере письма Б. Шаханова, прежде всего, привлекает способность передавать драматические жизненные коллизии ненавязчиво и непринужденно, как бы от лица униженного и «маленького» человека. Унижение несовместимо со сложившимся в классической литературе о Кавказе независимым и гордым обликом горца. Это парадоксальное обстоятельство не раз используется публицистом в статьях. Он выявляет социальные условия, вынуждающие горца расставаться со своей сутью, терять свое достоинство, быть подозрительным и нерешительным, жестоким и мстительным.

Публицист возлагал большие надежды на просветительскую де-

тельность национальной интеллигенции. Почти в каждой своей статье он призывает ее к активности, горюет, видя ее равнодушие, делится с ней своей болью и мечтами и даже негодует: «Связь с ней (родной средой – Т. Б.) сохранилась лишь в их послужных списках, а все остальное давно оставлено и предано забвению». В «Терских делах» Б. Шаханов ставит вопрос об открытии начальных школ для обучения малолетних горцев. Он считает, что горские школы как таковые выполнили свои функции, и для дальнейшего развития дела просвещения Б. Шаханов предлагает преобразовать 3 горские школы Терской области в учительские семинарии и открыть затем начальные школы, которые охватили бы больше детей, и таким образом «подвинуть дело народного образования». Здесь же просветитель обосновывает необходимость подготовки аульных учителей из «единоплеменников», т. к. «всякий учитель не единоплеменник будет иностранцем для своей школы и пройдет, по крайней мере, год, прежде чем они начнут понимать друг друга».

Б. Шаханов прослеживает путь горцев, окончивших горские школы: «Школу кончают в 14–16 лет. Что же дальше? А дальше приходится остаться при том, что имеешь. В гимназию и реальное училище не попадешь: для первого и второго класса велик, в 4–5 не выдержишь. Один выход: вернуться в аул и постараться позабыть все, чему выучился». Но есть выход «еще худший, – пишет Б. Шаханов, – постараться устроиться вдали от скучной, стеснительной аульной обстановки, в городке или местечке переводчиком, милиционером, а в общем – тунеядцем, измышляющим предлоги сорвать что-нибудь с «дикаря». Б. Шаханов создает реалистический портрет горца, оторванного от родной стихии и не нашедшего себе места в местных «очагах цивилизации»: «...сами они вечно около курсовых, часто их можно видеть в клубе, еще чаще – верхом, сопровождающими кавалькады и готовыми каждую секунду «джигитнуть», вызывая восхищение российских барышень. Через год, много два, из их голов испарится и тот сумбур отрывков, которым снабдила их горская школа. Познания их... высококомичны, а посмотрели бы вы, какой тон берется ими в ауле, среди серых замызганных черкесок, с грустью и глухою надеждою взирающих на просвещенных гостей!».

В «Терских письмах» со всей полнотой выражены демократические взгляды автора на «туземный вопрос». В них особенно четко нашли отражение общественно-политические взгляды публициста на проблему абречества на Кавказе. Используя большой фактический материал и статистические методы анализа, Б. Шаханов, продолжая свою мысль, что «разбой – явление интернациональное», идет дальше – «никакие репрессии не действительны там, где, прежде всего, требуется кусок хлеба». Для урегулирования общественной нестабильности автор предлагает свои меры, диаметрально противоположные проектам Карцова и К°. Во-первых, он считает, что «необходимо позаботиться об устройстве туземца, о наделении его землей настолько, чтобы он не голодал и, движимый этим голодом, не выходил на разбой и грабеж». Во-вторых,

«нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительские учреждения... И отойдут тогда в область далеких преданий все эти грабежи и разбои – продукт тяжелого экономического положения...» Здесь же Б. Шаханов разоблачает антинародный характер действий царской администрации: «Туда, где требуются самые обычные меры подъема благосостояния, к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевшим колом в голове – предрассудком, приходят с репрессиями...».⁵

Публицистика Б. Шаханова поднимается до уровня передовых идей своего времени, отличается глубоким анализом проблем северокавказской действительности начала века. Его статьи и очерки охватили тематически многие задачи «культурной работы», стоящие перед горцами Северного Кавказа. Это и вопросы просвещения и развития культуры горцев, объективного освещения жизни горцев в печати, сословно-поземельные проблемы и, самое главное – социального неравенства различных слоев общества. Б. Шаханов по своему происхождению принадлежал к аристократической верхушке Балкарии, однако, защищая интересы простых людей, он не устал повторять: «Да не знаем мы иной аристократии, кроме аристократии ума, таланта и личных заслуг!»

Проблемы, поднятые творчеством Б. Шаханова, были весьма актуальны для начала XX в., но такова закономерная сила таланта, что боль и отчаяние, тяжкие сомнения и светлые надежды, выраженные в его художественной публицистике, не могут оставить равнодушным и сегодняшнего читателя.

Литература и примечания

1. Абрамовская комиссия – краткое название «Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения Нагорной полосы Терской области» (в состав Нагорной полосы входили Осетия, Чечено-Ингушетия, Балкария, часть Дагестана и Карачай), образованной в 1906 году под председательством юриста-консультанта при военно-окружном совете Абрамова.

2. Неизв. // Казбек, 1899. № 577.

3. Шаханов-Джанхотов. Терские письма. // Приазовский край. № 324.

4. Из личного архива Т. Б. Шаханова.

5. Этюды о Балкарии. Нальчик, 2008.

**АКСИРОВ
ЗАЛИМХАН АЛИЕВИЧ**

Родился 16 мая 1919 г. в сел. Жанхотово (ныне Псыгансу) Урванского р-на КБР, умер 19.06. 1995 г. в Нальчике, – кабардинский драматург. После окончания сельской семилетней школы приехал в Нальчик для продолжения образования. Поступил в медицинский техникум; проучившись год, оставил его и поступил в педагогическое училище, где проучился тоже один год. Когда в Нальчике была открыта областная студия национального искусства по подготовке кадров для Кабардинского колхозно-совхозного театра (1933), Ахсиров был включен в состав студийцев, а после возвращения первого выпуска Кабардинской студии ГИТИСа им. А. В. Луначарского и создания КБГДТ (1940), работал там до 1947 г. Затем был литературным работником редакции республиканской газеты «Къэбэрдей пэж» (Кабардинская правда) (1947–1948), корреспондентом, литработником, редактором литературного вещания КБ радиокomiteта (1949–1960), режиссером КБ телевидения и радио (1961–1967). З. Ахсиров – член Союза писателей СССР (1947), заслуженный деятель искусств КБАССР (1967). Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За трудовую доблесть».

Литературно-творческой деятельностью начал заниматься с 1940 г. Самобытный дар Ахсирова раскрылся в драматургии. Своей первой пьесой «Дахэнагъуэ» (Даханаго), которую он представил в качестве конкурсной работы на вступительных экзаменах в Литературный институт им. А. М. Горького (1950), он заявил о себе как талантливый драматург, великолепно владеющий законами этого сложного жанра.

«Даханаго» – драматическая поэма в 4 актах и 8 картинах – первая опубликованная пьеса Ахсирова (1942). В ней, по верному определению Х. И. Теунова, «фантастике древней легенды Ахсиров придает реальные черты, сказывающиеся в первую очередь в социальной трактовке сюжета и в приближении ее гуманистической освободительной идеи к нашей современной борьбе за переустройство человеческого общества» (Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. М., 1958. С. 139).

Пьеса была переведена на русский язык Я. Апушкиным (подстр. пер. лауреата госпремии СССР Тембота Керашева), дважды издана в Москве. В своем предисловии к изданию 1957 г. известный литературный критик и писатель Ю. Н. Либединский дал высокую оценку пьесе, отметив, что «драматическая поэма З. Ахсирова интересна тем, что в ней седая древность как бы подает руку сегодняшнему дню. Нужно было обладать подлинным дарованием художника, чтобы древнейшую легенду народного эпоса, миф, сохранившийся с самых юных времен человечества,

переложить на драматический сюжет и выразить легким и гибким стихом, точно на крыльях несущим эту красивую сказку» (Советская кабардинская драматургия. М., 1957. С. 4). Хотя образы в пьесе и остаются сказочными, Аксиров дополняет сюжет сказания реальными элементами. Образ Джаримеса наполнен конкретным содержанием, которое превращает его в национального героя. Джаримес – простой смертный, обыкновенный пастух, но твердая вера придает ему богатырскую силу, и он побеждает чудовищ, стерегущих заоблачный дворец сказочно-легендарной, мифической Даханаго.

Примечательно, что «Даханаго» – произведение, призывающее к мужеству и борьбе за народное счастье, было написано в 1942 г. в разгар фашистской агрессии и оккупации Кабардино-Балкарии немецкими захватчиками. Древняя легенда зазвучала призывным набатом, воодушевляя людей на борьбу за независимость. Премьера спектакля «Даханаго» состоялась зимой 1944 г. Первыми исполнителями были артисты Маржан Шинахова (Даханаго), Мухамед Шхагапсоев (Джаримес), Буха Сибекова (Казибан), Куна Дышекова (Диса) и др. В дни показа литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Москве (1957) все представления начинались с «Даханаго». Всероссийское театральное общество рекомендовало пьесу для постановки в детских театрах страны. Ее ставили в Англии, Болгарии, Румынии. По этой пьесе в 1965 г. композитором В. Л. Моловым написана опера «Даханаго». Тогда же был исполнен первый акт этой оперы студентами Саратовской консерватории им. Л. Собинова. Годом позже его исполняли мастера искусств республики на пленуме правления Союза композиторов СССР, проходившем в Нальчике (1966). Полная постановка оперы «Даханаго» осуществлена в 1991 г. Автор монографии «Театральное искусство Кабардино-Балкарии» А. Т. Шортанов в юбилейной статье «Постоянное увлечение», посвященной 50-летию со дня рождения Аксирова, писал: «Только талантливый человек мог создать «Даханаго», которая вот уже в 1000 раз идет на сцене нашего театра. Редкие пьесы удостоиваются такого сценического долголетия. В практике же нашего театра – это единственный случай. У Залимхана Аксирова около двух десятков пьес и поэм, но самым значительным и совершенным из всего «аксировского репертуара» является его «Даханаго» – изумительная драматическая поэма... В «Даханаго» – весь Аксиров» (КБП, 1969. 15 мая).

Аксировым написаны 20 пьес, их которых 14 были поставлены на сценах КБГДТ им. А. А. Шогенцукова и национальных театров Северного Кавказа. Наиболее известные: «Дыгъэр къышыкъуэжым» (На восходе солнца. 1945), «Лашын» (Лашин. 1946), «Къызбурун» (Кызбурун. 1955), «ИстамбылакIуэ» (Дорогой обреченных. 1963), «Iэдиху» (Адиюх. 1969), «Андемыркъан» (Андемиркан. 1973), «Гуащэм и чэщанэ» (Башня Адиюх. 1979) и др. Аксиров – автор более 30 одноактных пьес, которые включены в репертуары самодеятельных драматических кружков и театров республики.

Беспорным достоинством и отличительной особенностью его пьес является их подлинно национальный характер. Благодаря глубокому знанию изображаемой эпохи, умению воссоздать исторический и бытовой

фон, верно передать эмоциональную тональность и патетику духа, великолепно владению языковым материалом, образы, некогда созданные народом, зримо оживают в его пьесах. Характерная черта Аксирова-драматурга – самобытный талант творческого осмысления и художественного воссоздания в образах героев судьбы своего народа – от светлых идеалов «Даханаго» до мрачных трагических картин «ИстамбылакIуэ».

Аксиров автор не только пьес, но и рассказов, публицистических статей и очерков. Этой стороне литературной деятельности в большой мере содействовала его многолетняя работа на телевидении, в радиокомитете и республиканской газете «Къэбэрдей пэж», литсотрудником газеты «Ленин нур» (печатный орган Карачаево-Черкесии).

Еще одной областью интересов Аксирова стало устное народное творчество адыгов. Известность приобрели «Кабардинские сказки» (1947), собранные им во время фольклорных экспедиций и обработанные в соавторстве с Темботом Керашевым.

3. Аксиров внес свой вклад в развитие национального музыкального искусства. В творческом сотрудничестве с композитором Х. Я. Кардановым создана музыкальная комедия в 3-х действиях: «Мадинэрэ Маринэрэ ныжэбэ яшэ» (Мадина и Марина выходят замуж, или Две свадьбы). Большой популярностью пользуются песни на слова Аксирова – «Бдзэжь-еящэм и уэрэд» (Песня рыболова), «Колхоз бэвыгъуэ уэрэд» (Колхозная урожайная).

Начав свой творческий путь актером, Аксиров закончил его признанным драматургом, произведения которого стали национальной классикой и вошли в золотой фонд культуры кабардинского народа. Его имя по праву стоит в ряду талантливых драматургов-первопроходцев, сыгравших неценимую роль в процессе становления и развития профессионального театрального искусства, заложивших прочный фундамент адыгской драматургии.*

* При подготовке материалов по Памятным датам были использованы статьи из книги «Биобиблиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии» // Института Гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2003.

Кто ты, на которую я похожа?

Рассказ

Еще зима. Но как только солнце чуть-чуть пригреет, сразу веет весной.

В горах снег еще держится, поэтому Чегем сейчас больше речка, чем река. Тихонечко, журча как ручеек, протекает Чегем между городом и селом, названными в его честь.

Наша Таня * живет на одной из улиц селения Чегем. Пусть не в хоробах, очень даже скромном доме, но родной кров спасает и греет душу. Здесь живут те, ради кого она существует на этом свете: два мальчика и муж. Здесь она счастлива. Здесь ее крепость. Но страх одиночества все еще живет в ее сердце. Таня ненавидит одиночество. А у ненависти всегда есть причина.

Есть такая народная поговорка: «Не узнав начала, не поймешь конца». Все началось с того, что Таню оставили в роддоме. Родила ее мамаша да и сбегала, отказавшись от ребенка.

Но так было суждено, что здорового и крепкого младенца взяли приемные родители. Подняв на руки это маленькое существо, которому было от рождения всего шесть дней, женщина, решившая удочерить ее, никогда уже с ней не разлучалась. До самой смерти. Говорят – не та мать, что родила, а та, что воспитала. Она и стала ей матерью, настоящей матерью.

Таня росла как все дети. Так же лезли зубки, температурила, то ветрянка, то коклюш, то корь – в общем, как все детишки, не давала матери спать по ночам, отнимала уйму времени и сил. Но она не была в тягость. Ее не жалели, ее любили как родную дочь.

Шло время, Таня подрастала, уже ходила в школу. Она с удовольствием топала за ручку с мамой до школы, выслушивая с гордостью, как соседки по дороге говорили: «Вылитая мама». Только Танька своим несмышленным умишком еще не понимала, почему мама этого как бы не слышала, ускоряла шаг и даже не оглядывалась.

Гром грянул среди ясного неба. В шестом классе Таня поссорилась с подругой, а она возьми и скажи: «Брошенка, твоя мать тебе не родная. Я знаю, тебя в роддоме взяли». В свои двенадцать лет Таня понимала уже многое. Она не была совсем ребенком, чтобы до конца не понять смысл этих страшных слов, но не была и достаточно взрослой, чтобы выдержать такой груз.

Мать не захотела ничего объяснять. Сказала, что она и есть настоящая мама, мама, которая любит ее так, как никто больше на свете не сможет полюбить.

Как же ненавидела Таня эту девочку, что разбила память о счастливом детстве! Куклы, игрушки, платьица, туфельки – все, чем баловали ее родители, которые вдруг оказались не ее родителями, – куда-то пропали, словно это было не с ней. В душе зародилась страшная мысль – она чужая.

* Имя героини истории изменено.

Шли годы, и тяжелая дума ее не покидала. Правда, было время, когда она забыла о ней. Мать заболела, слегла, и уже дня не могла прожить без дочкиной помощи. У Тани поменялся характер. Она повзрослела. И огород, и дела по дому – все на Тане. А ей-то всего пятнадцать лет. Самостоятельность свою рано почувствовала, что пригодилось ей в жизни. В жизни без матери. Смерть матери в любом возрасте тяжела, но в эти годы боль утраты чувствуется вдвойне. И что теперь особенно утяжеляло это горе, то, что родственники и не пытались больше скрывать, что Таня приемная дочь.

Если бы они знали, как тогда она не хотела слышать этих слов. Пусть не биологическая, но мать, самая родная, самая любимая, оставила ее в этой жизни одну, но доказала своей смертью, что Таня никогда не была чужой. Это теперь она стала сиротой. Теперь по-настоящему почувствовала одиночество. Но ей нельзя было опускать руки, ведь у нее на руках был еще отец. Учеба, огород, дом, вечно пьяный, притом еще и больной отец. Тане было очень трудно. Иногда ей казалось, что она больше не выдержит, сломается. Душа разрывалась, на сердце камнем лежала тяжесть горькой думы. Как же она была одинока! Чувство долга и благодарности, что когда-то он называл ее дочкой и хоть какое-то время она жила в семье, где были и мать, и отец, заставляло ее ухаживать за беспомощным стариком. Свет не без добрых людей. Конечно же, ей помогали, и Таня принимала помощь любого с благодарностью. После смерти отца она решила: «Все. Родителей не выбирают. У меня была мама, замечательная, любящая, нежная. У меня был пусть не самый примерный, но отец, называвший меня дочерью. И я, как принято у нашего народа, буду чтить их память, поминать их при возможности, и вспоминая как самых родных людей».

Стоит ли рассказывать о том, как трудно было ей выбиться в люди. Она и сейчас вспоминает добрым словом тех, кто помогал оформлять документы на удостоверение ее личности (до окончания школы у нее не было даже свидетельства о рождении), поступить и окончить КБГУ, устроиться на работу в сельскую школу.

Но самым большим событием было то, что она вышла замуж. В Таниной жизни появился человек, который ждал ее возвращения с работы. Ее дом уже не был пуст.

Через некоторое время в семье появился третий человек, а через полтора года заявил свои права на членство в семье еще один малыш. Сбылась Танина мечта – у нее есть семья. Но одно омрачает это счастье – Таню до сих пор не покидает дума о той, что ее бросила.

«Я не знаю, кто ты, но говорят, что ты живешь недалеко от меня. Уверена, что соседи знают, кто ты, но скрывают от меня правду. Зачем ты меня бросила? Что тебя заставило пойти на такой шаг, на какой не способны даже животные? Они защищают своих детенышей и вскармливают своим молоком, пока те не научатся выживать в этом жестоком мире. А ты? Может, у тебя есть семья, где тебя называют мамой? Может, ты одинока, как когда-то была и я? Помнишь ли ты, что когда-то давно выбросила меня из своей жизни, меня, человека, нуждающегося в тебе?»

Нет, Таня не ходит по инстанциям и архивам, не ищет женщину, бросившую ее. Только почему-то она все еще надеется, что соседи все-таки скажут – вот она, и Таня сможет посмотреть в ее глаза. Сможет ли она ее простить? Этого пока еще не знает. Но почему-то везде, в автобусе, магазине, в толпе, в каждой женщине Таня сердцем ищет похожую на себя.

От редакции

На адрес редакции приходят письма наших читателей с просьбой рассказать о личности, о творчестве, о новых произведениях поэтов и писателей Кабардино-Балкарии. В постоянных рубриках журнала мы представляем не только авторов – и уже известных, и начинающих, – но также знакомим наших читателей с людьми, работающими в различных областях искусства, культуры, науки, производства, чья деятельность по достоинству заслуживает признания самой широкой аудитории.

В последнее время обозначился стойкий интерес к одному из таких людей – писателю Асланбеку Псигусову, вошедшему в литературу относительно недавно, но успевшему за короткий срок опубликовать значительное по объему и тематике количество произведений, что убедительно свидетельствуют солидные, красочно оформленные тома на полках книжных магазинов республики.

Краткие сведения об А. Х. Псигусове на страницах этого номера предвеляют высказывания некоторых литературоведов, писателей, критиков, чье мнение, как мы полагаем, поможет сориентироваться и в оценке личности автора, и в особенностях его творчества.

Псигусов Асланбек Хазретович – член СП России, почетный академик АМАН. Лауреат Артиады народов России в номинации «Литература и искусство». Обладатель «Золотого Пегаса» в номинации «Литература».

Признан лучшим менеджером торговли России, удостоен «Золотого штурвала» им. Солодовникова (г. Москва). Очерк о нем включен в книгу «Знаменитые люди Кавказа». С 2002-го по 2008 г. издал 17 книг. Среди них 4 сборника стихов, историческая трилогия «Меоты», тетралогия о хеттских императорах, трехтомник афоризмов, роман «Путь к вершине». За высокий профессионализм в литературной деятельности и большой личный вклад в сохранение национальной самобытности и достоинства народов Кавказа, укрепление дружбы народов и единства Российской Федерации награжден дипломом и юбилейной медалью «450 лет с Россией».

СЛОВО О НОВОМ РОМАНЕ АСЛАНА ПСИГУСОВА

В современной литературе народов Северного Кавказа происходит своеобразный процесс: национальных поэтов и прозаиков, пишущих на инонациональных языках, чаще всего на русском языке, становится все больше. И здесь, естественно, напрашивается вопрос – хорошо ли это, или плохо? С одной стороны, это явление вроде бы свидетельствует о том, что молодое поколение нерусской части населения России настолько глубоко овладело русским языком, что решается писать на неродном языке художественные произведения. Но, с другой стороны, это явление у многих вызывает и определенное беспокойство – не повредит ли оно дальнейшему развитию младописьменных литератур народов Северного Кавказа, не приведет ли к окончательному их исчезновению?

Этот шепетильный вопрос, актуальный для малочисленных литератур народов Северного Кавказа, мы выделили неспроста. К кабардинским писателям, пишущим на русском языке, относится и Аслан Псигусов. Хотя национальная критика почти ничего до сих пор не сказала о его творчестве, он в течение шести лет плодотворно работает в литературе, за этот короткий промежуток времени издал 17 прозаических и поэтических книг. Прозаические произведения писателя большей частью посвящены далекому прошлому родного народа. Национальных критиков и рядовых читателей, по всей вероятности, смущает то обстоятельство, что в этих книгах рассказывается о жизни и борьбе за свою независимость далеких предков адыгского народа – хаттах, хеттах и синдо-меотгах. Важнейшие проблемы этногенеза этих народов историческая наука до сих пор окончательно не решила, что, по-видимому, в первую очередь связано с отсутствием историков-ориенталистов, знающих древние восточные языки и конкретно занимающихся столь древним периодом¹. Если многие вопросы хеттологии и синдо-меотского государства до сих пор кардинально не решены, это не значит, что мастера слова не имеют права художественно воспроизвести жизнь далеких предков. Романы Аслана Псигусова, образно воссоздающие определенную историческую эпоху, – не исключение; в мировой литературе таких примеров множество.

Один из прекрасных знатоков жизни и устного народного творчества северокавказских народов Ю. Либединский еще в предвоенные годы в одной из статей заметил, что фольклор, и особенно нартский эпос народов Северного Кавказа, является неиссякаемым источником для национальных писателей. В свое время кабардинские писатели не воспользовались разумным наблюдением известного русского ученого. Некоторые из них если и обращались к произведениям устного народного творчества, то в основном использовали исторические предания и народные новеллы. В основе многих первых кабардинских драматургических произведений лежат народные предания. В качестве примера можно привести пьесы П. Шекихачева «Корагот», З. Кардангушева «Каншоуби и Гошагаг», М. Тубаева «Мажид и Марьят», Ад. Шогенцукова «Кызбурун» и другие. Почему-то долгое время вне поля зрения национальных писателей, да и драматургов, оставались нартские сказания. В истории кабардинской литературы можно найти только один факт творческого использования образа одного из героев нартского эпоса. Речь идет о знаменитой пьесе Залимхана Аксирова «Даханого», которая впоследствии стала классикой национальной драматургии.

Продолжая похвальное начинание национального драматурга, кабардинский прозаик А. Псигусов посвятил новый роман легендарному герою адыгского нартского эпоса Сосруко. Определяя жанр своего произведения, автор совершенно справедливо назвал его романом-сказанием. Этим он дает знать читателю, что в данном произведении речь идет только о сказочных и героических деяниях его персонажей. В связи с этим возникает

¹ Мы знаем, что история России создавалась в нынешнем виде в основном в XVIII веке, многократно подвергаясь корректировке. То же с историей Франции и других государств. В «Истории Черкесии» С. Х. Хотко (изд. 2001 г.) и в школьном учебнике по родной истории есть разделы, в которых меоты и хатты названы предками адыго-абхазов (прим. автора).

и другой вопрос – почему из множества возможных героев автор избрал именно Сосруко? Определенно можно сказать одно: до написания своего романа автор внимательно изучил нартский эпос, точно указал высокое место, которое занимает в нем этот герой, а может быть, и полюбил его больше всех.

В нартском эпосе, как известно, каждый конкретный герой имеет свой цикл сказаний. И чаще всего каждый прослеживает жизненный путь героя от рождения до самой смерти, включая в себя множество стихотворных и повествовательных рассказов. Автор романа не оставляет без внимания сюжет цикла и за редким исключением не вносит в него ничего нового, но не без умысла. Роман охватывает все сказания, которые вошли в адыгский нартский эпос.

В нартском эпосе все рассказы каждого цикла подчинены общей цели – возвеличению основного героя. В данном романе, как нам кажется, акцент несколько смещен, много места занимает борьба между злом и добром. Нескончаемые интриги Орсарыж и Лыжжука, их борьба против Сатаней и Тлепша, по-своему интересны и занимательны, видимо, перед автором стояла и другая задача – убедительно и глубоко показать те идеи, которые народ воплотил в величественном образе Сосруко, вскрыть причины его преждевременной гибели.

О Сосруко существует множество сказов и преданий. В рамки романа вошли, на наш взгляд, все основные адыгские версии рассказов о нем. Однако концовку романа усилил бы интересный рассказ о Сосруко, который бытует в народном творчестве. По всей вероятности, автор знаком с ним, однако по достоинству не оценил его. В нем речь идет о потусторонних муках Сосруко. Он хочет вернуться на землю, назад, но не в силах этого сделать. Из-за своего бессилия он плачет. Но, не имея возможности оказать помощь своему народу лично, он хочет, чтобы за него это сделали слезы. По этому преданию целительные воды Кавказа являются слезами Сосруко.

В целом новый роман Аслана Псигусова «Сосруко – сын камня» производит хорошее впечатление, читается легко и с интересом, написан хорошим литературным языком. Мы надеемся, что и национальная критика, и читатели благосклонно встретят интересный роман писателя. Это первый опыт прозаического переложения одного из циклов адыгского нартского эпоса. На наш взгляд, он удачен: в такой книге нуждается широкий круг читателей. Думается, что этот почин подхватят другие национальные писатели и поэты.

*Андрей Хакушев,
доктор филологических наук, профессор*

Роман Асланбека Псигусова «Сосруко – сын камня» – яркое, интересное событие в современной кабардинской прозе. Правоммерно жанровое определение – роман-сказание, – которое автор дал своему произведению. Центральный цикл нартских сказаний, посвященный Сосруко, предстает перед читателями на уровне человеческого бытия, с жизненной объемно-

стью, повседневной и психологической. При этом эпические начала – иные пространственные и временные координаты, героизация – мастерски сохранены.

Сюжетное построение, образная система, обрисовка персонажей также демонстрирует синтез: следование традиции, классической основе и личностному авторскому видению. Чрезвычайно привлекательным представляется стиль повествования, красочный и лаконичный одновременно. Одна из самых богатых его составляющих – афористичность.

Афоризмы пронизывают весь роман, выступая и эпиграфами, и составляющими текста, являясь как творением самого автора, так и принадлежа к кладезю народной мудрости.

*Нина Шогенцукова,
доктор филологических наук, профессор*

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИСТОРИКА

Хочется выразить изумление перед героизмом автора, решившегося вскрыть золотые пласты нашей истории. Создана трилогия о меотах и задуман мегароман – серия о тридцати хеттских царях. Уже закончены жизнеописания царей Питханы, Анитты, Тудхалии, Пу-Шаррумы, Пападилмахи, Табарны I и идет интенсивная работа над романом о царе Хаттусили I. Признаем, что никто еще в мире художественной литературы не осмеливался так глубоко и основательно, с присущей автору дерзостью, вскрывать тайны тысячелетней давности – историю древней Каппадокии (Анатолии).

Характерной чертой автора является удивительно удачное, гармоничное сочетание художественного вымысла, пылкого воображения со строгой научной основой – документальными поправками и примечаниями, ссылками на первоисточники ученых, археологов и писателей.

Порой слышны реплики: где доказательства того, что хатты, каски и хетты являются непосредственными предками адыго-абхазов? На этот вопрос однозначно и положительно давно ответил весь научный мир. Но даже не это главное – сама тема Хеттской империи, хеттов, заслуживает того, чтобы об этом знал весь мир. Эта империя являлась очагом цивилизации наряду с такими великими державами, как Египет и Ассирия, не говоря о Метании (хурритах), которых хетты покорили. Являясь третьей всемогущей державой своего времени, по запасу золота и серебра царство Хатти стояло на втором месте после Египта.

С первых строк романа читатель осознает, что автор является знатком Древнего Востока. Столь достоверно переданы быт и нравы давно канувшей в Лету эпохи, что порой приходишь в удивление и задаешься вопросом: откуда это в нем – такая глыба знаний? Не находя должного ответа, приходится уповать на Всевышнего.

Важно отметить, что автор прекрасно ориентируется не только в истории хаттов и хеттов, но и других народов, в частности, Египта, Ассирии, хурритов, глубоко знает их древнюю культуру.

Словно золотая нить из запутанной пряжи, тянется общая стройная

живописная картина древнего мира, где чувствуется взаимосвязь: хатты, хетты, мамлюкские султаны, меоты, их дипломатические связи с Боспорским царством, борьба за место под солнцем со скифами, история адыго-абхазов, и главное – их взаимное влияние. Это позволяет любознательному читателю проникнуть, благодаря автору, в общий великий поток древней цивилизации. Чтобы найти эту непрерывную связь, одного таланта мало – возникает ощущение, повторим, что это веление свыше.

В основе исторических романов Асланбека Псигусова лежит документальное обоснование, что заставляет нас с доверием относиться к изображению одного из интереснейших периодов истории. Но автор не навязывает генеалогическую связь, а дает возможность непосредственно самому читателю ответить на интересующие его вопросы, помогая домысливать тему, рассеивать сомнения, и ненавязчиво убеждает в достоверности как бы увязанных на стальной стержень неоспоримых исторических фактов, которые подтверждаются архивными сведениями. И незаметно осознаешь, что именно в такого рода повествовании предстает достоверное родословие адыго-абхазов.

Автора отличает оригинальная манера письма, присущая только ему, строго индивидуальный стиль. Подобно радуге ослепляет многоцветьем его проза: с богатым, сочным, магическим, завораживающим словом, натянутой, словно струна, прямой речью, с живописным описанием пейзажей. Это философско-эпический жанр, где присутствуют и драма, и трагедия, и тонкий юмор, нестандартный художественный вымысел со сложным сюжетом, открывающимся последовательно, словно твердый орешек, внутри которого спрятан сладкий нектар. Все это присуще автору. Мелькает, как кисть художника, его быстрая мысль на полотне бытия в оправе зрелой мудрости!

Хочется отметить, что роман «Пу-Шаррума и Табарна Первый» уже с первых строк дает нам яркую картину древней эпохи в период правления царей Хатти, пленяет и увлекает остротой сюжета, многогранным освещением прошлого, раскрывая жизнь древнего народа через образы живых героев. Прослеживается основная идея романа. На первый план в повествовании выступает любовь к своей отчизне, честность, возвышенная чистота чувств, затмевающая кровную месть, зависть, алчность, предательство. На страницах романа мы встречаемся с магическими тайнами сна, духов, человеческой судьбы, изображением многоликой любви. Видно, как увлекает автора воистину бальзаковское желание красиво и гармонично донести до читателя священное чувство любви.

Легкой, как облако, поэтической прозой автор описывает природу тех мест, где живут его герои. Манера его письма органически связана с живописным фоном древней цивилизации. Она как бы нанизана на живую нить, а слова, образы сверкают переливами бриллианта.

В романе прослеживаются образы царей, их противоборство у подножия трона; выведены сильные фигуры верховных жрецов, которые удивляют недюжинностью ума и священной верой; показаны строгие законы храмов; взаимоотношения хеттской горделивой знати. Но этот роман отличается от предыдущих тем, что большое место уделено героям из народа – горожанам и ремесленникам. Тонкой нитью через весь роман

тянется симпатия автора к простому народу, который является носителем высоких духовных качеств: простоты, верности, богатого и содержательного внутреннего мира.

Обширная панорама романа не только удивляет, но и восхищает. В романе много массовых сцен, в частности – мятежное выступление народа на площади, где один из героев, Хатува, открывает для себя новый взгляд на жизнь. Увлекательно описан строгий судебный процесс возле входа в храм, где осуждают героиню романа – красавицу Хатиту, совершившую акт кровной мести. Живыми впечатляющими красками описываются взаимоотношения народа с законами Хатти.

Отличительной чертой автора является стремление, используя научные данные, убедить читателя в достоверности изображаемых событий с помощью примечаний, которые твердым монолитом наличествуют в тексте. Слово «оправа истины», в романе присутствует художественный вымысел, порожденный вдохновенным обостренным воображением. Но все романы Псигусова, как мосты на опорах, держатся на фактах истории. Жизнь царей, взятая из анналов и глиняных книг того времени, – это обязательный атрибут, основа его произведений, но, как было подчеркнuto, художественный вымысел присутствует в описании сцен и мыслей героев, чтобы раскрыть через их высказывания картину народной жизни того времени.

И нет сомнений в том, что золотая нить, тянущаяся от истоков рождения адыго-абхазов в его романах, в скором времени дотянется до наших дней, раскрывая запутанный клубок последних десятилетий, когда генетическое древо дало новые зрелые плоды.

Хочется верить, что «взрыхлив плугом разума пашню своей души» (выражаясь его же языком), Асланбек Псигусов вновь удивит нас глубиной своих произведений и художественным мастерством.

Здесь уместно добавить слова, сказанные Вальтером Скоттом: «Исторические романы имеют право, не боясь слишком удалиться от действительности, уверенно и смело черпать материал из окружающей жизни и порой брать за образец современного человека, придавая персонажам своеобразие их эпохи и страны». Так что современный писатель – это тот, кто жаждет донести голос древней эпохи до современников, это главное колесо национальной литературы, так как, к сожалению, у некоторых народов в древности не было письменности или она затерялась в кровавых очагах войн.

Мы знаем, что история России воссоздавалась в основном в XVIII–XIX веках, хотя на Руси письменность существовала издревле. Это касается и Франции, где история переписывалась в это же время. Исторические романы А. Псигусова пополняют наши знания о далекой забытой цивилизации – а это главное, и это неоспоримый факт. Мы знаем больше о Древнем Египте, чем об эре Хеттской империи, о ярком, необычайном ее расцвете, дошедшем до нас благодаря анналам и глиняным книгам. И мы не имеем права снова закапывать их в пласт сырой земли.

Кредо автора – стремление к традициям культурного развития, начиная с архаических стадий, именно в этом аспекте соотнося научно-продуктивные элементы концепций развития адыго-абхазской группы. Ведь нет тайны, что духовные, культурные основы кабардинской литературы

исследуются в обозримых для истории адыгов параметрах, хотя структурирование адыгского мира генетически восходит к хаттско-хеттской мифологии и цивилизации – это показано В. В. Ивановым.

Рецензируя исторические романы, мы, к сожалению, забываем, что любая книга о предках – это ядро нашей культуры, где главное – истина, а ее не смоеет дождь времени. Даже в вымышленном художественном произведении есть бриллиант действительности, то есть в данном случае – это жизнеописания тридцати хеттских царей, отмеченных в свое время писцами в святых храмах.

К периоду хаттов и Хеттской империи уже сложилась мифология адыгов и система ритуалов, где также присутствует мифология нартов, на основе которых начал складываться адыгский этикет (адыгэ хабзэ), в процессе формирования вобравший в себя плоды развития материальных культур, сопричастных названной цивилизации, и ставший воплощением духовного бытия и сознания адыгов (Ю. Тхагазитов). В связи с этим мне хочется сказать, что исторические романы А. Псигусова засветились целой плеядой звезд на фоне нашего исторического прошлого! Автору в полной мере удалось раскрыть ворота мрака Хеттской империи и осветить жизнь меотов и хеттов радужным сиянием, раскрыв тайну древней цивилизации, в который раз подтвердив мое мнение, что Асланбек Псигусов обладает неповторимым, своеобразным талантом от Бога.

Так пожелаем ему дальнейших творческих успехов! Пусть не ослабнет вдохновенный голос нашего современника, который ратует и делает все для того, чтобы сохранить память своего народа, и показывает его поистине великий путь – народа, прошедшего сквозь жернова войн и сохранившего адыгэ хабзэ до сегодняшних дней. Он страдает своим предкам и гордится ими, ибо каждый счастлив памятью своего отца в своем отечестве.

Автор уверенно держит курс к хронологически точному воспроизведению далекого прошлого, и надо признать, что в этой области он проделал титанический труд. И труд этот – на благо своей отчизне! И хочется воскликнуть: доброго пути твоему роману, мой друг, и пусть он, словно солнечный луч теплом и светом, озарит нашего современника любовью к своим предкам!

Анатолий Максидов,

*кандидат исторических наук, член-корреспондент АМАН,
зав. сектором генеалогии и геральдики КБИГИ*

ТАЛАНТ ОТ БОГА

В издательском центре «Эль-Фа» за последних четыре года вышли в свет исторические романы, сборники стихов, поэм, фельетонов, объединенных в общую серию и охватывающих жизнь наших предков – адыгов – с древности до нового времени.

Автор как будто только что вернулся из эпицентра описываемых событий, видел все своими глазами и принес с собой из глубины веков живое дыхание далекой эпохи. Поэтому сразу, с первых же строк начи-

наешь верить автору, проникаешься к нему глубочайшим уважением. Если взять любую из книг, то сталкиваешься сразу с мощными пластами чистейшего золота, крупными самородками. Действительно, его произведения – высокопрофессиональные полотна, сплав философской мудрости и жизненного опыта.

«Войны на земле – это пепел истории. Лавровые венки победы не имеют корней. Это увядшие могильные венки. Нет страшнее участи народа, ушедшего в забвение.

Бог един, все народы равны, цвет крови у всех одинаков. Величие великого – сохранить ближнего, и нет другого пути, кроме созидания. Эта книга посвящается всем народам мира во имя мира», – таким великолепным вступлением начал автор одну из своих последних книг «Царь Хатти Анитта. Жизнеописание тридцати хеттских царей». Эти слова, пожалуй, можно отнести к любому из рассматриваемых изданий, будь то проза или поэзия. Так искренне, емко, глубоко и точно мог сказать лишь настоящий писатель и гражданин, думающий о современности, интернационалист в лучшем смысле этого слова.

Он ворвался в адыгскую литературу внезапно, смело и неожиданно, подобно молнии, грому, стихии, без лишних прелюдий, словно многотонная глыба, неотвратимо и достойно занял predetermined для него самим Всевышним законное место. Неожиданно для всех пишущих в 2002 году на литературном небосклоне зажглась его яркая звезда. Сразу же продемонстрировал он свой многогранный талант в поэзии, искусстве и бизнесе.

Кто же он, заявивший о себе громогласно своими творениями зрелый мастер? Это – Асланбек Хазретович Псигусов. Он первым в КБР получил патент на занятие коммерческой деятельностью. Асланбек Хазретович – лауреат конкурса «С лучшими предпринимателями – в XXI век», лауреат высшей национальной премии имени купца Солодовникова в Москве, ему присвоено звание «Лучший менеджер России». Он обладатель «Золотого штурвала» и вошел в первую сотню лучших руководителей частных предприятий России. А. Х. Псигусов – директор «Торгового дома», мебельной фабрики, владелец сети магазинов в КБР. Заслужил признание и уважение своих земляков – его дважды удостоили чести быть избранным в горсовет гор. Терека.

И вот за короткое время, совершенно неожиданно для себя и окружающих, он обрел фантастическое вдохновение и создал на одном дыхании восемь исторических романов и четыре сборника стихов, еще раз подтвердив влияние на его творческую личность высших сил.

В 2003 году А. Х. Псигусов принят в Союз писателей России в Москве, а через год, что совершенно справедливо, в Черкесске избран почетным академиком Адыгской международной академии наук (АМАН). В 2005 году его наградили золотой медалью, присвоили почетное звание лауреата Артиады народов России в номинации «Литература» в Москве. В 2006 году А. Х. Псигусов за мегароман «Цари Хатти» от Мировой академии творчества – единственный на Северном Кавказе – получил приз «Золотой Пегас» в номинации «Литература и искусство».

В двухтомный сборник стихов и поэм, вышедший в конце 2002 года,

вылились творческие поиски Асланбека Псигусова на ниве поэзии. Литературовед Елена Губашиева уподобляет Асланбека былинному богатырю Илье Муромцу, который долго не ходил. А затем ворвался в серьезную литературу сорока четырех лет от роду и занял отведенную ему Всевышним свободную нишу.

*И душу дьяволу не продавал,
Я выше был всех благ земных,
И мысли хлад не омрачил.
И сердце подвигами былыми
Не пьянит. Я трезв душой,
И мыслью я, и сердцем чист,
Как блеск алмаза...*

Эти строки, смею утверждать, автобиографичны, это кредо самого Асланбека Псигусова, хотя и вложил его автор в уста героя поэмы «Предание о слепом певце Инале», помещенной в сборнике «Зов души». По чистоте помыслов их можно использовать как эпиграф к любому из творений, включенному в цикл.

Создание книги – очень тяжелое, кропотливое дело. К радости читателей, А. Псигусов не заставляет их ждать. Он не делает нас свидетелями его поисков удачного слова или выражения, а преподносит уже готовое «блюдо».

*Твори добро, не жди ты
Лавров от потомков.
Никто не в силах отнять,
Что ты ценою смерти приобрел,
Ведь даже смерть порой бессильна
Твой прах покрыть слоями пыли.
Но злодеяния твои покроют
Тебя позором.
Не искушай себя,
Твори добро – ведь слава
Добрая, как тень твоя,
Как знак всех добрых дел,
Оставит след потомкам.*

К этому призывает нас А. Х. Псигусов и в жизни сам руководствуется этим. Приведенный отрывок – эпиграф к его первой книге романа «Аникет». Вообще эпиграфы заслуживают того, чтобы им посвятить отдельную рецензию.

Чтобы читатели лучше поняли, как и где разворачиваются полные драматизма события, автор просто и без назидания ведет нас за руку и, словно просвещенный гид, отправляет в древнее царство.

В его книгах детально расписан существовавший задолго до нашей эры общественно-политический строй наших античных предков. Оценивая эти исторические факты, трудно не удивляться. Еще в то время у наших далеких предков были своя письменность на глиняных дощечках (клино-

пись), сословия, внешняя политика, хозяйственные отношения, ремесла, денежный обмен, торговля, действовали законы и суды, смертная казнь и помилование и многие институты общества. Отлично составлен аппарат книги. Из него мы узнаем много интересного.

Следует с радостью отметить, что на литературном небосклоне Кавказа зажглась новая яркая звезда. Пожелаем Асланбеку Псигусову жизненных сил и творческой энергии на этом поприще!

*Вячеслав Печонов,
критик*

Издательским центром «Эль-Фа» издано около двадцати томов исторических очерков Асланбека Псигусова, посвященных 30-ти хеттским и меотским царям. Очерки основаны на исторических фактах, автор использует архивные, научные материалы, дополняя их художественным вымыслом. Определенной решительностью обладает автор, вскрывая глубокие пласты истории, родословную абхазо-адыгов. «Любому народу необходимо чувство исторического самосознания», – подчеркивает Псигусов.

Автор поет гимн национальному чувству, которое зиждется на национальной культуре, он ищет пути к дальнейшему развитию культуры этноса, отнюдь не стремясь замкнуться, закрыться в своей собственной скорлупе или, напротив, противопоставить себя другим культурам. Он за сохранение памяти народа, который, пройдя через испытания и войны, сохранил кодекс чести – адыгэ хабзэ.

*Светлана Алхасова,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела адыгской филологии КБИГИ*

Несколько лет назад этот автор с грохотом ворвался в литературу, да так, что потряс профессионалов, в том числе и меня. С интересом и удивлением читал я его книги, поражаясь разнообразию его жанровых интересов, его смелости, оригинальности, самобытности. Стихи, эпические сказания, трехтомник афоризмов, романы, исторические исследования – все это свежо, неожиданно и всегда увлекательно. У Аслана Псигусова талант от Бога и бешеная энергия.

Он продолжает «потрясать» и с победными кличами создавать одну за другой все новые и новые книги.

*Эльберд Мальбахов,
писатель*

Особое место в творчестве Псигусова отведено романам, описывающим жизнь и судьбу далеких предков адыгского народа. Это трилогия «Меоты» и обширный цикл о хеттских императорах, который пока представляет собой тетралогию, но последует его продолжение.

Проза Псигусова универсальна. Его романы с удовольствием читают те, кого интересует беллетристическая составляющая, поскольку сюжеты сплетены мастерски, а персонажи – хоть и жили 4 тысячи лет назад – ничем не отличаются в своих вечных стремлениях и страстях от людей нынешних.

Есть то, что не позволяет зачислить прозу А. Псигусова в разряд псевдоисторических спекуляций с уклоном в вульгарный национализм, который в последнее время удушает культурное пространство Кабардино-Балкарии. Это, с одной стороны, яркая фантазия, которая не оставляет возможности быть предвзятым и лицезреть только кончик собственного носа. А с другой – гуманистический посыл, выбор в пользу добра и справедливости, который неизменно делают главные герои этой прозы.

*Константин Елевтеров,
писатель*

Л. А. Бекизова справедливо считает, что сначала в литературе развивались малые эпические формы, заложившие основу романного жанра. И творчество многих писателей, на наш взгляд, прямое этому подтверждение (А. Шортанов, А. Кешоков, А. Налоев, А. Псигусов и др.).

Таким образом, на формирование жанра романа огромное влияние оказало творчество первых адыгских просветителей, народных сказителей, опыт русской литературы, фольклор, художественный этнографизм, анализм, историзм, психологизм. Следует также отметить, что жанр романа в кабардинской литературе тесно связан со всей северокавказской, так как в литературе данных народов немало типологических особенностей.

Еще одной ступенью развития рассматриваемого жанра является появление в кабардинской литературе романа-эпопеи (А. Кешоков «Долина белых ягнят»). Современное состояние кабардинской прозы, появление романов М. Кармокова (третья книга романа «А тополя все растут», «Зов»), С. Жилетежева («Корни и ветви»), Б. Журтова («Семья»), В. Ворокова («Прощающие да простят»), А. Псигусова («Аникет», «Меоты») свидетельствует о том, что литература не перестает совершенствоваться, открывая все новые и новые стороны жизни, обогащая мировую литературу своими художественными открытиями.

*Рамета Татарова,
кандидат филологических наук*

РОМАН С ИСТОРИЕЙ

Асланбек Псигусов ворвался в адыгскую литературу как метеор: примерно за шесть лет он издал в издательском центре «Эль-Фа» около двух десятков томов, чего вполне хватило бы на всю жизнь любому писателю. Вполне естественно, что те литераторы, чей потенциал книгопечатания сильно ограничен скудными объемами издательства «Эльбрус», относятся к творениям А. Псигусова несколько свысока. Причина – обычная зависть, от которой, что уж греха таить, не свободны и самые утонченные «властители дум». Впрочем, сам А. Псигусов относится к такому положению дел совершенно спокойно: *«Знания – украшение человека. Их блеск ослепляет завистников»*, – так звучит один из его афоризмов о знаниях.

Эпиграфом ко всему творчеству А. Псигусова можно было бы взять слова, предпосланные им ко второй книге жизнеописаний тридцати хеттских царей «Царь Хатти Анита»: *«Войны на земле – это пепел истории. Лавровые венки победы не имеют корней. Это увядшие могильные венки. Нет страшнее участи народа, ушедшего в забвение. Бог един, все народы равны, цвет крови у всех одинаков. Величие великого – сохранить ближнего, и нет другого пути, кроме созидания»*.

Отличительной чертой автора является то, что его романы держатся на фактах истории: используя научные данные, он стремится убедить читателя в достоверности изображаемых событий. При этом в них, естественно, присутствует художественный вымысел, что и позволяет А. Псигусову изобразить картины жизни народа, к какому бы времени он ни обращался.

Нельзя не согласиться с мнением кандидата исторических наук А. Максидова, выразившим изумление «перед героизмом автора, решившего вскрыть золотые пласты нашей истории». Историк в своем послесловии к III–IV книгам многотомного романа «Цари Хатти» дал глубокий и убедительный анализ творчества А. Псигусова, удивившего читателей эрудицией автора и оказавшего значительное влияние на литературный процесс последнего времени. Как пишет А. Максидов, автора в прозе отличает легкая, как облако, манера письма, присущая только ему.

В повествованиях А. Псигусова предстает достоверное родословие адыго-абхазов, и это очень важно, потому что любому народу жизненно необходимо историческое самосознание. Осознавая себя частью истории, тем более – истории со столь древними корнями, каждый человек с большей ответственностью относится и к собственным своим деяниям, потому что *«все в этой жизни – природы цепь, а все живое – звенья этой цепи, и разорвав своей судьбы звено, ты обречен»*. Так утверждает А. Псигусов, и, ознакомившись со многими подобными его афоризмами, трудно утверждать, что в названии «Книга мудреца», данном им первому тому серии «Афоризмы, изречения, номы, поэмы в прозе», якобы звучит завышенная самооценка. Скорее здесь слышна вполне трезвая, сдержанная самоирония, что не может не импонировать читателю.

Кстати, и подзаголовки «Исторический роман», из книги в книгу переводимые на английский как «The historical romance», на мой взгляд,

содержат все тот же заряд позитивной самоиронии: А. Псигусов намеренно переводит «роман» не как «novel», но как «romanse», то есть скорее как «любовное приключение», нежели «роман» как литературное произведение. Что ж, это звучит вполне уместно, если учесть, с какой любовью относится автор к изучению источников, разнообразных исторических свидетельств, как бережно и кропотливо воспроизводит их на страницах своих произведений! У него – да, роман с историей, то есть совершенно новый жанр. И это во многом определяет черты его стиля.

В романе «Путь к вершине» он активно прибегает к стихотворной инверсии: *«Чернеет туча от черной злобы, любясь солнечной красотой, и закрывает солнце туманом черным и плачет, слезы льет, что никогда не станет солнцем!»* Кому-то такое обилие инверсий может показаться чересчур приторным (я, например, приучен к гораздо большей сдержанности в изъятии чувств, к более «жесткому» стилю), однако каждый певец поет так, как ему поется, а к своеобразной манере А. Псигусова читатель легко адаптируется, тем более что она весьма уместна при обращении к столь отдаленным временам.

Историческое самосознание личности – неотъемлемая часть воспитания, и в этом смысле трудно переоценить заслуги А. Псигусова, тем более, что в последние десятилетия в мире значительно усложнилась этническая ситуация и межэтнические отношения. Поэтому, когда автор утверждает, что «все народы равны», доказывая этот тезис картинами древней истории, он тем самым на деле способствует межэтническому миру, причем миру на справедливой основе.

Произведения А. Псигусова написаны по-русски, однако принадлежат, безусловно, адыгской литературе. *«А на скале, на самой ее вершине, сидел орел свободолобивый, смотрящий хищных птиц, всего живого, что отрывалось от земли в полете гордом»*, – разве же не ощущается здесь этническая принадлежность автора?

Ценность произведений, подобных романам А. Псигусова, – в торжественном и страстном гимне национальному чувству, которое зиждется на национальной культуре. Отбрасывая устаревшие мифы, автор ищет пути к дальнейшему развитию культуры своего этноса, отнюдь не стремясь в ней замкнуться, противопоставить ее всем другим культурам. Напротив, он обнаруживает глубокие исторические связи между культурными явлениями современности и древности. В каком бы времени ни разворачивались описываемые им события, его темы (в частности, тема борьбы за власть) всегда остаются актуальными, а многие коллизии его романов легко могут быть спроецированы на современность.

И сегодня, когда член СП России, почетный академик Адыгской международной академии наук, лауреат Артиады народов России и обладатель приза «Золотой Пегас» Асланбек Хазретович Псигусов продолжает трудиться над очередной своей книгой, хочется пожелать ему дальнейших творческих успехов на пути «к хронологически точному воспроизведению далекого прошлого» (по выражению А. Максидова). Пусть долго и счастливо продолжается его *роман с историей*, пусть все увереннее звучит голос писателя, ратующего за сохранение памяти своего

народа, прошедшего через бесчисленные войны и по сегодняшний день сохранившего свой кодекс чести – адыгэ хабзэ. И еще одно пожелание, на сей раз пожелание самого А. Псигусова, обращенное к народам мира: «Пусть будет дорога жизни не кровавой, а ковровой».

Георгий Яропольский,
поэт, переводчик

ОТ АВТОРА

«Исторический роман – это картина реальных фактов в оправе золотого багета, а краски – живая мысль, нанесенная незримой кистью на холст вымысла».¹

Нартский эпос – одно из величайших творений мирового духа. Эпосы кавказских народов совпадают как в целом, так и в подробностях, и этот отрадный факт доказывает, что народы Кавказа всегда жили в дружбе и мире, передавая в тесном общении из уст в уста мудрость своих предков. Что-то менялось, что-то дополнялось, но в целом каждый народ сохранил в неприкосновенности свои оригинальные шедевры, святую реликвию прошлого. Это неоспоримый факт, и это главное!

Усердие и искусство ласточек в построении своего гнезда хорошо известно в народе и делает честь любому архитектору. Тоже своего рода шедевр: собирают и приносят в клюве пушинки, соломинки, одну за другой склеивают вязкой слюной, получая прочные стены. В поте лица своего создают искусные гнезда для птенцов. По такому же примерно принципу собирался эпос народов, из уст в уста, слово за словом. Так и был построен храм знаний, эпос всех времен и народов, бесценная картина в золотой раме истории.

Когда по велению Всевышнего, – а все в этом мире исходит от него, – я обратился к первому в мире роману-сказанию о нартах на русском языке, то обнаружил при изучении различных материалов один любопытный исторический факт, вернее миф, что Сосруко (его имя произносится по-разному, но идентично во всех эпосах Кавказа) – внук диоритового человека Улликума, сына дочери Царя гор и главного хаттского бога Камурби (см.: Герни О. Р. Хетты. М.: Наука, 1987). Это наводит на мысль, что идея рождения человека из камня гораздо древнее, чем мы предполагали.

Отсюда предположение: героический эпос о нартах уходит своими корнями в глубокую древность, восходя, скорее всего, к Хаттской и Хеттской империям. И миф о рождении героя из камня – лучшее тому доказательство.

Народы этих империй – прямая родственная преемственность адыго-абхазов. Это утверждение основано на многих открытиях археологов, на установленной письменности хаттов и хеттов и убедительных научных гипотезах, трактующих хаттов и хеттов как предков синдо-меотских пле-

¹ Эпиграф автора – А. Псигусова.

мен. Более того, религия древней Анатолии, уходящая корнями в каменный век, — это многобожие, и мы видим в пантеоне древнейших богов множество переключек, связанных с богами нартов. Хаттский Тару, бог грозы, совпадает по значению с адыгским богом грома и молнии Щыблэ¹, который наряду с богом Псатхой следовал в пантеоне сразу же за Тха (Тхашхо). Хаттская богиня неба Хадеш переключается с адыгским Уашхо — богом неба; хаттский бог-кузнец Хасамали перешел в адыгского бога-кузнеца Тлепша; хаттский бог Дотто перетекает в адыгского Дотэ. То же можно сказать о хаттском Ададе — боге мудрости, а также Меч-боге и Матери-богине из пантеона хеттов. Все эти общие боги символизируют связь людей с природными стихиями.

В мифе «Песня об Улликуме, о герое сыне камня дочери Царя гор», так же как и в легендах о Сосуруко, налицо борьба против высшей несправедливости и внешних врагов. Образ Уппеллури, морского владыки, державшего свод неба, чтобы оно не слилось с землей, явно продолжается в образе греческого титана Антея, сына Посейдона. Исследователь Г. Гютербук указал и на прочие примеры влияния малоазиатской мифологии на греческую: в частности, такие персонажи «Геогонии» греческого поэта Гесиода, как Уран, Кронос и Зевс, отвечают хаттской и хеттской последовательности.

В V в. до н. э. предки адыгов образовали Синдское рабовладельческое государство, одно из древнейших государственных образований на территории СССР. В это же время началась греческая колонизация Северного Причерноморья (Боспорское царство). Греки не только закладывали торговые фактории, которые затем превращались в города-государства, такие, как Пантикапей. Происходило еще и слияние культур и религий. Раскопки Майкопского кургана, датируемого концом III тысячелетия до н. э., погребальные памятники Кубанской и Прикубанской культур II—I тыс. до н. э., множество городищ и дольменов — все это позволяет судить о характере и культуре наших предков в их связи с Анатолийской равниной и великими империями ранней античности². Кстати, согласно Библии, хатты первыми встретили народ евреев в древней Палестине.

Автор не ставит целью что-либо исказить или возвысить, когда ищет корни народного эпоса адыго-абхазов. Цель другая — подчеркнуть, что в период этнической консолидации адыгов их эпическая культура переживала процесс становления и развития. Получила оформление адыгская версия многонационального нартского эпоса, корни которой уходят глубоко в древность — к хаттам, каскам и хеттам. И главное — к мощной Хеттской империи. Известно, что объединение племен хаттов и хеттов привело к расцвету их государственности, при этом один народ не вытеснил другой, вынудив его уйти со своих земель, а оба народа слились в единый союз. По одной из версий, такое слияние произошло по образцу родственных связей хаттов и неситов внутри хеттского города Нессы.

¹ Щыблэ — бог грома и молнии (адыг.).

² На эту тему см: Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. С-Пб., 2001.

С именами одних и тех же богов народы развивали культуру и отражали агрессию внешних врагов.

Роман-сказание «Сосруко – сын камня» начинается с хаттского мифа не случайно, ибо стебель не бывает без корня. И хаттский, и нартский эпосы – это зрелые плоды единого Древа жизни. С ними перекликаются такие сохранившиеся до наших дней сокровища древнейших времен, как «Сказание об Адапе» («ада» – по-адыгски «отец»), «Хеттский эпос о Гильгамеше (заимствован у шумеров), «Песня об Улликуме» и другие трудовые и героические песни.

Связи племен в эпоху железного меча, железного плуга и топора также уходят в глубь веков. Хетты заимствовали у хаттов название железа. Хатты в особом законе строго запрещали вывозить металл за пределы страны под страхом смертной казни. Также хаттами, и это исключительно важно, было освоено производство железа сыродутным способом. Металлургия железа и название этого металла распространились в Переднюю Азию, а затем в Европу (Халебские рудники). Хатты, жившие на черноморском берегу Малой Азии, являются первыми в мире производителями железа и стали. «Это никто не оспаривает», – отмечает академик Вяч. Вс. Иванов. И не случайно в нартском эпосе, пройдя сложный путь развития, языческие божества со временем стали персонажами адыгских сказаний.

В нартском эпосе подчеркивается особое отношение к железу, то есть Сосруко достают из камня, он еще руда. Его закаляет Тлепш, после чего Сын камня становится железным. Отсюда вывод, что сюжет о рождении Сосруко восходит к эпохе неолита. На это, в частности, указывает Е. М. Мелетинский в работе «Место нартских сказаний в истории эпоса. Нартский эпос» (Орджоникидзе, 1957. С. 53).

В динамике романа особое место отведено изображению вечных человеческих ценностей, воплощенных в законах адыгэ хабзэ. Здесь и мудрость предков, и человеколюбие, и героизм, и любовь друг к другу. Главный атрибут этой любви – уважение к старшим и любовь к родной земле.

В романе «Сосруко – сын камня» в разном контексте с первых страниц до последних идет борьба между добром и злом. Сатаней – мать нартов, единственная, кто обладает бессмертием среди народа. Она – олицетворение доброты, чистоты и неугасимого огня любви к очагу, к ближним. Центральный герой – нарт Сосруко. В романе прослеживаются рождение героя, богатырское детство, бой с Тотрешем, похищение огня, борьба за невесту и гибель героя.

Исторические сказания о нартах выражают этнический дух, нравы и быт, национальный колорит народа. На первый взгляд, персонажи эпоса кажутся сказочными, вымышленными, но на этом нельзя ставить точку, ибо в глубинных образах выражен народный характер. Эти герои проносятся по эстафете поколений, возрождая культуру и этику адыгов и других народов Кавказа.

Именно нартский эпос воспитал в народах нашего цветущего края взаимопонимание и силу великой любви к своей культуре.

Благодарю

За все тебя
Благодарю.
Живу, любя
Закат, зарю...

Познал я вновь
И радость мук,
И сладость слов,
И боль разлук.

Я пью с тобой
Любви нектар,
Вновь молодой
От женских чар.

Я понял миг
Сверхбытия
И этот мир,
Тебя любя.

Ты – эталон
Красы земной.
О, чудный сон,
Побудь со мной!

Постой, продлись, –
Шепчу, моля, –
Земная жизнь,
Любовь моя!

Тобой горя,
Признаться рад:
Ты – и заря,
И мой закат.

Живу, любя.
Любя – умру...
За все тебя
Благодарю.

28.11.04

Пророк

А. Ю. Антошину

Не для молитвы и покоя
Душа пророка рождена.
Она слагает песни к бою,
Когда на троне сатана.

Седые горы – стражи чести
Кнутами молнии грозят.
Страшат слова священных песен
И сатану, и сатаняя.

Он знает, скоро им на горе
Проснется дремлющий вулкан,
Восстанут люди, горы, море,
Потопит землю океан.

И на обломках Вавилона
Творец построит миру вновь
Храм веры, правды и закона,
Где будет царствовать любовь.

Воскреснет время золотое
И луч победы над страной.
И сердце светлое, святое
В молитвах обретет покой.

08.05.08

Истина в любви

Искал я истину у бога,
И в книгах, и в вине искал.
Но привела меня дорога
В аул, затерянный меж скал.

Я помню этот день чудесный.
Горянка пела у реки.
С земных глубин, с высот небесных
Рождался голос Ариуки.

Вдруг сердце птицею вспорхнуло,
И пламя вспыхнуло в крови...
Я низко кланялся аулу,
Что дал мне истину в любви.

08.12.08

В краю отцов

А. И. Тетюеву

Ползла змеей дорога по ущелью
В аул, похожий на гнездо орла.
Склонилась вечность, как над колыбелью,
Над чудным местом, где река текла.

В краю отцов я гость довольно редкий.
Здесь каждый камень дорог и знаком.
Веками кунаков встречали предки
Айраном, хичинами за столом.

Мой старый друг, хозяин новой сакли,
Привез гостей. Нам рада вся родня.
Но мы идем – обычай не иссякнет –
На кладбище в палящем зное дня.

Здесь смерти нет, а есть покой и горы.
Молчат деревья, и растет трава.
Осиротев, сгорает друг от горя.
Огонь сильнее, чем годы и слова.

Мой друг, лаская две могилы взглядом,
Средь скорбных гор вдруг тихо произнес:
«Хочу с отцом и матерью быть рядом...»
И нас и сына взволновав до слез.

Пасутся в небе облака-овечки,
Седые скалы сняли башлыки.
Над кладбищем, грустя, застыла вечность
И песня бесконечная реки.

22.12.08

Цветы

*С уважением – Фатиме Кулиевой –
хранительнице Дома-Музея К. Кулиева*

Я цветы не принес,
Извини, мой учитель Кайсын.
Дождь нахлынувших слез
Застилает душевную синь.

Солнце светит с небес.
И, как ты, всех встречает, любя.
Но не весел навес,
Постарел и поник без тебя.

Бродит светлая грусть
У могилы певца и орла.
Беломраморный бюст,
Возвышаясь, стоит, как скала.

Жил, горя и творя,
Гор балкарских бессмертный пиит.
И беседка твоя
Твои думы и песни хранит.

Я цветы не принес.
Но принес я полуденный жар
Белоснежных берез
И прохладу смуглянок-чинар.

Я цветы не принес.
Но доставил я в сердце своем
Нежность нальчикских роз,
Что растут под печальным окном.

Твой последний приют
Для поклонников ныне – Музей.
Птицы песни поют
Для тебя, и гостей, и друзей.

Память вновь теребя,
Временами жалею чуть-чуть:
Не послушал тебя
И не выбрал начертанный путь.

Пред тобою я нем,
Как ручей перед шумом морей.
Стал музейный Чегем
Поэтической Меккой моей.

В опустевшем дворе,
Где орешник обвила лоза,
Каждый год в ноябре –
Желтый лист и живая слеза.

Воспевая любовь,
Ты улыбку оставил в саду.
Снова я без цветов
Виновато к могиле иду.

Извини, мой Кайсын,
Не купил и не срезал я роз,
Но, как любящий сын,
Я тебе свое сердце принес.

12.12.08

Строка о мире, о земле, о хлебе –
в живой неповторимости святая, –
звучи все выше под бескрайним небом,
высоким слогом к жизни пробуждая.

Лови, зови сердца к бескрайним высям
и распахни просторы нотой страстной,
роняя зерна истин непокорных,
рождаясь в безобразном и прекрасном.

Доступность и гуманность жизни славя,
пой всем, чтобы далекие потомки,
пройдя тобой открытою тропою,
гордились этой жизнью и судьбою.

Я прошу тебя встретить
много смеха и света
И последнюю радость,
донести до рассвета.

Свет улыбки поведай
звуча песней хрустальной.
И сокрой тайну сердца
на звезде самой дальней.

А где пепел заката,
пусть родится зарница.
И души возрожденье
в чистоте растворится.

Чтобы ветер столетий,
по морям через сушу,
по хрустальной дорожке,
пришел песню послушать.

Каждый несет свою ношу,
У утра ноша – светла,
Но смерть не выносит света
и все сжигает дотла.

Тогда рождается полночь
с улыбкой печальных глаз,
И робко зовет на помощь
ранний утренний час.

Утром в белое вино
наши кубки погрузали.
Буйно пенилось оно,
нараспев прочли скрижали.

День озвучил водомет,
он закатом пел к рассвету.
Но угасли в тишине
дня последние приметы.

И когда остыл закат,
дали мы любви обеты,
И ушли за горизонт,
каждый по дороге света.

К тайне твоей любви,
что снами печальными снится,
иду по дорогам ночным
навстречу рассветным птицам.

От осени до весны,
по ночным дорогам печальным,
иду по тропинкам земным,
зимы и лета встречая,

Уже не встречая снов.
К тебе почти наугад.
И пусть совсем невпопад
яркий ночной звездопад.

За моими годами лежит океан
Вековечных борений и терний,
Не по силам вам будет он, не по годам,
Непостигнутой влагой вечерней.

Неизвестным рассветом в ваш мир привнесен,
Светлой силою смутных пророчеств,
Он хранит в себе волны ушедших времен,
Горький привкус и грусть одиночеств.

Вам его не объять атрибутами слов,
Измышлением мысли поспешной.
Запрокинутый вдаль с широтою ветров,
Неизменен он светом нездешним.

Он в судьбе вашей будет теперь навсегда,
Прорезая небесные волны,
Оттенит свет небесный ночная звезда
Озарением силы безмолвной.

Меня тысячи раз сжигали,
я века томился в неволе.
Но, любовь глубже в сердце пряча,
я теперь не чувствую боли.

Та звезда, что в небе сверкала,
мне когда-то в сердце упала.
И зажглось мое сердце звездой,
разливая свет в зазеркалье.

Воплощение своего народа

Эта статья была написана к 90-летию юбилею замечательного нашего современника, незабвенного Зарамука Кардангушева. Так получилось, что тогда, в начале 2008 года, почти за год до его ухода из жизни, мне не довелось ее напечатать. И дело не столько в том, что трудно было найти издание, которое приняло бы у меня статью, сколько в том, что я сам не очень спешил предать гласности свои суждения. Мне и раньше приходилось писать о Зарамуке Патуровиче, но каждый раз я остро ощущал неудовлетворенность написанным: уж слишком многогранен этот человек, слишком колоритен и содержателен, чтобы мое скромное перо сумело достойно представить его взыскательным читателям. А зачем выступать в печати только ради того одного, чтобы выступить?

Когда судьба к вам особенно благосклонна, она посылает вам на жизненном пути встречу с такой яркой личностью, которая способна оказать мощное и благотворное влияние не только на ближайшее окружение, но даже на тех, кто никогда этого человека и не видел. Люди такого склада рождаются столь редко, что даже не они сами, но и тот, кому выпало счастье встречаться с ними, становится объектом особого внимания окружающих, ибо приходит время, когда о нем начинают с почтением говорить: «Он видел самого Зарамука Кардангушева!» Мне довелось не только встречаться, но долгие годы находиться рядом с ним, видеть каждодневно красоту его духа, глубину интеллекта, величие поистине божеского дарования. И, конечно же, физический уход такого человека из жизни совсем не означает духовного конца. Напротив, когда люди, подобные ему, окажутся на расстоянии от живущих, станет возможным обозреть их истинное величие, тогда и наступит их подлинное время. Да, прах его возвращен в землю и со временем станет ее частью. Но дух, как сказал поэт, его переживет и избежит тленья. Избежит, потому что этот невысокий, не очень красивый внешне человеком воистину велик духом. И дух его способен воздействовать на живущих с такой силой, какой не обладают многие из физически живых людей. Поэтому я решил не переписывать статью, а написать о незабвенном старшем товарище как о живом, и это ближе к истине.

Человек, юбилей которого мы в эти дни отмечаем, личность совершенно необычайная и во многом символическая для национальной культуры. Это проявляется во многих сферах нашей жизни, поэтому уже одно только перечисление его заслуг и достоинств может вызвать восхищение. Прежде всего, он в свое время с отличием окончил два высших учебных заведения – Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского в Москве (1940) и Государственный педагогический институт в Нальчике (1957). По первому образованию он драматический

актер, по второму – филолог-преподаватель и исследователь. О том и о другом у нас еще будет речь, но прямо скажем, что за свою долгую и насыщенную событиями жизнь Зарамук Патурович проявил себя во многих областях. Как актер он великолепно сыграл целый ряд ролей на сцене профессионального драматического театра. Как театральный деятель он также замечательный чтец-декламатор, автор сценариев, постановщик и исполнитель уникальных моноспектаклей. Как филолог он уникальный и неутомимый исследователь народной словесной культуры.

**Зарамук Патурович
Кардангушев**

Следующая его ипостась – воин-защитник. Оказавшись в рядах Советской армии еще до начала Великой Отечественной войны, солдат Кардангушев был десантником и воевал как на передовой линии фронта, так и в тылу врага, в том числе и в условиях окружения. Он познал все страшные испытания, которые выпадают на долю военнопленного, сохраняющего верность своей Родине и данной присяге. После двух безуспешных попыток он наконец-то сумел бежать из немецкого плена, прошел все унижительные для честного воина проверки, вновь оказался на фронте и был на передовой до последних месяцев войны, пока не получил тяжелое ранение, выбившее его из строя на долгое время. До настоящего времени он носит в себе грозную отметину войны – застрявший в миллиметре от височной артерии вражеский осколок, который доктора, залечившие другие его раны, не рискнули трогать, – слишком близко он засел от височной артерии. Эта часть его жизни, конечно же, прямо не относится ни к искусству, ни к литературе, ни к науке, которым он посвятил всю свою жизнь. Но она никак не выпадает из его биографии, так как отражает его гражданскую позицию, соотносится непосредственно с тем духом подлинного патриотизма и человеческого достоинства, который он несет людям всем своим творчеством. Сменивший в свое время театральные подмостки на место в строю защитников Родины, он по окончании войны вновь вернулся к служению искусству: не сразу сумев восстановить свое здоровье, Зарамук Патурович через некоторое время все же сумел вернуться в родной театр, в среду талантливых своих товарищей, составлявших гордость национальной культуры. Кто не видел своими глазами, как трепетно относились друг к другу эти совершенно незаурядные люди, которых еще в юности объединила любовь к новому для коренных кавказцев профессиональному занятию, тот не может себе представить, насколько глубоки были их благородные чувства, насколько богаты они были душой. Незабвенные Мухарби и Бошир Соновы, неподражаемый Али Тухужев, горячий и всегда одержимый кипучей энергией Азрум Шериев, сдержанный и, как скала, надежный Мурат Болов, глубоко интеллигентный, высокообразованный и настолько же чистейший Хаджимуса Мидов... Зарамук Кардангушев не просто легко вписывался в компанию этих легендарных, поистине выдающихся сынов

своего народа. Он был их общим любимцем, в их окружении он всегда оказывался в роли магнита, сплачивающего их воедино.

Еще в студенческие годы в нем проявилась еще одна способность: по мотивам народных преданий и песен он создал пьесу «Каншоби и Гошагаг». Совершенно неслучайно именно спектаклем по этой пьесе открыла свой первый сезон в 1940 году театральная труппа молодых выпускников ГИТИСа. Впоследствии спектакль выдержал на сцене более пятисот представлений и по праву занял место в ряду классических постановок национального театра. Случилось так, что пьеса не была в свое время опубликована в печати, а в годы войны машинописный текст ее был утерян. После изгнания фашистов за пределы республики, когда театр возобновил свою постоянную деятельность, актеры восстановили текст по ролям, которые они помнили наизусть. Поистине, это завидная судьба – утраченное произведение приобретает вторую жизнь благодаря тому, что оно осталось в памяти многих людей. Надо сказать, что в конце 40-х – начале 50-х годов, пожалуй, не было ни одного школьного, студенческого, сельского драмкружка, – а драматических кружков тогда было необычайно много, – чтобы в нем не ставилась пьеса «Каншоби и Гошагаг». Добавим к этому и следующее: в многогранном творчестве Зарамука Кардангушева эта пьеса не единственная – в нашем театре успешно шло несколько спектаклей по его пьесам. Это и «Ходжа», и «Кабарда и Алтуд» и «Андемиркан» и другие постановки.

Следующая грань таланта нашего юбиляра, о которой почему-то меньше всего говорится, – это исполнительское мастерство. Судя по свидетельствам его современников, Зарамук Кардангушев действительно был замечательным драматическим артистом. К сожалению или к счастью, но в театре он проработал недолго. Но его публичные выступления с устными рассказами, чтением литературных произведений, исполнением фольклорных преданий, сказок, сказаний продолжились и продолжают, к нашей общей радости, до настоящего времени, неизменно оказывая на слушателей яркое впечатление. Не меньшее значение имеют великолепные радиоспектакли в его исполнении, чтение литературных и фольклорных произведений. Еще в середине 50-х годов Зарамук Кардангушев выступил по радио с циклом чтений отрывков из первого на кабардинском языке исторического романа «Горцы», написанного его старшим товарищем и коллегой Аскербии Шортановым. И если роман в короткое время получил широкую популярность, то заслуга в этом в немалой степени принадлежит его первому и замечательному чтецу, что признавал и сам автор. Как профессиональный актер Кардангушев в совершенстве владеет искусством живого исполнения. Это благоприобретенное достоинство великолепно дополняет природный дар незаурядного рассказчика и чуть ли не с молоком матери усвоенные навыки джегуако, традиционного носителя многогранной народной художественной культуры, в том числе и языковой. Наш сегодняшний юбиляр приобщился к ней с юных лет, так как вырос в семье, где отношение к искусству было почти сакральное: старшие братья Зарамука сами неплохо пели, собирали у себя лучших в округе исполнителей, в силу своих возможностей поощряли их творчест-

во. В дом Кардангушевых приходили последние носители многовековой джегуаковской традиции не только из родного селения, но и из соседних сел. Они пели песни, рассказывали предания, устраивали народные игры, а вместе с участием в застольях еще успевали учить мальчика своему прекрасному искусству. Тем самым еще в раннем возрасте Зарамук Кардангушев приобщился к тому делу, которое впоследствии во всей его жизни стало главным.

Старые джегуако сохранили традицию, переходившую в течение многих веков от старших поколений к последующим и совершенствовавшуюся на протяжении веков благодаря самым талантливым поэтам, песнетворцам, певцам, мастерам организации ритуальных игрищ. Будучи от природы уникально одаренным, получив великолепное традиционно джегуаковское воспитание, а впоследствии еще и блистательное актерское образование, Зарамук Кардангушев стал надежным связующим звеном между носителями древней народной поэтической, музыкальной и театральной традиции и представителями современных профессиональных видов искусства. С одной стороны, он неподражаемый знаток и исполнитель сотен, если не тысяч, народнопоэтических произведений и ключевая фигура в создании подлинно народной карнавалльно-праздничной обстановки в своем близком окружении. С другой – он великолепный драматический актер современного классического типа, воспитанный на системе Станиславского. Мало того что он профессиональный чтец-декламатор, исполнитель литературных авторских произведений, он исполнитель и фольклорных стихов, сказаний, притч, которые обработаны и адаптированы к новым условиям. Благодаря своей поистине феноменальной памяти Зарамук стал живым носителем сотен разнообразных сюжетов, мелодий, ритуально приуроченных тирадных формул. Вряд ли он и сам даже при большом желании сосчитает число историй, которые готов будет рассказать применительно к тому или иному случаю. Не счесть число песен, которые он может исполнить, количество народных пословиц, поговорок, метких образных формул, стихотворений, блистательных благопожеланий-хохов, которые он знает и может использовать в своей речи, иногда специально исполняя их, а чаще всего просто экспромтом вплетая в свою речь.

Уникальные природные способности этого удивительного человека получили такую необычайную огранку сочетанием народных и высокопрофессиональных элементов, что его выступления по радио, телевидению и перед живой аудиторией стали по-настоящему ярчайшими явлениями национального искусства. Даже когда он в обычном разговоре рассказывает о каком-то заурядном бытовом явлении, окружающие внимают ему с замиранием сердца – будто он исполняет самое занимательное художественное произведение. Это высочайшая степень владения словом, и Зарамук Патурович довел его до совершенства. Поэтому оказаться рядом с ним в компании или же послушать его выступление на сцене, – как говорят артисты, «вживую», – это большая удача. Всякое общение с этим человеком становится прикосновением к подлинно высокому искусству, к той сфере человеческой культуры, которая ни с годами, ни со столетиями не устаревает, не теряет своего значения и не бледнеет ни перед какими

новомодными явлениями в современном искусстве, поскольку то, что делает Кардангушев, относится к категории вечных духовных ценностей человечества.

После таких возвышенных и вполне заслуженных оценок следует признать, что мы еще не затронули область, в которой он завоевал самую большую славу, – исполнение народных песен. Этому мастерству он учился, как мы уже отметили, еще с самого детства. Он сам вспоминает, что во времена учебы в театральном институте на его музыкальные способности обратили внимание профессора Московской консерватории, они предлагали ему брать у них уроки вокала. Тогда этого не произошло.

Видимо, причиной тому стало следующее обстоятельство. Всякий профессиональный музыкант апеллирует в своей деятельности к европейской традиции, которая опирается на строго систематизированные каноны, закрепленные нотной грамотой. Народная же песня сочиняется и исполняется без учета всяческих грамматических правил, как говорится, – как Бог на душу положит. А вернее будет сказать, что у фольклорной традиции своя собственная грамота. Поэтому здесь особенно важно не только то, чему и как исполнитель учился, а то, насколько он одарен свыше и как он сам сумел усовершенствовать свой божий дар. Даже современные специалисты-музыковеды не могут при записи народной музыки обойтись семью нотами и другими общепринятыми знаками. Чаще всего они бывают вынуждены придумывать целую систему своих обозначений, которые призваны в точности отобразить на письме все особенности звучания народной песни. Так вот, Зарамук, обладающий редчайшим дарованием и с детства приученный петь в стиле адыгской джегуаковской традиции, как можно полагать, не мог принять близко к сердцу те правила, которые исповедовали консерваторские профессора. Это не означает, что кто-то здесь прав, а кто-то нет. Просто мы имеем дело с принципиально различными явлениями культуры, которые не всегда удается без труда совместить. Как писал замечательный композитор Аслан Дауров: «...И песня, и мелодия порождаются жизнью народа, его идеалами и его психологией. Народная мелодия даруется человеку Богом, и если он тебе не дал ее, ты можешь окончить хоть все консерватории мира, но ты не сможешь исполнять адыгскую народную песню». Зарамуку Кардангушеву быть народным певцом предопределено самим Создателем.

Если бы в наши дни в ходе какого-либо массового опроса был задан вопрос: «Каков, по вашему мнению, идеал адыгского народного песнопения?», вряд ли нашлось много наших соплеменников, которые не указали бы на Зарамука. Нельзя сказать, чтобы вузовское образование никак не повлияло на его песенное исполнительское искусство. Не случайно профессор Беслан Ашхотов, специально исследующий это явление, пишет, что профессиональный тренинг на уроках сценической речи в театральном институте способствовал выразительному звучанию его речи, и впоследствии это, без сомнения, оказало заметное влияние на характер и стиль исполнения песен. Но дело в том, что свойство, приобретенное таким образом, не подавило мощнейшего народного колорита, а было ассимилировано и подчинено джегуаковской традицией, которая крепко запала

в сознание. В результате органического слияния двух тенденций сформировался уникальный и великолепный певец, настолько уникальный, что он за короткое время получил широчайшее всенародное признание не только в Кабардино-Балкарии, не только в Адыгее и Карачаево-Черкесии, но и во всех уголках нашей планеты, где бы рассеянные по свету адыго-черкесы ни проживали компактно. Благодаря своему творческому дарованию он заслужил широчайшую, поистине всенародную любовь, а его неповторимый голос стал ассоциироваться с голосом самого народа. Не может быть признания выше этого! Говоря так, мы не склонны преувеличивать, потому что песни Зарамука любят и простые люди, далекие от занятий искусством, и представители всех слоев интеллигенции, и самые признанные профессиональные музыковеды, музыканты-инструменталисты, и певцы с самыми громкими титулами и званиями.

Если бы Зарамук Кардангушев в своей жизни не умел ничего, кроме перечисленного выше, этого было бы более чем достаточно для преклонения перед ним. Однако есть еще одна область деятельности, в которой выдающиеся заслуги его совершенно бесспорны. Вспомним, что его первая пьеса была написана по мотивам народных преданий и песен. Еще тогда проявилась его тяга к народной культуре. Уже после войны, будучи одним из ведущих актеров национального театра, он без сожалений оставляет сцену и уезжает вместе с Аскерби Шортановым и группой ученых в длительную фольклорную экспедицию. Долгими месяцами он ездил из одного селения в другое, из одной области в другую, где проживают адыги, часто пешком обходил в день несколько десятков домов, чтобы записать образцы народного песенного и поэтического искусства.

Так началась научная деятельность этого многосторонне одаренного человека. Более полувека с небольшими перерывами он проработал в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте, учреждении, которое сегодня мы именуем Институтом гуманитарных исследований. Он был участником десятков научных экспедиций, записал сотни и тысячи страниц фольклорных текстов и тысячи метров магнитной ленты. За время работы в институте он побывал во всех местах компактного проживания адыго-черкесов в нашей стране, неоднократно выезжал в Турцию, Сирию, Иорданию, встречался с множеством лучших знатоков народной художественной культуры и все время записывал, записывал и записывал.

За годы и десятилетия накопился огромный по объему и бесценный по значимости материал, требующий своего возвращения в народ в виде отдельных публикаций в периодике или же целых сборников. Зарамук Кардангушев принял деятельное участие в подготовке множества знаменательных изданий, которые стали этапными явлениями в культурной жизни нашей республики. Таковы, например, «Нарты. Кабардинский эпос», выпущенный в 1951 году, двухтомный свод «Адыгский фольклор», вышедший в 1963 и 1969 годах, первый крупный свод адыгских пословиц и поговорок в двух книгах (это годы 1965 и 1967), академическое издание «Нарты. Адыгский героический эпос» – в серии «Эпос народов СССР» (1974) и ряд других. Он же в одиночку или вместе с кем-то из коллег подготовил

замечательные сборники адыгских сказок, анекдотов, благопожеланий, пословиц и поговорок, загадок, песен, нотных записей инструментальной народной музыки. Его перу принадлежат прекрасные обработки народных сказок, несколько подарочных изданий сборников народной афористики. Он же совместно со своим коллегой и соратником Хазешей Шогеновым написал замечательную книгу об адыгских обычаях.

Кроме того, ученый Кардангушев – автор не менее двух сотен научных и научно-популярных статей, в которых освещаются вопросы взаимосвязи фольклора и исторической действительности, раскрываются тайны, связанные с происхождением и героями многих песен и преданий. Уже в последние годы, на склоне лет, ученый издал книгу «Андемиркан», в которой собрал самые интересные варианты многочисленных преданий и песен о легендарном народном герое. В этой же книге дается глубокое исследование эпохи Андемиркана и сюжетов о нем. Не обошел автор вниманием и суждения разных других исследователей, посвященные этому герою. Следом, совместно с молодым музыковедом Анджелой Гучевой, он выпустил сборник нотных записей народной инструментальной музыки адыгов.

Как нетрудно заметить, наш уважаемый юбиляр в свои 90 лет никак не выглядит умиротворенным пенсионером – он полон новых идей и готов еще многое сделать для национальной культуры.

Но, пожалуй, главным делом его жизни стала работа по подготовке и изданию многотомной серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов». Задумывался этот грандиозный проект именно Зарамуком Кардангушевым, и было это еще в начале семидесятых годов. По мере углубления в материал изменялись и взгляды, и масштабы замысла. Со временем к делу было привлечено более десятка лучших специалистов не только нашей республики, но и страны. Правда, не все решались посвятить себя этой благородной, но трудоемкой работе. Кто-то, испугавшись грандиозности замысла, уходил, кто-то приходил. Неизменным оставалось то, что душой всей огромной по объему работы были сам Зарамук Кардангушев, упорно, дни и ночи напролет собиравший материал, выписывавший тексты с магнитной ленты, составлявший подробнейшие комментарии к каждой песне, а рядом с ним два самых преданных идее человека – глубокий аналитик филолог Заур Налоев и тончайший этномузыковед Владимир Барагунов. Вокруг них собралась великолепная когорта подлинных энтузиастов, готовых положить все свои силы и время на служение народу и науке. Тогда далеко не все понимали, да и сейчас не всем дано понять, насколько важное для национальной культуры дело взвалили на свои плечи эти несколько человек. Но когда в 1986 году, наконец, вышел в свет первый том, на его появление раньше всех обратила внимание сама Академия наук СССР: в ее официальном документе книга названа не иначе, как **«... ценным вкладом в важнейшее дело изучения классического наследия древней устной поэзии народов СССР»**, а также **«...новым этапом в развитии советской фольклористики»**. К сожалению, даже такая небывало высокая похвала не способствовала подлинно достойной оценке издания в родной республике. Видимо,

сказались тяжелые перестроечные времена, когда общество волновали совсем иные проблемы.

Впоследствии вышло еще три книги этой серии, также получившие признание в большой науке. И если последующие тома серии пока еще не увидели света, то это отнюдь не вина великого труженика и преданного своему делу исследователя, а просто временная невозможность побороть обстоятельства. Есть, однако, основания надеяться, что в скором времени мы увидим изданным очередной том серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов».

Уместно будет заметить, что вокруг этой большой работы в середине семидесятых годов прошлого века сформировался замечательный коллектив единомышленников, каждый из которых сполна проявил свои лучшие профессиональные качества. Это светлой памяти Владимир Барагунов, который самоотверженно, после того, как несколько талантливых музыкантов отказались, взял на себя основную тяжесть по подготовке музыкальной части материалов. Здесь же всемирно известный ученый, профессор Евгений Владимирович Гиппиус, осуществлявший общее научное руководство изданием, Заур Налоев, ставший руководителем группы переводчиков, которые разработали принципиально новую в отечественной практике систему структурного перевода, а также еще несколько замечательных специалистов, которых объединила предложенная Кардангушевым идея. Грех было бы не назвать здесь имена энциклопедически образованного Абубекира Гукемуха, тончайшего знатока адыгского языка и народной культуры Нурби Иванокова, молодой, но так рано ушедшей из жизни Тамары Блаевой. Примечательно, что следом за адыгами такую же антологию задумали и подготовили балкарские специалисты; надеемся, что в ближайшее время мы сможем увидеть и их труд.

Какой бы области нашей жизни ни коснулся этот человек, он на всем оставляет печать высокого профессионализма, беззаветной любви к жизни, ко всем живущим, к своему делу. Уж такова его натура. Даже при его гигантской работоспособности нельзя не восхищаться тем, как много он успел хорошего сделать за свою долгую и красивую жизнь. Что такое Зарамук Кардангушев для нашей культуры? Это бесчисленное множество публикаций в газетах и журналах с анализом старинных песен и преданий, это художественные произведения для детей и взрослых, это издания фольклорных произведений самых разных жанров – от миниатюрных по объему пословиц и поговорок до широких эпических сказаний. Это также устные выступления по радио, телевидению или же прямо перед живой аудиторией.

Если бы сегодня потребовалось создать обобщенный портрет типичного сына своего народа, то можно было бы без долгих размышлений вместо безликого собирательного образа предложить фотографический портрет Кардангушева. На то есть много причин, часть которых мы уже назвали. Это и яркий талант, и огромная трудоспособность, и многогранность дарования. Но кроме всего сказанного надо помнить, что у него, как и у нашего многострадального народа, была непростая, драматическая судьба. Он вырос сиротой и поэтому привык полагаться только на самого

себя. Он испытал тяжелые потрясения, особенно во время войны, так как был рядовым ее участником, познал и унижительную участь военнопленного, и удел беглеца из неволи, и тяжелые дни на передовой, и ранения. После войны он в разное время потерял многих своих родных, в их числе всех братьев и сестер, первую жену, всех троих сыновей, внуков. Это та сторона биографии, о которой, быть может, и не надо было вспоминать в такой светлый день. Но это биография человека, и ее из жизни не выбросишь. Зато, зная это, мы еще более ценим высокий оптимизм, идущий из самых глубоких корней народного характера, который вопреки законам природы позволил народу сохранить не только себя, но и неиссякаемый оптимизм, неиссякаемую любовь к жизни и любовь ко всем другим народам. Вот это качество делает нашего юбиляра, человека с кабардинским именем и фамилией, человеком, близким для всех людей, в которых есть высокая духовность, подлинное благородство и умение видеть в каждом человеке человеческое.

Да, Зарамук Кардангушев – личность знаковая для наших народов. Но кто-то может задать такой вопрос: «А не человек ли это ушедшего тысячелетия? Не слишком ли много мы уделяем внимания безвозвратно ушедшему, вместо того, чтобы повернуться лицом в сторону общеевропейских, а по сути легкоусвояемых американских ценностей, распространение которых все больше принимает характер эпидемии?». Этот вопрос законен, актуален, и ответить на него надо, чтобы мы ясно представляли себе, где у нас прошлое и где же то будущее, куда надо смотреть.

Прежде всего, мода приходит и, не задерживаясь, в свой срок уходит. Остаются те вечные ценности, которые ни с годами, ни с веками не стареют. Вот так не стареют идеалы добра, благородства, высокого достоинства, которыми питают нас исполняемые нашим Зарамуком народные песни. Мудрость народа и накопленный за тысячелетия опыт истории содержатся в прекрасных сказаниях о нартских богатырях и рыцарски благородных героях более позднего времени. Бесценные россыпи человеческого опыта и воплощенные примеры красоты родного поэтического слова содержатся в блистательных тирадах благопожеланий и, как стрела, метких лаконичных афоризмах пословиц и поговорок. Это все ценности, крайне необходимые всякому цивилизованному человеку, в какое бы время и в какой бы среде он ни жил. Если мы всего этого не знаем, то, *скорее всего, именно мы сами отстали и остались в прошлом тысячелетии, а носитель и хранитель всего этого несметного богатства всех нас опередил, он пришел к нам совсем не из прошлого, а из того самого будущего, о котором мы мечтаем*, но которого ясно себе не представляем из-за своей близорукости, так как исповедуем порою не подлинные, а навязанные извне ложные идеалы.

Мир этот был создан в многообразии людей, живых существ, растений и даже самой поверхности земли. Чем более мы уничтожаем это многообразие, тем более приближаем конец мира. Поэтому такие люди, как Шора Ногмов, Бекмурза Пачев, Кязим Мечиев, Али Шогенцуков, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков в свое время приходили в этот мир не просто для того, чтобы сохранить или умножить достояние какого-то одного народа.

Их призвание – облагородить весь этот мир в его многоцветье, в его разнообразье, в его естественной форме существования. К этой плеяде отмеченных свыше людей относится и Зарамук Патурович Кардангушев. Совсем не случайно, что в его песнях и преданиях свойствами добра и зла персонажи наделяются не по этническому признаку, не в соответствии с возрастом или социальным статусом. Героями его песен бывают и старые, и молодые, и женщины, и мужчины, и простые крестьяне, и князья, а, кроме того, не только люди его языка и племени, но также осетины и карачаевцы, дагестанцы и вайнахи, балкарцы и ногайцы, люди других национальностей. Симпатии к фольклорным персонажам определяются не чем-то иным, а именно их натурой. Поэтому *насколько наш сегодняшний юбиляр принадлежит своему поколению, настолько же он человек всех других поколений; насколько принадлежит своему народу, ровно настолько же принадлежит всем народам. Таков удел великих людей, и в этом высшая мудрость земли.*

В заключение позволим себе небольшое лирическое отступление. Одна из песен богатейшего репертуара Зарамука начинается с глубокого философского размышления о том, что огромный дремучий лес, ставший священным, произрос из одного семечка дикой яблони. Значит, *в бесконечно малом может быть изначально заложена модель всего мира, значит, между микромиром и целым космосом есть неразрывная связь.* Без этой связи нет жизни, нет самого белого света. Вот такая же связь существует между Зарамуком Кардангушевым и его народом, между Зарамуком Кардангушевым и целым миром. В нем, как в том маленьком зернышке, изначально заложен образ родного народа, образ национальной культуры как части культуры всего человечества.

Астрономы утверждают, что свет угасшей звезды может доходить до нас еще через тысячи лет. Значит, *угасает только материя, свет остается.* Вот так же и Зарамук: *живой свет, дух этого человека помогает нам быть чище и лучше, выше и сильнее. Он не даст нам угаснуть, омертветь при жизни. Для того, видимо, такие люди и приходят в наш мир – чтобы облагораживать наше существование.*

ПЕДАГОГ–МИРОТВОРЕЦ

Если сегодня у нас есть повод хоть в чем-то гордиться нашей страной, то первый и главный орден за это надо вручить всем российским учителям. И если сейчас мы говорим, что «страна поднимается», то это во многом потому, что в свое время, в начале 1990-х, когда рушилось все, что только может быть разрушено, устоял наш последний «оборонительный рубеж» – учителя советской школы.

Люди, которые в силу своей профессии должны быть примером для нас, сэкономили на всем (включая продукты) и не могли позволить себе самое элементарное. Известно, что многие недоедали. Другим пришлось работать в нескольких местах, причем и в этом случае денег еле хватало на еду и оплату квартиры. сельским учителям было еще хуже, потому что школа зачастую была единственным работающим учреждением. Многие не выдержали и ушли в «рынок» или в какие-то другие места. Остались самые крепкие и самые преданные своей профессии люди. Их воспитание и принципы не позволили им покинуть тонущий корабль. Выросшие в советской системе, они поставили понятие «долг» выше всего остального. Все вокруг рушилось, жалобы стали нормой общения, а эти люди, отодвинув личные проблемы, каждый день находили в себе силы идти на работу и делать свое дело. Не особо заметное, на первый взгляд, но уже сегодня давшее зримые плоды. И когда мы говорим, что «страна поднимается» после двух десятилетий разрушительных экспериментов, мы обязаны понимать, что поднимается она за счет молодых, которых еще совсем недавно учили и воспитывали эти скромные люди.

Я бы назвал эту категорию учителей миротворцами. И хотя по нынешним временам это слово имеет несколько военный окрас, но настоящие миротворцы – это они. Учителя и, прибавим, врачи. Говорю, конечно же, о лучших. Настоящих тружениках и профессионалах своего дела. Таких, как Раиса Мустафаевна Житиева. Пока одни спорили, другие жаловались, а третьи воровали, это «племя» работало и создавало будущее страны в лице своих учеников. Которые, становясь взрослыми, несли в жизнь то, чему их учили люди, подобные Раисе Мустафаевне.

У каждого руководителя, как известно, свой стиль. Стиль Раисы Мустафаевны – порядок и дисциплина. А еще подвижность, которая присутствует во всех учебных и, особенно, внеучебных процессах. Дети заняты в огромном количестве мероприятий, соревнований и конкурсов республиканского и всероссийского уровней. И вся эта сверхдинамика – «фирменный стиль» Раисы Мустафаевны.

Директором 28-й общеобразовательной школы города Нальчика она стала в 1987 году, когда учебное заведение еще только строилось. В таких случаях у руководителя особое отношение к своей работе. Это можно сравнить с отношением художника к своей картине. К слову, она так и создавала свое «произведение». С нуля и по сегодняшнему дню, когда школа стала одной из лучших в городе.

– Ваша школа сразу производит хорошее впечатление. Все на своих местах. Порядок во всем, чистота, дисциплина. Целая стена Почетных грамот, наград, поощрений. Вот, к примеру, – документ о выделении учебному заведению миллиона рублей, как одной из лучших школ.

– Каждому приятно, когда его работу оценивают по достоинству. В этом смысле нам здесь грех жаловаться. Мою работу как директора, труд всего

нашего коллектива всегда оценивали справедливо и без предвзятости. При этом мы понимаем, что самый важный результат – это наши ученики, уровень их знаний, их человеческие качества.

Мы обратили внимание на то, что в школе чистота и порядок. Это не показуха. К нам можно зайти в любое время – увидите то же самое. И причина этому очень простая: там, где дети, на первом месте должны быть порядок и дисциплина. Это не та сфера, где можно позволить себе расслабиться.

– Мы говорим, что требования к выпускникам в разные времена были разными. Ведь нельзя, к примеру, сравнивать молодежь шестидесятых годов с нынешними юношами и девушками. В чем-то, конечно, да, учитывая, что сущность человека как такового принципиально не меняется. Но вот перед нами день сегодняшний, с его плюсами и минусами, с его новыми вызовами, как сейчас принято говорить. Сегодня мы имеем свой перечень проблем: религиозный фанатизм, национализм, экономические проблемы, глобализация и т. д. и т. п. Чему сегодняшняя школа должна учить ребенка в первую очередь? К чему она должна его подготовить?

– В первую очередь мы должны научить своих воспитанников жить в обществе, жить среди людей, быть полезными, быть доброжелательными, уметь думать своей головой, уметь держать удар, а если случилось упасть, то найти в себе силы снова подняться на ноги. Я понимаю, что это сложная задача и школа как таковая не может дать абсолютно все. Но мы можем сделать первый шаг и, как показывает практика, этот шаг в жизни большинства людей очень важен. Ведь не просто так наши дети участвуют во всевозможных олимпиадах, соревнованиях, конкурсах и т.п. Речь идет о стиле жизни, когда человек всегда занят чем-то полезным для самого себя или для кого-то другого. То есть живет полной, интересной и насыщенной жизнью. Не факт, что каждый из них и дальше будет жить в таком же ритме. Но основа уже заложена.

У нас создана своя детская организация, напоминающая, конечно же, многим взрослым людям их пионерское детство. А почему бы и нет? Почему бы не воспользоваться тем, что себя оправдало на практике? Особые человеческие качества советских людей, воспитанных в советской системе – отнюдь не миф. И если сегодня в нашей школе обычным делом считается помогать ветеранам, людям с ограниченными возможностями, то это не может не отразиться на детях, их взглядах на жизнь и на их привычках. Если делать добро становится привычкой, то и наш педагогический труд не напрасен.

Раньше, в советские времена, меня удивляли некоторые иностранные фильмы, в которых главный герой оказывался один на один с какими-то жуткими проблемами, а людям вокруг не было до этого никакого дела. Жесткость (и жестокость) капиталистического мира была нам в диковинку. Идеология индивидуализма была нам непонятна, особенно когда вскрывалась ее оборотная сторона.

Но вот времена изменились, и жизнь стала другой, больше похожей на те самые фильмы, которые пугали нас несколько десятилетий назад.

У нас нет ответов на все вопросы. Но одно известно точно – во все времена воспитательная линия не меняет своего вектора. Главный принцип очень прост – ни при каких обстоятельствах не терять человеческий облик. Верить в человечность, милосердие, гуманность и интернационализм.

Если говорить о понятиях «индивидуальное» и «коллективное», то не

будем забывать, что у нас, – кабардинцев, балкарцев, – коллективизм является частью нас самих, нашей ментальности. Все-таки мы не можем просто так пройти мимо чужой беды и через минуту о ней забыть, переключившись на собственные дела и проблемы зарабатывания денег. Это не свойственно нашим народам.

Можно добавить сюда и патриотизм, как бы пафосно это ни звучало. Я говорю о патриотизме, который не зависит от каких-либо внешних факторов. Который не зависит даже от политического строя, не говоря уже об экономической системе. Это как нравственная ценность. Это любовь к своей стране несмотря ни на что.

– Говорят, мы не можем воспринимать адекватно то, что называется патриотизмом. Мы не можем пользоваться этим опасным выражением. Есть мнение, что начинаем мы обычно с патриотизма, но потом очень быстро скатываемся в болото национализма, шовинизма и далее.

– Может быть. Но ведь все хорошо в меру. Никто не призывает впадать в крайность или фанатизм. Кроме того, когда ты по-настоящему любишь свой народ, ты обязательно будешь уважать и другие народы. Так что чувства «патриотов»-фанатиков в принципе нельзя назвать любовью к своему народу. Я бы сказала так. Может быть, ошибаюсь, но мне думается, что любой состоявшийся и благополучный человек – уже патриот.

Да, при желании можно найти тысячу причин, почему тебе не удалось стать успешным. Но все познается в сравнении. Можно ли нынешнюю жизнь с ее безграничными возможностями сравнить с 1944 годом, когда балкарцев оторвали от родного очага, выбросили в холодную степь и сказали: «Выживайте, если сможете!». И выжили. И никто не жаловался. Что тут думать, что тут жаловаться? Бери и делай. Учись, занимайся спортом, познавай мир, создавай семью, воспитывай детей ...

Пожалуй, надо добавить, что единой (и эффективной) общегосударственной доктрины относительно молодежи пока не существует. Сейчас многие удивляются, что нынешняя российская школа несет в себе очень много от той, советской школы. А что тут удивляться? Со времен Советского Союза в нашем «школьном доме» мало что изменилось. Да мы и рады принять на вооружение что-то новое. Но это тогда, когда оно будет.

Важно дать понять маленькому, растущему человеку, что ему необходимо искать конкретно свой путь, а не тот, который навязывают ему, скажем, с экрана телевизора.

– Может ли сегодняшний учитель быть еще и счастливым человеком?

– Может, если это его призвание. Хотя говорить об этом трудно. Так же трудно, как и прожить на мизерную зарплату в месяц. Но те, кто видит в этом свое призвание, работают несмотря ни на что.

Обидно, конечно, видеть многих уважаемых и заслуженных людей из «нашего цеха», которые вынуждены подрабатывать на двух-трех других работах, чтобы как-то свести концы с концами. Но вот я представляю ситуацию, если учителям вообще перестанут платить, – будут ли такие, для которых и это не станет препятствием для выхода на работу? Да, отвечаю сама себе, будут. Это невозможно объяснить, но среди нас есть такие учителя, которые будут работать не только за «спасибо», но и на будущее. Можно ли назвать это счастьем? Трудно сказать. Скорее всего, это что-то связанное с чувством долга. Я бы назвала это служением.

Кабардинский Государственный драматический театр им. Али Шогенцукова

Людмила МАРЕМКУЛОВА

Правда и «кривда» Басира Шибзухова

*Театр вытаскивает обман и ложь
из их кривых лабиринтов и показывает
дневному свету их ужасную наружность.*

Фридрих Шиллер

Басир Данилович Шибзухов родился в с. Кенделен (КБР) в 1952 г. В 1970 году поступил в Театральное училище им. Щукина (Москва). С окончания театрального училища в 1975 году работает в Кабардинском драматическом театре им. Али Шогенцукова. С 2007 года – художественный руководитель театра. Заслуженный артист РФ, заслуженный артист КБР, лауреат Государственной премии КБР. За время работы на сцене Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцукова им сыграно более 50 ролей.

Когда отношение к правде, «всамделишности» в творчестве со временем не проходят под давлением принципа целесообразности на дальний план, можно и нужно говорить о таланте, заложенном Всевышним. Одни долго, в процессе неустанныго и кропотливого труда ищут в себе природный дар, другие, зная о своей особенности, лихо хватают судьбу за «хвост». Если нет благоприобретенного трудолюбия, то легко прийти к мании величия. Но есть и такое, когда человек творческий честно и неустанно присматривается к себе, своему внутреннему миру, когда динамика постижения профессии становится для него неотъемлемой потребностью его «я». Таковым является Басир Шибзухов, артист, художественный руководитель Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцу-

кова. Закономерная случайность приводит его в театральное училище им. Щукина. Юноша, выросший в большой сельской кабардинской семье, не видевший ничего интереснее села Баксан, попадает в знаменитое театральное училище. Там работают известные на весь мир актеры, которые учат актерскому мастерству, с ними играют на сцене училища... Мир перевернулся в воображении Басира; все становится другим, шокирующе непонятным. Первое посещение оперного спектакля до сих пор осталось для него одной из самых ярких эмоций. Потрясением было то, что далеко не молодые актеры играли роли Татьяны, Ольги, Ленского в опере «Евгений Онегин». Но ведь он очень хорошо знает, что они у Пушкина молодые и красивые! «А где же правда?!» – восклицает юноша. В конце второго курса смятение ума и сердца становится настолько большим, что ответы на вопросы «почему я здесь?» и «где правда и где ложь?» становятся для студента Басира Шибзухова жизненно важными. Он принимает решение уйти из училища и заняться постижением другой профессии. Но предварительно надо поговорить с Леонидом Владимировичем Калиновским, руководителем студии. Юноша ставит вопрос ребром: «Из меня выйдет актер или нет? Если нет, то зачем тратить время?». Ответ Калиновского, которому студийцы верили, как Богу, определил в жизни Басира все – жизненные и профессиональные позиции, критерии самооценки. «Ты один из тех, на кого я возлагал самые большие надежды. Ты не дергайся, работай и все будет нормально». Все становится на свои места, теперь студент знает, где искать точку отсчета для постижения профессии – надо много работать. Когда в тебя верит сам Калиновский, что являлось и является для студийцев истиной, божественной правдой, только трудом, истовым, всепоглощающим, можно оправдать такое доверие. Результаты не преминули появиться. Шибзухова стали отмечать на кафедре, ему дают интересные и большие роли. И Басир поверил в свою профессию, в то, что его внутренний мир позволяет ему ощущать, создавать самому магическую силу актерского мастерства. Он точно знает теперь, куда и как надо идти, и для этого надо четко знать, что нельзя отклоняться от той линии правды, которую единожды вкусил.

Творческое восхождение в любой профессии и зависит от хронологии событий, и не всегда за ней следует. Для каждого по-своему. Для актера Басира Шибзухова главное в преодолении – себя или предубеждения извне. Будучи во многом максималистом, правдолюбом, Басир до сих пор не приемлет для себя ни в жизни, ни в творчестве фальши, чего-то сделанного «спустя рукава». Собственно, и его друзья-однокурсники, вернувшиеся после окончания «Щуки» в Кабардинский драматический театр в полном составе, заряжены Л.В. Калиновским большим предназначением. Все они верят (до сих пор!), что чему их учили, непременно должно быть востребовано обществом и они должны честно отдать людям Богом дарованный талант.

Когда главный режиссер Кабардинского драматического театра С. А. Теуважев не разрешил показывать на сцене театра дипломный спектакль Руслана Фирова «Святая святых», для студийцев этот запрет

не стал запретом на творчество. Отнюдь! Появляется азарт самоутверждения молодых, адреналин, который нужен как воздух, оправдан всей их верой в то, что они настоящие служители сцены... Этот спектакль был их самостоятельной работой, которую делали после выездов, по ночам и выходным в мастерской художника. Критики из Москвы отметили работу режиссера-дебютанта Руслана Фирова как уникальную. Интересной, доселе не виданной была отмечена сценография молодого художника Руслана Цримова; актеры Басир Шибзухов, Анатолий Татаров, Бэлла Бжеумихова, Тамара Балкарова, Мария Нашапигова играли на одном высоком дыхании. «Такого мы не видели ни в Москве, ни в Риге», – сказали критики и предложили любому из группы работу в больших театрах страны. На выбор.

И Руслан Фиров уезжает в г. Грозный работать режиссером русского драматического театра, а Анатолий Татаров – в город Тверь. Басир не уезжает только в силу семейных обстоятельств. Через четыре года возвращается Фиров Руслан, а Анатолий Татаров, несмотря на полную и интересную творческую загруженность – через десять лет. Ностальгия, и с этим ничего не поделаешь.

По возвращении Р. Фирова снова появляется необходимость самостоятельной постановки. На этот раз это «Кукарача» Нодара Думбадзе. Снова собирается труппа в мастерской Руслана Цримова, снова работают по ночам... Работа над спектаклем идет быстро, слаженно, интересно и вскоре те представители интеллигенции, которые были театраллами, считали очень важным для себя попасть на генеральную репетицию, на сдачу, на прогон, уже не говоря о премьере. Ошеломляющий успех спектакля остался в анналах истории кабардинского театра. Когда показывали спектакль критикам из Москвы (а это происходило в мастерской Руслана Цримова!), Басир, который играет роль влюбленного бандита Муртало, сжимает во время монолога в руке бокал. Происходит невероятное – осколками летят на пол, актер даже не поцарапался! Этот случай давно стал легендой культурной жизни республики, и сила искусства, его правда были подтверждены на многие годы. Все, кто так интересно, талантливо делали спектакли, были кумирами не только их ровесников, но и более старшего поколения. Это было по-настоящему свежим воздухом, глубокой духовностью современников, и не увлечься красивым, эмоционально глубоким артистом Басиром Шибзуховым было для девушек проблемой... Это все было тогда, когда «деревья были большими». Позже, уже как плановый, ставится Русланом Фировым спектакль «Чинарский манифест» по пьесе А. Чхеидзе, также имевший у зрителя большой успех. «Басир Шибзухов – это единственный, на мой взгляд, исполнитель, кому удастся создать образ более глубокий и значительный, чем написанная для него роль. Его глазами мы оцениваем, даже когда его нет на сцене», – так писала Е. Яропольская в 1984 году.

Правда, которую добываешь трудом, дорога и становится фундаментом личности. Басир Шибзухов понимает, чувствует, что сцена не терпит фальши, не принимает эмоции, которые неоправданны или наиграны. Он

понимает, что доверие Учителя можно оправдать только честным трудом и любовью к тому, что делаешь. «Актерство – неумная профессия. Большинство актеров, даже самых востребованных, не удовлетворены. Ролями невозможно насытиться, хочется играть новые, интересные. Я не могу сказать, что был невостребован; сыграл много интересных, больших ролей. Дай Бог каждому иметь столько». Но... Все лучшее рождается по интересу. И когда работой актер хочет доказать себе, на что способен, когда «планка» требований к своему ремеслу неустанно «ползет» вверх, невозможно не стремиться к ее преодолению. Это выше сил профессионала. Магическая сила сцены не отпускает ни на миг, и все, что происходит в жизни актера Басира Шибзухова, почувствовавшего, вернее, вкусившего этот наркотик лицедейства, становится для него главным и единственным. Остальное – около этого. «Несмотря на аншлаги, известность, не было ни зазнайства, ни пренебрежения к работе; это благодаря воспитанию Калиновского. Я с иронией отношусь к себе и если потеряю это, то пропал. Если посчитаю, что роль сделана мною гениально, то... Так не может быть. Самая большая проверка – это реакция, отклик зрителя на то, что ты делаешь на сцене. Актер всегда чувствует, когда зритель его понимает. Правда лежит в моем отношении к тому, что я делаю, и я сам себе критик».

После спектакля «Рядовые» по А. Дудареву, в котором Шибзухов играет роль Дервоеда, писали: «Басир Шибзухов обладает завидным дарованием, что делает его удивительно своеобразным и очень интересным актером» (Х. Кодзоков. 1986). За кулисы приходили участники войны, которые, не скрывая слез, говорили: «Что ты с нами делаешь?!» Это были те мгновения правды, откровения, к которым талант Басира Шибзухова всегда стремится, и такая зрительская реакция, сопричастность дорогого стоит. Единожды «пойманная» в силки мастерства правдивая, подлинная эмоция, уже не отпускает мастера сцены и именно ее всегда хочется отдавать зрителю. Создание атмосферы, энергетического посыла в игре, реалистичность создаваемого образа – это то, на чем зиждется реалистическое сценическое искусство. И Басир Шибзухов остается в рамках того глубокого реализма, которому научили в «Щуке», который является стержнем его творчества не только как актера, но и режиссера, педагога. Принимая все эксперименты, которыми изобилует современное театральное пространство, Басир Шибзухов мерилom истинности считает талант, а это значит – правдивость посылаемой зрителю эмоции. Тогда дурновкусие не поглощает талант и форма не поглощает содержание. Нужна Мера, являющаяся критерием вкуса и таланта. Сыгранных ролей, ставших творческой вехой, у Басира не так уж мало. Это профессор Преображенский в «Собачем сердце» М. Булгакова (реж. К. Хачигогу), Иван Грозный в «Орле и орлице» А. Толстого, Дервоед в «Рядовых» А. Дударева, Муртало в «Кукарече» Н. Думбадзе и многие другие. «У нас был очень хороший спектакль «Собачее сердце», где я играл роль профессора Преображенского. Касей Хачигогу сделал сцену, которой не было в сценарии. Профессор и его ассистент Борменталь напиваются и профессор

говорит: “Природу нельзя трогать”. Это моя любимая сцена». Актер хорошо понимает, что для зрителя важна философия этого спектакля, и он правдиво говорит ему о своей точке зрения через образ профессора.

Сложностей в театральной жизни больше, чем можно предположить. И взявшись за такую «роль», как художественное руководство театра, Басир Шибзухов не может не осознавать всей важности для культуры выбора репертуара. «Зритель у нас разный, и это слава Богу. Есть зрители, которые приходят за философией, есть зрители, которые приходят для боли, а есть и такие, которые просто хотят поохотаться. Это реалии, от которых никуда не денешься». И художественный руководитель пытается эмпирически, а не в процессе умозрительных рассуждений, выработать стратегию и тактику руководства художественным процессом театра. Это очень сложно. Но Басир Шибзухов знает, что главное в том, чтобы не потерять чувства правды, и он предоставляет большую свободу режиссерам в выборе пьес для постановок. «Кто-то сегодня готов для Гоголя, кто-то для Чехова и т. д. Ставьте, пробуйте, играйте!». В настоящее время идет большая работа по восстановлению спектакля «Орел и орлица», ставится «Трактирщица» Гольдони.

Много лет Басир Шибзухов занимается педагогической деятельностью – вначале как руководитель студенческого театрального коллектива КБГУ, а затем как преподаватель СКГИИ. У него уже четвертое поколение выпускников института, профессиональных актеров, и он гордится тем, что ученики преданы ему, как педагогу. Они верят ему, доверяют свое становление, как когда-то и он верил своему педагогу Л.В. Калиновскому. «В преподавании я почувствовал кейф, хотя сначала боялся. Отношения складываются, как и у нас студийцев с Калиновским, отеческие. И это тоже заслуга нашего Леонида Владимировича». Басир Шибзухов как актер, художественный руководитель театра верит только в его расцвет. И порукой тому является ежечасное честное служение сцене, которое не может не дать плодов расцвета. «Сегодня еще не сделан тот спектакль, который можно назвать вершиной репертуара. Нам нужны замысел, автор, режиссер, которые наиболее полно раскроют кабардинскую тему. Театр для меня не просто театр, это культурный центр. Это мое кредо. Осовремененный театр – это тот театр, в котором переплетены красивое, достойное историческое прошлое и этническое с сегодняшним временем. Я хочу поставить «ХIэнцигуашэ» ритуально, с песнями и танцами, и участвовать будут взрослые и дети». Уверенность Басира Шибзухова в важности для этноса развития Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцукова нашла основание в словах президента КБР, который считает, что у кабардинцев есть два культурных центра – ансамбль «Кабардинка» и Кабардинский драматический театр им. Али Шогенцукова. И задача всех, кто занимается творчеством в этих культурных заведениях, в том, чтобы процветание их было современным и вместе с тем этнически обусловленным.

Трудное бремя героини

*С каждым случается именно то,
что удивительно ему подходит.*

Хаксли

Хамукова Жанна Хажумаровна – ведущая актриса, мастер сцены Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцукова. Окончила с отличием кабардинскую студию Театрального училища им. Щукина (Москва). Была единственным в училище Ленинским стипендиатом; будучи студенткой стала лауреатом Всесоюзного конкурса чтецов им. Яхонтова (Ленинград). За отличную учебу была награждена ЦК ВЛКСМ и Министерством образования СССР грамотой. В 1989 году Жанне Хамуковой присвоено почетное звание «Заслуженная артистка КБР». Лауреат Второго фестиваля национальных театров республик Северного Кавказа «Сцена без границ» (Владикавказ).

В моей молодости редко какая девочка-подросток не собирала открытки с фотографиями знаменитых актеров и актрис; тогда, как книгами, обменивались желанными снимками. Героиня этого очерка, ставшая известной актрисой, была исключением из этого правила. Она не мечтала о сцене, много читала и хотела быть журналистом. Ведь ее отец много лет работал редактором районной газеты и по-настоящему любил свою работу, книгу. И эта любовь к литературе передалась ей «по наследству». Жанна готовилась к тому, чтобы поступить в КБГУ на литературный факультет, окончить его и затем начать трудовую деятельность в газете. У нее были и другие предпосылки к этому – удавались корреспондентские заметки о школьной жизни, познала радость от увиденного своего напечатанного текста. Но... от судьбы, как и от славы, трудно уйти, невозможно. Так получилось в жизни Жанны Хамуковой, что ее отобрали в знаменитое Театральное училище им. Щукина, что находится в городе Москве. Как-то в одночасье становится девочка, у которой за плечами были две туго заплетенные косички и блестяще оконченная в городе Тереке средняя школа, московской студенткой, и не какого-то другого вуза, а знаменитой «Щуки»! Тут и голову можно было потерять от такой удачи, но это не о Жанне. Она, как и дома, читала много художественной литературы, с головой погружалась в те сюжеты, образы, ситуации, которые описывались в книгах, наслаждалась самим процессом обучения. Все было настолько интересно, захватывающе, что на неразумное «пользование» свободой у семнадцатилетней девочки из провинции, не было ни времени, ни желания. Это была настоящая страсть к познанию мира других людей, своей собственной души через мировую классическую литературу, и эту страсть Жанна сохранила по сей день. Именно любовь к литературе, к осмысле-

нию и пониманию жизни, стала для нее основой профессии. Профессии Актрисы. Не секрет, что актеры зачастую не стремятся к тому, чтобы «ломать голову» над многими философскими понятиями, не обременяют себя глубокими знаниями, не находящимися в русле профессии. Это у кого как получается. Жанне Хамуковой знания всегда были нужны, и это ее отличало от многих. Профессор Калиновский сразу увидел в ней то, что увидел бы любой профессионал – глубину мировосприятия и чувств и неоспоримые внешние данные, которые нужны для амплуа «героини». И, определив Жанну Хамукову на амплуа «героини», руководитель студии, по-существу, определил в ее жизни многое: он прописал ее творческую и человеческую судьбу. Когда педагог не только верит тебе, но и доверяет твоему стремлению к овладению профессией, это обязывает к тому, чтобы полностью погрузиться в учебу, определяет весь спектр твоих интересов. Так получилось и у Жанны. Она училась прилежно, старалась не только на «отлично» выполнять задания педагогов, но и проявлять элементы своего творчества. Уже студенткой Жанна понимала, что природные данные – это только Богом данный подарок, а все остальное – это тяжелая бесконечная работа души и ума. Результат такой работы превзошел ожидания профессора Калиновского. В республику Жанна Хамукова возвращается вместе со своими однокурсниками и становится актрисой Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцукова.

Быть Примадонной более нелегко, нежели лестно и приятно. Все обязывает – и игра на сцене, и обычная жизнь. Зритель, который внимателен ко всему тому, что касается личной жизни актрисы, замечает и то, с кем она общается, дружит, как одевается, куда ходит, и так далее. Положение актрисы обязывает. И редко какой актрисе удастся на протяжении всего времени становления и дальнейшей зрелости сохранить в себе такую энергетику, которая на самом деле не только доброжелательна, но и загадочна. «Руки – зеркало судьбы». С тех самых далеких времен молодости, помню руки актрисы. Тонкие, белые, совершенной формы пальцы всегда ухожены. Никогда не видела Жанну Хамукову в «неглиже», без соответствующего ситуации и времени года макияжа и с тонким вкусом подобранного гардероба. Говорят, «вкус или есть, или его нет». Это напрямую касается нашей героини. У нее безупречный вкус, и это говорит о том, что актриса Жанна Хамукова внимательный к себе и своей профессии человек. А также это говорит о том, что этот человек, который уважает и любит свою профессию, с таким же уважением относится к другому человеку, если он «профи». Меня всегда удивляет в Жанне Хамуковой внимательность и опрятность в разговоре, ролях, которые она делает, в общении не только с коллегами, но и в том укладе отношений, которые составляют основу ее семьи. Я знаю, что этот человек не пойдет на поводу эмоций и не скажет скоропалительных, сиюминутных обвинений или похвал. И это вызывает уважение и восхищение.

Возвращение студийцев было радостным, шумным и вместе с тем сосредоточенным. Они держали перед жителями республики настоящий экзамен и сдали его на «браво!». С тех пор прошло много лет, но это возвращение осталось в нашей памяти как яркое, незабываемое явление

в истории кабардинской культуры. Играли много, играли хорошо, с неизменным аншлагом, с любовью к тому, что делали, с уважением к тем, кто научил высокому мастерству. Здесь не было манерничанья и «звездности», ибо любая площадка устраивала актеров, молодого режиссера Руслана Фирова. Лишь бы играть, приносить радость и глубокие чувства и мысли зрителям. Это были по-настоящему благословенные годы, когда молодые актеры практически не уставали от выездов, холодных ночных сельских клубов и полуразбитого театрального автобуса «Кубанец». Тогда, после выездов, работали они иногда и до утра над самостоятельным спектаклем «Кукарача» по пьесе Нодара Думбадзе. Начиная со сдачи, много времени был аншлаг. Все здесь слилось воедино, в одном Времени и Пространстве. Все было именно так, как должно быть, по совпадению, но без случайностей. Жанна Хамукова играла главную роль – Инги, той девушки, из-за которой разыгрывается драма. До сих пор помню, в каком она была платье, как играла. И не потому, что мы все тогда были молодыми, и ностальгия замучила сегодня, а потому, что все было высокопрофессионально. И игра актеров, и режиссура, и сценография, и музыка. Зритель тоже был «совпадающий», любящий, ждущий чуда и присутствующий каждый вечер при его рождении.

Звездной, оставшейся в анналах культурной жизни не только нашей республики, но и всего Северного Кавказа, стала роль Адисы в пьесе Бориса Утижева «Тыргатао» (режиссер-постановщик С. А. Теуважев). «Когда взяли «Тыргатао», материал совпал с нашей молодостью, внутренними данными, с тем, что национальный менталитет не позволяет раскрывать своего внутреннего мира с такой глубиной и вместе с тем откровенностью». Речь идет об эротике. Не о пошлом массовом зрелище, а высшем проявлении, отношении женщины к своим природным импульсам. Думаю, образ Адисы, созданный Жанной Хамуковой, еще не один раз будут не только вспоминать, но и анализировать, ибо она сыграла одновременно Адису и княгиню Сатаней, женщин, которые наделены Всевышним высоким даром любви и мудрости, страсти как всеобъемлющей силы духа. Редко встречаются такие женщины, которые имеют бесценный талант любви без требований и жертв, любви не столько испепеляющей, сколько делающей жизнь людей яркой, разноцветной, воздушной, ценной. На одном дыхании играла Жанна сцену, длившуюся минут пятнадцать. В зале была тишина. Нет, это был не шок, это была сопричастность с рождением великой трагедии любви. «Пластика от внутреннего состояния была такова, что я выходила всегда на сцену на цыпочках. По-другому высокую, возвышенную эротику невозможно играть». Чувство неловкости и неожиданности у зрителя быстро проходило, ибо энергетика актрисы была очень высокой. Другого такого состояния абсолютной тишины, единого дыхания актрисы и битком набитого зала и не припомню. «Эту тишину хотелось удержать. И она удерживалась, потому, что я сама становилась внутренне заполненной этой ролью. Этот кейф, когда держишь зал, впервые «поймала» в «Мещанах» М. Горького, которых А. Г. Буров поставил с нами как дипломный спектакль. Монолог длился шесть минут;

на кафедре эта роль в моем исполнении была отмечена как мое важное достижение, большое мастерство».

Роль Бланш в спектакле «Трамвай «желание» по Тенниси Уильямсу игралась с такими психофизическими усилиями, требовала от актрисы такого глубокого «погружения», что практически приходилось некоторое время отдыхать от нее. Жанр трагикомедии требует от актера такого высокого мастерства, когда все на грани – и состояние, и игра. Жанна Хамукова любит именно этот жанр. И не «потому что», а «из-за того что»... Она не может играть, когда нет «предмета размышления», работы души. В заключительной сцене в спектакле по пьесе Франсуазы Саган «Пианино в траве» беспредметный разговор. Текст, в котором трудно найти логический смысл. Проблема в состояниях. И когда хохот переходит в истерический плач, то это неожиданно не только для режиссера Романа Добагова, но и самой актрисы. Здесь все получается как у А. П. Чехова – говоришь об одном, думаешь о другом, а делаешь третье. Тогда, когда актеру удается такое тонкое, можно сказать, изысканное, ажурное исполнение роли, то можно говорить о нем как о большом мастере. И таковой является Жанна Хамукова, актриса Кабардинского драматического театра им. Али Шогенцукова, которая неизменно, с 1975 года, служила и служит кабардинской сцене. Говорить сегодня о том, что с такой фактурой, природным талантом и, что очень важно, большим трудолюбием и ответственностью к тому, что делает, Жанна Хамукова могла бы блистать не только на сцене кабардинского театра, бессмысленно. Не осталась, не уехала, не рискнула. Жалеет? Неизвестно. Известно только, что когда долго не выходит на сцену, просто заболевает. Известно, что хотела бы играть много новых интересных ролей. Известно, что любит свою республику, своих зрителей и самой большой радостью для себя считает те короткие мгновения, когда из битком набитого зрительного зала долетает: «Браво! Браво!». Из этих мгновений и многих часов и дней погружения в психофизику роли, высчитывания ее темпоритма и состоит единое Время актрисы – ее Творчество. То есть то, что она творит на радость всем нам и себе.

Жанна Хамукова будучи студенткой пятого курса была приглашена в кино. В 1976 году она снялась в главной роли у режиссера О. Воронцова в киноленте «Клад» (Свердловская киностудия). Ее партнерами были известные сегодня в стране артисты Алексей Филиппенко и Роман Громадский. Вскоре актриса получила предложение на главную роль в такой киноленте, как «Пигмалион» по Бернарду Шоу. Она не могла уехать на съемки из-за плотной занятости в репертуаре Кабардинского театра.

Ни о чем не жалею, кроме...

В. Л. Балкизов

Актер Кабардинского госдрамтеатра им. А. Шогенцукова, заслуженный артист КБР и РФ Валерий Лябиевич Балкизов в свое время закончил с отличием актерский факультет Театрального института имени Б. Щукина. Уже в зрелом возрасте, будучи директором театра на протяжении 14-ти лет, как тому обязывала должность (а ко всему он привык подходить скрупулезно), окончил КБГУ и приобрел еще вторую специальность – экономиста. В тот период театр впервые выехал на гастроли за границу. В Турции, по приглашению стамбульской Хасы «Шамиль», были показаны и тепло

встречены зрителями спектакли «Дамалей» Б. Утижева и «Железная женщина» Ж. Беликова – в Стамбуле, Османии, Кайсари и других городах.

За сорок лет сценической деятельности Валерий Лябиевич был неоднократно награжден Почетными грамотами Министерства культуры Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Абхазии. Не один год он работал диктором телевидения КБР, актером Русского драмтеатра им. М. Горького, преподавателем актерского мастерства и художественным руководителем русской студии кафедры актерского мастерства СКГИИ.

С участием талантливого актера Кабардино-Балкарская студия телевидения выпустила фильмы «Исмаил-Бей», «Кавказский пленник», «Дорогою ценою». Северо-Осетинская киностудия создала художественные ленты «По следам Карабаира», «Вершины не спят». Киностудия им. М. Горького осуществила постановку фильмов «Под знаком однорогой коровы» и «На краю жизни».

За многолетнюю творческую деятельность Балкизовым создано более 90 сценических образов в 67 театральных спектаклях, 18 телевизионных постановках и 2 художественных фильмах. В 48 спектаклях Валерий Лябиевич играл главные роли, среди которых 5 заглавных. Это Малахов – «Остановите Малахова» В. Аграновского (режиссер Л. Эркенев), Билл Старбак – «Продавец дождя» Р. Нэша (режиссер Р. Фиров), Шариков – «Собачье сердце» М. Булгакова (режиссер К. Хачегогу). Дугин – «Рядовые» А. Дударева (режиссер Л. Эркенев), Кин IV – «Кин IV» Г. Горина (режиссер Р. Дабагов).

– Невозможно было смотреть без слез сцену объяснения в любви, настолько убедительным получился образ Билла Старбака в «Продавец дождя» Р. Нэша. Зрители буквально растворялись в происходящем действе. Как Вам, Валерий Лябиевич, удается достичь правдивости?

– Каждый из нас на различных этапах жизни переживает глубокие чувства, и, когда работаешь над образом, стремишься передать те ощущения, которые ты испытывал, то же состояние души, а также равноценную роль играет запредельная вера в предлагаемые обстоятельства.

– Знаю, что до того, как Вы сыграли в «Продавце дождя» Р. Нэша, у Вас был нелегкий период жизни... Случилось так, что Вы с Русланом Фировым одновременно ушли из Кабардинского театра. Сначала Вы работали диктором на телевидении, параллельно снимались в телевизионных художественных фильмах, потом в Русском драматическом театре им. М. Горького. Там Вы успешно исполнили роль Малахова в спектакле по пьесе «Остановите Малахова» В. Аграновского (режиссер Л. Эркенов). Об этом говорит тот факт, что Вы удостоились премии Ленинского комсомола КБР..

– В отличие от спектаклей партийной, комсомольской, производственной направленности, превалировавшей в конце 70-х – начале 80-х годов, в которых актер загонялся в рамки, хотелось сыграть нечто романтическое. Как раз в это время Фиров вернулся из Грозного и дал мне такую возможность, поставив спектакль по пьесе Р. Нэша «Продавец дождя». В нем есть место общечеловеческим чувствам, глубоким страстям. Главный герой Билл Старбак своим приходом дарил людям надежду, вселял веру в то, что все в этом мире осуществимо. Данный спектакль был подобен взрыву, глотку свежего воздуха. Он полюбился молодежи, представителям среднего и старшего поколения.

– Вами созданы роли в кино и театре. Где Вам больше нравится работать?

– Безусловно, в театре. Работа в кино качественно отличается от театральной деятельности. Театр – это живое, непосредственное общение со зрителем. И каждый спектакль обязывает тебя выкладываться на сто процентов, здесь нет повтора, как в кино. Это полная самоотдача, всегда чувствуешь реакцию зала, поэтому все театральные работы интересны. Даже для состоявшихся голливудских киноактеров очень престижно сыграть хоть один раз в театре на Бродвее.

– Валерий Лябиевич, Вами было сыграно много ролей разнохарактерных, разноплановых. Какие Вам ближе?

– Определенно сказать не могу. Нравится играть все. К моему счастью, за мной не закрепилось амплуа только комедийного или только трагедийного актера, я играл все. Еще в «Щукинке» нам говорили, что актер должен уметь играть все.

– Какая роль самая любимая?

– Пожалуй, Сарафанов в «Старшем сыне» Вампилова (режиссер – художественный руководитель кабардинской студии Театрального института

им. Б. Щукина Л. Калиновский), Билл Старбак в «Продавце дождя», Кин IV в «Кин IV» Г. Горина, Шариков в «Собачьем сердце» М. Булгакова.

– **Что бы Вы хотели еще сыграть?**

– В настоящее время я хотел бы сыграть дядю Ваню в «Дяде Ване» А. Чехова.

– **Вы довольны тем, как сложилась ваша жизнь?**

– Жизнь – это взлеты и падения, удачи и разочарования, и ко всему надо подходить философски. Самое главное – не терять свое человеческое достоинство. Жизнь не хотел бы начинать сначала, тогда я не встретил бы Лизу (супруга Балкизова, актриса Кабардинского театра им. А. Шогенцукова, заслуженная артистка Республики Адыгея Лиза Кокова), не было бы такого замечательного сына, друзей, педагогов. Приемлю ее со всеми ошибками.

– **Вы преподавали актерское мастерство и являлись художественным руководителем русской студии кафедры актерского мастерства СКГИИ. Ваши бывшие выпускники, среди которых есть и два кандидата наук, работают в Нальчике, Москве, Санкт-Петербурге. Не жалеете, что порвали с педагогической деятельностью?**

– Это единственное, о чем я жалею.

– **Ваше жизненное кредо?**

– Быть верным, не предавать. Все люди совершают ошибки – по неопытности, по незнанию, по молодости, все мы ошибаемся. И думаю, надо уметь прощать ошибки, даже нужно! А предательство – вред ли. Стараюсь никогда никому не вредить, а только помогать.

– **Спасибо Вам, Валерий Лябиевич, за беседу. Желаем Вам крепкого здоровья и творческих успехов.**

Задин МАРЕМОВ,
лауреат республиканского
конкурса журналистов

Лучшие традиции – в дар детям и внукам

Очерк

Сегодня я хочу рассказать о человеке, который не так давно вернулся в Кабардино-Балкарию, но успел заслужить уважение и доверие сотен людей. Хочу рассказать о нем как о сыне, муже, отце.

Знакомьтесь, Шогенов Николай Забитович, 51 год, уроженец поселка Чегем I, выпускник Первого Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова, врач-уролог высшей категории, кандидат медицинских наук, главный врач ГКБ № 1 г. Нальчика.

Сегодня родители довольны, что Николай выучился на врача и приносит пользу тысячам больных людей. Что может быть гуманнее, чем исцеление больного от недуга. Забит и Сууаз радуются успехам сына, помогают советами и продолжают давать наказы.

Несмотря на то, что дети родились и выросли вдали от родных мест, они свободно говорят на кабардинском языке, знают обычаи и соблюдают традиции родного народа. А то, что дети имеют разносторонние интересы – это результат неуклонного родительского труда супругов. Говоря о своей семье, Николай признается: «Воспитание детей, конечно же, требует определенных материальных затрат, но этого недостаточно, чтобы спустя годы получить желаемый результат. Дети – материал для труда, можно «вылепить» все, что захочешь, нужно только терпение и время».

Мне не раз приходилось слышать совсем от разных людей о гостеприимстве этой семьи, о скромности и тактичности супругов, о воспитанности и образованности детей. Уважение родителей друг к другу является для детей самым ярким примером для подражания. Когда дети видят, что родители все делают согласовано и с любовью, им, наверное, не надо объяснять, что такое хорошо, а что плохо. «Ведь мы тоже были когда-то детьми и учились на примерах своих родителей, – говорит Николай. – Все, что нам нравилось в наших семьях, мы захотели привнести в нашу семью».

Теперь более подробный мой рассказ о Николае Забитовиче, его семье, его свершениях.

Самой основной чертой характера этого одаренного природой, способного молодого человека я подметил его неуклонную настойчивость в достижении намеченной цели и бесподобное трудолюбие, без которого любые благие цели остаются неосуществленной мечтой.

Не раз Николай при попытках поступить в медицинское высшее учебное заведение получал осечки, вынужден был отступить, пойти окольными путями, не спасовал перед неудачами, ибо с малых лет чувствовал в себе неотвратимое влечение стать только врачом и никем другим.

– Это влечение родилось у меня под влиянием постоянного плохого со-

стояния здоровья матери, – вспоминает Николай Забитович, – которую мы, ее пятеро детей, не только любили, но и обоготворяли, и любое ее недомогание воспринимали как собственную боль. Каждый из нас, ее трех сыновей и двух дочерей, готов был безоговорочно взять на себя болезни матери, лишь бы она была здорова. Врачи, к которым мы обращались, безусловно, старались облегчить состояние матери. Но мне казалось, что будь я врачом, лучше них вылечил бы любимого человека. И с тех пор целью всей моей жизни стало выучиться на врача.

Не сразу и не легко удалось молодому выпускнику СШ № 1 п. Чегем 1974 года Коле Шогену добиться поставленной цели, хотя способностей и глубоких знаний для этого ему было не занимать. С первого класса он учился на «хорошо» и «отлично» и получил аттестат о среднем образовании с одними пятерками по всем предметам, кроме двух.

– Известной многим поколениям чегемцев учительнице Людмиле Васильевне Маховой, которая с молодых лет и до самой своей кончины работала в восьмилетней (позже СШ № 2), – говорит Николай Шогенов, – я обязан тем, что русский язык стал моим вторым родным языком и именно в решающей степени ему я обязан и тем, что стал неплохим специалистом своего дела.

Но как я отметил выше, даже такое глубокое знание русского языка и всех учебных предметов, по которым он сдавал вступительные экзамены, не дали парню возможность сразу занять предназначенное ему судьбой место в медицинском институте.

Первую попытку стать студентом медфака в Киеве Николай сделал сразу же после окончания школы, решив поступить здесь в мединститут имени академика Богомольца. Попытка оказалась неудачной – не прошел по конкурсу.

Но первая неудача не отбила у настойчивого и целеустремленного парня охоту еще и еще раз до самой победы повторять вступительные экзамены и только в медицинский институт. После Киева Николай, чтобы до следующей попытки даром не терять года, поступил на знаменитый в то время завод Телемеханической аппаратуры учеником радиомонтажника. Но смысленный и способный парень ходил в учениках всего три месяца, после чего он сдал требуемые экзамены и получил соответствующий разряд радиомонтажника. Этот факт тоже говорит о серьезном отношении парня к любому делу, о его трудолюбии.

Через год он снова оказывается среди абитуриентов медфака – на этот раз нашего университета. Но и «родные стены» этого вуза не помогли ему стать студентом, хотя и все экзамены были сданы на «хорошо» и «отлично» – препятствием для этого стал опять злополучный конкурс. Тогда Николай решил сделать обходной маневр, попытать счастья с другой стороны. С результатом вступительных экзаменов в КБГУ он пошел поступать в медучилище. И приняли его туда без дополнительных проверок знаний, притом сразу на второй курс. Оказавшись в своей стихии, Николай усиленно овладевал знаниями, глубиной которых он удивлял многоопытных преподавателей, которые ставили ему сплошные пятерки. Так и окончил Шогенов училище с красным дипломом, что стало хорошим трамплином для очередного штурма вуза. На этот раз уверенный в своих силах и способностях парень «замахнулся» на одно из самых престижных высших учебных заведений СССР – сдал свой

красный диплом и другие необходимые документы в Первый Ленинградский медицинский институт им. И. П. Пирогова. И поступил.

И без нашего комментария любому читателю легко догадаться, наверное, что Николай оказался одним из самых лучших студентов, настойчиво овладевал учебной программой, удивлял глубиной знания всех предметов этот нерусский парень профессорско-преподавательский состав. Но в ноябре 1979 года его призвали в армию со второго курса. Вскоре грянула Афганская война. И нашему молодому земляку пришлось надеть солдатскую форму и отправиться в далекую азиатскую страну отстаивать честь своей великой державы с оружием в руках.

Николай Шогенов не раз принимал участие в смертельных схватках с озверевшими душманами в Кабуле, Кандагаре, Джалалабаде, выбивая их из тщательно укрепленных крепостей в горных ущельях. И достойной оценкой его мужества и героизма стали высокие правительственные награды: медали – афганская «От благодарного афганского народа» и советская – «За боевые заслуги».

Два долгих мучительных года нес он службу на чужой земле. В 1981 году Николай вернулся в свой институт. Окончил его в 1988 году, естественно, с красным дипломом. Сразу же талантливого выпускника зачислили в этом же вузе в клиническую ординатуру по специальности «Урология». Одновременно ему доверили здесь же ответственную работу врача-уролога. К этому времени вуз преобразовали в Первый Санкт-Петербургский медицинский университет. Вчерашнему выпускнику поручили читать студентам лекции по урологии, проводить сложные операции больным, лечить их. Николай стал самым молодым сотрудником этого всемирно известного института, получившим звание высшей категории врача.

А в 2000 году успешно защитил диссертацию на звание кандидата медицинских наук.

Республиканские руководители не могли не заметить талантливого врача, который мог бы принести огромную пользу своему народу. И в том же 2000 году тогдашний министр здравоохранения КБР А. Б. Карданов пригласил Н. З. Шогенова на должность главного специалиста отдела организации медицинской помощи населению Минздрава республики. Одновременно Николай Забитович был назначен главным хирургом и главным урологом Кабардино-Балкарии.

Позже, с 2002 по 2004 год, Николай Забитович работал заместителем главного врача республиканской клинической больницы.

Не обидел Бог нашего замечательного земляка и семейным счастьем, без которого, конечно же, не могло быть и речи о каких-нибудь значительных успехах ни в науке, ни в работе.

В молодости Аллах свел Николая с прекрасно воспитанной, умной, скромной очень талантливой односельчанкой, выросшей в трудолюбивой и уважаемой во всем Чегеме семье супругов, известных учителей Барасби и Каражан Дабаговых, чьи все дети заканчивали школу с золотыми медалями, а вузы с красными дипломами, и стали прекрасными специалистами. Одна из их дочерей Зайрат, с которой он учился в одном классе 10 лет, и составила позже счастливую семью Николаю Шогенову, она работает сейчас ответственным секретарем департамента внешних связей региональной комиссии

по подготовке управленческих кадров министерства экономического развития и торговли КБР. Ответственность огромная, отнимающая уйму времени и труда. Тем не менее она прекрасно справляется со своими не менее ответственными семейными обязанностями.

Вместе с супругом Николаем Забитовичем они вырастили таких же замечательных, как они сами, дочь Инну и сына Мурата, передали им самые лучшие национальные и общечеловеческие качества, которыми обладают сами родители. Огромную похвалу заслуживает, например, то одно, что, живя все время в чужой языковой среде, Николай и Зайрат полностью передали детям любовь к родному языку, культуре, обычаям. И в каком бы обществе они ни оказались, всегда превыше всего ставят свою честь, честь своего народа и своих родителей, честь любимых и уважаемых дедушки и бабушки.

К тому же Инне и Мурату передан весь талант родителей. Иначе разве Инна сумела бы легко и за короткое время окончить с отличием два вуза, освоить пять языков. Сперва Инна окончила факультет романо-германской филологии по специальности «Английский язык» университета, а затем получила диплом финансово-экономического института Санкт-Петербурга. Сейчас она работает заместителем директора 52-й Нальчикской прогимназии.

Тяга к знаниям и незаурядные способности помогли и сыну Шогеновых Мурату, как говорится, сходу сдать вступительные экзамены и поступить на стоматологический факультет уже известного нам знаменитого медицинского университета Санкт-Петербурга.

В 2004 году по решению семейного совета Николай Шогенов переехал во вторую столицу России, в свой родной университет, куда его обратно давно звали на работу. Перешел Николай туда еще и потому, что это давало ему возможность постоянно находиться рядом с молодым сыном-студентом, помогать ему в учебе, уберечь молодого парня от тысяч соблазнов, которые окружают его в огромном городе.

Ему предоставили в институте престижную работу на кафедре урологии и в клинике.

В январе 2007 года Н. З. Шогенов получил от президента КБР А. Б. Канокова, который созывал вновь в родную республику на работу высококвалифицированных специалистов из КБР, живущих и работающих в других городах России и за рубежом, теплое письмо с просьбой вернуться в родной край и занять место главного врача большой клинической больницы № 1 г. Нальчика. Он не мог отказать в просьбе уважаемому во всей республике ее руководителю, с которым до этого не раз встречался по работе в родном городе и о котором у него сложились самые принятые впечатления.

Итак, скоро будет два года, как Николай Забитович руководит огромным многопрофильным комплексом здравоохранения, коечная сеть которого составляет 870 мест, где трудится более 1 200 медработников, а всего – 1 400 сотрудников.

– Высокое доверие, оказанное мне руководством республики, – говорит Николай Забитович, – обязывает меня быть предельно ответственным за тех людей, с которыми я работаю и сталкиваюсь в повседневной жизни, за тысячи наших сограждан, которые в трудную минуту свои взоры с надеждой обращают на нас, людей в белых халатах. И самое большое удовлетворение

доставляют мне радостные лица тех, кто покидает нас, избавившись от болезней, и их родных.

Далее Николай Забитович говорит, что каждый вечер он держит свой строгий экзамен за прожитый день перед своими родителями Забитом и Сиуаз за то, какую пользу он принес за день людям. Кого вылечил от недуга, кому облегчил тяжелую участь.

– Это они воспитали нас, своих детей, – говорит Николай, – любить людей, быть всегда справедливыми к ним, ни словом, ни делом никогда не обижать их.

Отец и мать, сами не обладая большим образованием, но наделенные природным умом, и мудростью, учили своих детей порядочности, честности и гуманизму.

Сами же Николай Забитович и Зайрат Барасбиевна, неплохо материально обеспеченные, никогда не баловали собственных детей, не создавали им никаких излишеств, которые выделяли бы их из общей массы учащихся школ и вузов. Родители постоянно внушали своим детям мысль о том, что ценность человека определяется не его богатством или высокой должностью, а его умом, воспитанностью, человечностью, которые всегда остаются с ним, в то время как и деньги, и высокое положение в обществе могут улетучиться в одно мгновение.

Из опыта взаимоотношений со своими мудрыми родителями Николай и Зайрат хорошо знали, что ничто так не портит детей, как чрезмерная нежность к ним, захваливание их жизненных достижений, постоянное внушение им, что они умнее, красивее и лучше всех.

– Наоборот, – говорит Николай, – за отличные оценки, хорошее поведение, уважительное отношение к людям, особенно к старшим, за похвальные листы, которые они получали по результатам каждого учебного года, я и супруга делали своим детям как бы мимоходом только одобрительные замечания.

– В еще большей строгости воспитывали нас самих наши родители, – вспоминает далее Н. Шогенов. – Но от этих ограничений мы не стали хуже. Наоборот, и в школе, и на улице, и на производственной практике в колхозе, и в лагерях отдыха нас сопровождали положительные отзывы посторонних людей о наших делах, нашем поведении.

– Так что, оглядываясь назад с прожитых мною лет, – сказал в заключение нашей беседы Николай Забитович, – я могу твердо заявить, что нет у меня повода обижаться на жизнь. Всегда она была благосклонна и щедра ко мне. Я от всей души благодарен судьбе за то, что у меня, мужчины средних лет, еще живы мои родители, строгие, но всегда справедливые отец и мать со своей неиссякаемой душевной теплотой и мудростью. Я доволен тем, что жизнь одарила меня способностью к знаниям, которые дают мне возможность делать людям добро, помогать им сохранять самое дорогое – здоровье. Также нет ни малейшего основания быть недовольным тем, как сложилась моя семейная жизнь.

И мы гордимся тем, что наш город дал республике такого сына, как Николай Забитович, и такую дочь как Зайрат Барасбиевна Шогеновы. Желаем им еще долгих лет счастливой жизни на благо людей, крепкого здоровья, удачи в семейной жизни.

Мухаб БЖЕНИКОВ,
кандидат филологических наук,
комментатор республиканского радио

«РОДНИК», ВПАДАЮЩИЙ В «МОРЕ»

Теперь, после выхода первых номеров журнала «Псынэ» («Родник») можно сказать с полным основанием: он стал всеадыгским изданием и значительным явлением в жизни и культуре этноса. Все то, что прочили ему на презентации (что тогда казалось авансом): о его предназначении аккумулировать прошлое и настоящее народа в их соотношении, использовать силу слова в сочетании с изображением, ставить проблемы культуры, языка, литературы и многое другое, – более чем оправдалось. Перед нами – красочно оформленное, отмеченное высоким полиграфическим искусством периодическое издание. Можно было, наверное, слова «общественно-публицистическое» заменить на «художественно-публицистическое», ибо «публицистика» уже подразумевает общественную значимость, а оформление самого журнала выполнено с художественным вкусом. Слово главного редактора Ларисы Маремкуловой, предваряющее 3-й номер, краткое (всего 12 строк), но емкое своей «открытостью», доверительностью, подтекстом. Да, сегодня трудно переоценить услуги вездесущего Интернета для воплощения такого журнала. И да здравствуют его изобретатели и создатели сотовой связи. И все же... они никогда не заменят теплоту человеческих встреч, радость общения, мысли, лежащие на белом листе бумаги после эксклюзивных сердечных бесед. Вот почему издатели «Псынэ» еще до выхода первого номера встречались со своими авторами в Кабардино-Балкарии, затем побывали в Майкопе, Черкесске, Моздоке. Этот маршрут видится только началом; он, очевидно, протянется и в города России, и в зарубежные страны, где живут и работают адыги.

Люди, решившиеся на солидное и дорогостоящее издание для таких поездок и встреч, обладают достаточным профессионализмом и творческой смелостью. Правда, есть вопросы некоторых скептиков: где «лежат» и откуда взять материалы, чтобы насытить столь объемный, периодически

выходящий журнал? Хватило бы отпущенных Всевышним лет, а материалы найдутся, уверенно отвечают редакторы. И я, читатель журнала, имеющего тираж 5 000 экземпляров, ему верю.

Выбор тем и направлений журнала продуман с учетом информационных интересов читателя. Рубрик – двадцать восемь. Не многовато ли? Но основательность, аналитичность плюс «удобоперевариваемость» публикаций снимает вопрос, потому что это именно тот случай, когда количество переходит в качество. А это значит, становясь своеобразным резонатором важных сведений из истории и современной жизни народа, журнал привлекает внимание не только узкого круга интеллигенции, но и становится изданием для массового читателя. В эксклюзивном интервью «Адыгский мир Самира Хоткова», которое известный историк дал журналисту Мариане Теуважуковой, приведены малоизвестные до сих пор факты: ученый доказывает то, что в конце XIII века Кабарда сформировалась «как феодальное государство со своей территорией, которую держала в крепких руках». Приводятся источники, проливающие свет на этот тезис. Один из них, датированный XIII веком, получен Хотковым из Литвы. В нем говорится о внешнеполитических связях этой страны в тот период и подчеркнута: «Великий князь литовский Витаутас направляется в Кабарду». Такие исторические сведения представляют для читателей огромный интерес. И они становятся их достоянием благодаря журналу «Псынэ». Или вот подробный историко-аналитический «расклад» профессора Валерия Сокурова выражения «Статус Уорка – трудный путь к вершине», ставшего афоризмом. Приведенные факты интересны не просто сами по себе, вот, смотрите, как строго и последовательно уорки выполняли все реалии Адыгэ Хабзэ, а тем, какие духовно-нравственные уроки дает ныне живущим феномен уоркства. Это проиллюстрировано в двух направлениях: характеристикой сословий уорков и соответствующих им сведений из истории адыгов. В данном случае очевидно умение выбрать из «перегруженного» многочисленными фактами материала наиболее нужные и интересные, что является одним из слагаемых редакторского мастерства.

Новый журнал охватывает широкий круг людей, читающих на адыгском, живущих на Северном Кавказе, в Москве, в других городах России, СНГ и за рубежом. Значит, он может (просто обязан) взять на себя связующую миссию: раздвигать информационное поле таким образом, чтобы интересные рассказы о человеческих судьбах, исторических событиях, народных преданиях, уникальных памятниках культуры, – словом, все то лучшее, что «способно работать» на будущее, стало достоянием читателя. А если такие материалы повествуют о благородстве, братстве, сострадании, надо ли говорить, насколько они актуальны и созвучны сегодняшнему дню.

Один из разделов «Псынэ» открывается статьей журналиста Жагафара Даурова под названием «Низкий поклон вам, бесланевцы...» Весна 1942 года. Группа детей, вывезенных из блокадного Ленинграда с невероятными трудностями, по счастливой случайности не попавших к немцам, оказалась в черкесском селении Бесланей. Эта весть быстро

разнеслась по селу. И его жители, как по команде, стали собираться у подвод, в которых находились ослабевшие от недоедания мальчишки и девчонки.

– Дальше везти не дадим, эти дети станут нашими, родными, – сказали бесланевцы в один голос. – Они могут умереть в пути, при переходе через перевал, или захватят немцы и отправят в Германию.

Так жители адыгского села Бесланей усыновили ленинградских детей.

Теперь они все пишутся черкесами, имеют адыгские семьи. «Псы-нэ» не является первым изданием, которое поведало об этих волнующих событиях времен Великой Отечественной войны. Но по эмоциональности воздействия на читателей «обнаженности чувств» самих блокадных детей и приемных родителей, эстетике подбора иллюстраций, занимает, пожалуй, первое место.

Темы публикаций, попавших на страницы журнала, в большинстве своем эксклюзивны, несут новые факты, рассказы об ученых, деятелях культуры и искусства. Есть чем гордиться и что преподносить. Но издатели уходят от хвалебной риторики, от того, чтобы идеализировать, как это иногда бывает, некоторые моменты истории народа. Открыто «задеваются» и нерешенные проблемы, одна из которых – отсутствие специального сайта во всемирном Интернете, где постоянно звучал бы адыгский язык, музыка и комментировались песни. Содержание рубрики «Живут адыги в Интернете» пока существует потенциально, но проблема обозначена и можно вполне надеяться на то, что с помощью журнала оно станет реальным.

О чем бы ни писал журнал, что бы ни становилось объектом его внимания: о вечере ли диаспоры, живущей в Берлине, о воспитании ли девочек, будущих матерей, о преподавании ли предмета «Адыгский этикет» в общеобразовательных школах РА, о кузнеце ли, овладевшем отличительными секретами дамаской и булатной стали, – все отмечено содержательностью и занимательностью.

Говоря об успехах журнала, необходимо отметить и то, что ему, как типу издания, пока что не хватает. Это, в первую очередь, касается поиска новой информации из истории и устного творчества народа для введения их в добротнo обобщаемые (нередко уже известные) материалы, чтобы постоянно «подогревать» внимание и интерес массового читателя к журналу. И еще. Нужна публицистика для постановки проблем, опережающая время, и верное средство формирования общественного мнения на основе добра, толерантности и исторической правды. Впрочем, второе пожелание, по словам главного редактора, уже находится в творческой орбите журнала: вводится новая рубрика «Это волнует нас».

Говорят, большое видится на расстоянии. Но если пристально взглянуть и постараться понять, можно оценить его значительность и незаурядность и в том случае, когда оно находится рядом. Вот такое большое, нужное народу дело сделали коллеги, работающие с нами. Журнал «Псы-нэ» символизирует родник жизни и культуры адыгов, и он уже впадает в море национального многообразия СМИ нашей республики и страны.

Влюбленная в свое дело

В целях совершенствования экспертно-аналитической и редакционно-издательской деятельности в области методического обеспечения нового содержания – приказом МОН КБР в ноябре 1995 года было создано образовательное учреждение «Книга» с правом юридического лица, которое разместилось по адресу: г. Нальчик, Больничный переулок, 1.

Основными направлениями деятельности явились:

- обеспечение образовательных учреждений республики учебниками и учебно-методической литературой федерального и регионального перечней, учебно-наглядными пособиями;

- издание региональной учебно-методической продукции;

- продвижение новых учебно-методических комплектов;

- информационное и библиотечно-библиографическое обеспечение субъектов образовательного пространства;

- индивидуальное комплектование учебно-методической, программной, справочной и другой литературой, учебно-наглядными пособиями;

- повышение квалификации специалистов по формированию библиотечных фондов и работников системы образования через реализацию образовательных программ, открытые мероприятия с авторами учебников, конференции, консультации и другие формы образования;

- участие в проведении открытых мероприятий регионального, республиканского значения, таких, как олимпиады, творческие вечера, конференции, интеллектуальные марафоны.

Специалисты ОУ «Книга» взаимодействуют со всеми субъектами системы образования республики, методистами, педагогами, родителями, учащимися, т. к. выбор учебно-методической продукции должен учитывать интересы каждой из сторон, выступающей ее потребителем.

Практика работы ОУ «Книга» предусматривает методическое сопровождение освоения педагогами новых учебников и учебно-методических комплектов. Наша задача – перевести учителя из позиции слушателя семинара в позицию активного участника, способного сравнивать, оценивать, выбирать из разных систем, учебно-методических комплектов те учебники и методические пособия, которые соответствуют их педагогическим целям. В качестве консультантов выступают не только представители издательств, авторы, составители учебников, но и методисты, ведущие учителя районов, способные грамотно осуществлять выбор учебной литературы и научить этому своих коллег. Специалисты ОУ «Книга» проводят

Шаваева
Аминат Хусеновна

семинары, индивидуальные и групповые консультации для учителей республики, библиотекарей ОУ республики, представителей муниципальных органов Управления образования, а также выезжают в районы для организации распродажи учебной и учебно-методической литературы.

Органы Управления образования информируются о новинках учебной литературы, о предстоящих семинарах через совещания со специалистами РУО по формированию библиотечных фондов. Сотрудники ОУ «Книга» всегда готовы к общению с учителями, к организации педагогической и научной поддержки при создании системы обучения по различным учебно-методическим комплектам, ведь изменяется само информационно-образовательное пространство. Прежние профессиональные умения и навыки быстро устаревают, требуются иные формы и методы подхода, запросы и требования. Выполнение любой, даже самой толковой программы, обеспечивают квалифицированные кадры. Понятно, что здесь многое определяет самообразовательный уровень готовности педагогического сообщества. Устремленность к новому – главная ценность человека, активно преобразующего профессиональную среду. Несомненно, что работникам образовательных учреждений необходима обширная культурологическая, психолого-педагогическая, аналитическая, компьютерная, информационная подготовка.

ОУ «Книга» сотрудничает с более 28 издательствами, выпускающими учебную литературу. Наиболее активно работа выстраивается с издательствами «Просвещение», «Дрофа», «Вентана-Граф», «АСТ», Издательский дом «Федоров», «Оникс», «Экспо», «Титул», «Эльбрус» и др. Торгует литературой более 50 издательств, активно работает по прямым договорам, которых около 28.

Надо отдать должное руководителю данного учреждения – Аминат Хусеновне Шаваевой, которая сплотила вокруг себя команду единомышленников. Их главным кредо является: постоянное обновление знаний через новую книжную продукцию, чуткое реагирование на все изменения, происходящие в социальной, культурной и образовательной среде. Аминат Хусеновна создает дружелюбную атмосферу, старается, чтобы коллектив работников состоял из профессионалов своего дела, которые были бы способны оказать помощь в розыске любой информации или печатного издания. Своей деятельностью Аминат Хусеновна вносит неоценимый вклад в формирование профессионального сообщества, благодаря ее энергичной деятельности, умению окружать себя неутомимыми сподвижниками, ей удается привлекать особое внимание к деятельности ее детища – ОУ «Книга», тем самым сохраняя в опытных и заботливых руках информационное богатство, знание и любовь к книге. Среди основных ее качеств надо выделить доброжелательность, готовность оказать помощь в поиске информации, эрудицию, уровень культуры, коммуникабельность, высокий профессионализм. Восхищает воля и энергия, преданность делу, умение преодолевать немыслимые, казалось бы преграды и трудности, способность смотреть далеко вперед, определять перспективы, без которых невозможно продвижение.

Гуманистические традиции А. С. Пушкина в любовной лирике поэтов Кабардино-Балкарии

Лирику А.С. Пушкина называют энциклопедией любви и чувств. Любовь составляет основу души поэта – «и сердце любит оттого, что не любить оно не может». Любовь в поэзии Пушкина – это глубокое, нравственно чистое, бесконечно нежное и самоотверженное чувство, облагораживающее и очищающее человека, это восторг перед духовной и физической красотой, это гимн в честь возвышенного, светлого чувства любви, это выражение безграничного уважения к женщине, это трогательная преданность любимой.

Основной мотив любовной лирики Пушкина – облагораживающее воздействие любви на человека, возвышающее его и вдохновляющее на создание прекрасного. Мы до сих пор восхищаемся пушкинскими шедеврами, гимнами любви, будь то наполненное счастьем встречи с возлюбленной послание к А. Керн или трогательное, нежное прощание «Я вас любил...».

Пушкин любил не раз в своей жизни; любя, он каждый раз отдавал своему чувству всего себя. Ему были свойственны все радости и все горести любви, и переживал он их, благодаря страстности и глубине своей натуры, особенно бурно и пылко.

Вершиной творческого духа можно считать стихотворение «Я вас любил», строки из которого и стали темой нашей работы. Стихи доведены до совершенства, их почти не чувствуешь. В двух строфах раскрывается красота души поэта, с его благородным представлением о чувстве любви как о чувстве самоотверженном. Поэт не мстит за то, что появился у него соперник. Он желает даже в этом случае своей любимой только счастья: «Как дай вам бог любимой быть другим». Человек в любви должен быть выше эгоизма. Он должен уважать любимого человека, признавать его право на свободу чувства.

Лирический герой Пушкина прославляет любовь как величайшую силу, объединяющую людей, выявляющую в каждом человеке все самое лучшее, делающее жизнь прекрасной. Муза Пушкина всегда опиралась на самое благородное и светлое в человеке. В его любовной лирике наиболее ярко отразились нравственная сила, богатство и очарование личности поэта.

Мы знаем наизусть почти всю любовную лирику Пушкина. Сейчас неважно, каким адресатам посвящены строки чистого пламени, а важно то, как говорит поэт о женщине: «божественная», «твои небесные черты», «гений чистой красоты».

Гуманистические традиции А. С. Пушкина в любовной лирике мы можем наблюдать и у наших современных поэтов.

Такое же трепетное отношение к любимой женщине мы найдем и в

стихотворении известного балкарского поэта Сафара Макитова «Готов я целовать край платья твоего»:

*Готов я целовать край платья твоего
За то, что стройный стан твой мягко обвивает.
И шаль твою прижму к губам я, как крыло,
Что плеч твоих тепло от стужи прикрывает... –*

а строки из его стихотворения «Снова о тебе» наиболее близки пушкинскому отношению к любимой женщине:

*Тяжка мне стала эта боль,
Но верю я, не так все будет,
Не разойдемся мы с тобой
Навеки, как чужие люди.*

* * *

*А если так – счастливой будь!
Всегда во всем! С кем хочешь! Всюду!..
Чем твой светлее станет путь,
Тем благодарней жизни буду.*

Любовная лирика С. Макитова наполнена глубоким человеческим чувством к любимому человеку, способному самозабвенно любить, быть верным своему чувству и уметь защищать его. В женщине поэт ценит прежде всего чистоту и верность.

Эти же мотивы всепоглощающей любви мы найдем и в стихах балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой. Она первая балкарская поэтесса, чьи стихи увидели свет, появились в печати. Зумакулова – поэт по призванию. Ее поэзия многообразна и полнозвучна, как жизнь, которую она отображает, – со всеми ее противоречиями, радостями и огорчениями.

Тема любви зачастую главенствует в творчестве поэтов-лириков. Стихи Т. Зумакуловой о любви отличаются искренностью и неподдельностью чувств. Любовь у нее то романтична, то сурова. Поэтесса пишет о любви открыто, не скрывая своих чувств, как бы распахивая сердце. Лирическая героиня Зумакуловой не мыслит своей жизни без любимого человека. До исхода дней ее героиня верна своему чувству и молит судьбу только об одном, обращаясь к любимому:

*Из мира – молю тебя – не уходи!
Пусть жизнь твоя будет длиннее моей!*

(«Случается, птица простится с гнездом...»)

Гуманистические традиции Пушкина по отношению к любимому человеку продолжает и кабардинский поэт Анатолий Бицуев, который в стихотворении «Ты кольцо приняла от другого» утверждает: «Никогда я счастливым не буду, если счастье к тебе не придет». Он же в стихотво-

рении «Что же мне делать?» пишет о том, что желает любимой только счастья, пусть даже с другим человеком:

*Что же мне делать? Пусть молва присудит:
Ты – прекрасна, я – невыносим.
Встретишь, верю, ты того, кто будет
Мил тебе. Дай бог вам счастья с ним!*

Стихи о любви принадлежат к лучшим страницам поэзии Бицуева. В большинстве стихотворений о любви любимая стала прекрасной мечтой, недостижимым счастьем. Но она не призрак, не миф, а реальная земная женщина, которая раз и навсегда вошла во внутренний мир поэта.

Среди поэтов, для кого счастье любимого человека на первом месте, также кабардинская поэтесса Фаусат Балкарова.

Любовная лирика сразу же становится главенствующей среди прочих тем. Отчаянная устремленность к счастью, порыв к будущему, радостная надежда – чувства, которые характерны для «светлой» половины лирики Балкаровой. Она отражает смешанные, противоречивые чувства в стихах «Приду к тебе розой», «Соловей», «Пой громче» и других. Лирические стихи из сборника «Горный напев» наполнены прозрачным светом, радостью, знаменующими исток, зарождение любви:

*Так велика моя любовь к тебе,
Что может тяжестью согнуть меня.
Ни разу в переменчивой судьбе
Такого не встречала я огня.
Средь тысяч лиц чужих со всех сторон
Твое лицо мне видится давно.
И среди тысячи чужих имен
Я повторяю лишь твое одно.*

Тема, которую мы рассматривали в нашей работе, будет всегда актуальной, потому что любовь – одно из непреходящих и высших ценностей человеческого общества.

Любовь и в лирике А.С. Пушкина, и в лирике наших национальных поэтов – это глубокое, нравственно чистое, бесконечно нежное и самоотверженное чувство, облагораживающее и очищающее человека. Даже тогда, когда ей нет отклика, любовь – дар жизни.

Воспитание патриотизма у молодежи на примере ратного подвига народа

Войны были, войны есть и, к величайшему сожалению, они будут. Такова горькая правда истории рода человеческого. За пять с половиной тысяч лет в его истории произошло более двухсот тысяч малых и больших войн, которые унесли миллионы человеческих жизней, причем самой дееспособной части населения любого этноса. Война не только самое страшное социальное бедствие человечества, против которого еще никто не придумал ни одной эффективной формы борьбы, – но военная культура оказывает огромное влияние на экономику всех стран и народов, на сознание миллионов людей. Более того, военная культура – это особый пласт общечеловеческой культуры, особое мировоззрение, особый образ жизни и способ воздействия на сознание миллионов людей и, прежде всего, молодежи. Ратный подвиг народа – наглядный и самый убедительный урок, который играет главную роль в формировании личности.

В воспитании у молодежи патриотизма неocenима роль ратного подвига народа. А его невозможно воспитывать у подрастающего поколения, у которого отсутствуют или слабо развиты такие качества, как смелость и отвага, решительность и чувство долга, честь и достоинство, и многое другое. И все эти необходимые качества формируются у молодежи, особенно у мальчиков, на примере ратного подвига их предков в различные эпохи их многовековой истории.

Именно ратный подвиг предков, военная культура в целом являются важнейшим инструментом воспитания духа молодежи каждого этноса. В военной сфере, по существу, каждый этнос во многом показывает свое достижение, как в материальной, так и в духовной культуре.

Каждый народ на протяжении своей многовековой истории выработал целую систему воспитания подрастающего поколения, в том числе и патриотизма, и этот богатейший опыт используется в воспитании молодежи в современных условиях. В этом плане следует отметить, что научная педагогика не везде и всегда в полной мере изучаются в учебных заведениях, дошкольных, культурно-просветительских учреждениях и других коллективах, опирающихся на веками выработанные и выдержанные проверкой временем принципы традиционной системы воспитания, т. е. народной педагогики.

Сегодня, как никогда, наша возрождающаяся Россия, куда входит и Кабардино-Балкария, нуждается во всесторонне развитой молодежи, в патриотах своей Родины. И эту особенность сегодняшних наших реалий необходимо учитывать и государственным структурам, и каждой семье.

Таким образом, нисколько не умаляя роли каждого народа в воспитании подрастающего поколения, в том числе и настоящих патриотов, можно отметить, что адыги всегда обращали этому вопросу достойное внимание и создали за свою многовековую историю целую систему вос-

питания молодежи. При этом особое внимание уделяли военно-физическому воспитанию мальчиков, привитию им чувства гордости за своих предков-воинов. Другими словами, вся система народной педагогики адыгов по отношению к мальчикам целиком и полностью была подчинена их военно-физическому воспитанию. С раннего детства в них воспитывался культ воинской доблести, неустранимости и отваги; способность презирать смерть и лишения, когда речь идет о защите своей Родины, родного очага своих предков. По глубоко продуманной системе воспитания им прививались необходимые для каждого воина качества: смелость, решительность, любовь к отчизне, готовность прийти на помощь своему товарищу в любую минуту и в первую очередь во время кровопролитных сражений и критические моменты для жизни. Им также прививались такие качества, как чувство долга и достоинства, даже чувство уважительного отношения к личности врага и многое другое.

Образ жизни любого этноса всегда подчинен геополитическим и иным условиям его проживания. Адыги издревле занимали самые плодородные и привлекательные земли на своей исторической родине, и они всегда становились объектом агрессии разных кочевых азиатских и других племен, и им приходилось всегда быть готовыми к защите своей территории от многочисленных завоевателей. Поэтому им нужны были физически подготовленные, самозабвенно преданные своей родине воины.

Эту особенность адыгского менталитета удачно подметил в свое время и Шора Ногмов. Вот как он объяснил эту особенность адыгов: «...можно заключить, что древние адыхи одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью, строгое воспитание приучало их твердо сносить сильный зной и горный холод и без ропота испытывать всевозможные лишения. Таков был древний адыгейский народ... Всем известна древняя поговорка: «нарт лэжьаклуэ» (трудолюбивый нарт). И действительно адыгейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям... от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд нравы их совершенно изменились».¹

Речь идет о том, что непрерывные набегии различных завоевателей и необходимость постоянно находиться в боевой готовности для отпора агрессии врага, заставили адыгов подчинить весь свой образ жизни и всю систему воспитания военному делу.

Все молодые члены общества, как и старшее мужское поколение, должны были быть, прежде всего, отважными воинами. Поэтому не случайно старинная адыгская поговорка гласит: «Лыгъэ щӀапӀэ лы икӀуа-дэркъым» (В ратном поле воин не пропадает, или ратный подвиг воина не пропадает)².

Сущность и особенности адыгского менталитета убедительно и детально зафиксированы в адыгэ хабзэ (адыгском этикете), и среди всех человеческих ценностей, которых он пропагандирует, занимая одно из первых мест, – это воинская слава мужчины, которая приравнивается по адыгэ хабзэ бессмертию.

Эти особенности адыгского менталитета, условия его формирования

на протяжении веков очень метко подметил и Адиль-Гирей Кешев. И во избежание искажения этой замечательной его мысли, мы позволим себе привести из его работы «Характер адыгских песен» следующий отрывок: «Условиями исторической своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военно-республиканских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинский дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства, как у адыгэ. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев. Дух этот лег в основание его политического, общественного и домашнего быта. Им проникнуты насквозь его нравы и обычаи. Быть или не быть лучшим наездником, т. е. героем – было для всякого свободного адыга почти равнозначительно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ.

Оно не довольствовалось, однако, репутацией воина бесстрашного, смелого, предприимчивого, испытанного всякого рода лишениями и невзгодами, но метило гораздо дальше, добивалось вместе с тем славы благородного великодушного рыцаря.

В этом отношении адыги далеко опередили племена, для которых имя храброго воина составляло конечную цель стремлений...

В жизни большинства кавказских горцев мы не встречаем тех многосложных, в высшей степени щепетильных отношений, условных приличий – торжественности и принужденности, которыми опутано было общество адыгов. Так называемый черкесский дворянский обычай (уорк хабзэ) ни в чем не уступал известным десяти тысячам китайских церемоний.

Обычай, манеры, даже костюм и конская сбруя адыгов были издавна предметом усердного подражания и заимствования для остальных горских народов... Высшие сословия их переняли у последних не только образ жизни, но и предпочитали их язык своему родному. Они так же усердно желали оказаться черкесами, как еще недавно иные русские хотели преобразиться во французов.

Все это показывает ясно, что адыги не остановились, подобно своим соседям, на степени обыкновенного военного общества, но развили свои воинские наклонности, воплотили принципы военно-аристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в целую стройную систему».³

Таким образом, адыги огромное внимание уделяли военно-физическому воспитанию мальчиков. В эту систему воспитания входили различные физические упражнения, военные игры и др. Их с раннего детства приучали переносить холод, голод, жару, осуществлять многокилометровые переходы, владеть всеми видами оружия. Особое внимание уделялось их обучению верховной езде. Мальчиков учили ездить на коне еще до того, как они выучивались ходить. А затем, в юношескую пору, им подбирали жеребенка, чтобы они вместе росли, преданные друг другу.

Их обучали всем методам ухода за лошадьми. Вообще адыгский воин не представлял себе жизни без надежного коня и хорошего оружия. Их он больше всего ценил и им отдавал предпочтение перед любым другим материальным богатством. Он мог обходиться без хорошего дома, дорогой одежды, но без хорошего коня и оружия он не мог считать себя полноправным членом общества. Адыг так привязывался к своей лошади, что между ними образовывалось в совместном общении некое единое целое, и они не могли обходиться друг без друга. Словом, между ними устанавливалась какая-то невидимая и неразрывная связь – в поле боя они дополняли друг друга, и конь всегда выручал своего хозяина, и бывали случаи, когда он уносил своего раненого хозяина с поля боя.

И. Бларамберг, восхищаясь искусством черкесов в обращении с оружием и лошадью, писал: «Можно было бы подумать, увидев воина, настолько перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника».⁴

О том, какое место занимала в жизни адыгов лошадь, красноречиво свидетельствуют многие сказания их героического нартского эпоса. Главное его действующее лицо – это воин с его преданным конем. Клички многих из них дошли до наших дней, такие, как Тхьуэжьеи, Альп, Джэмыдэжь и т. д. Их статус в эпосе настолько велик, что они разговаривают человеческим языком, часто дают советы своим всадникам, как действовать в тех или иных критических ситуациях. Поэтому не случайно адыги за свою многовековую историю вывели не одну прекрасную породу лошади, которая отличается своей неприхотливостью и выносливостью.

О воинственности, храбрости и отваге адыгов много писали и иностранные авторы, которые бывали в стране черкесов. Вот как, например, писал об этом итальянский монах Джованни Лука: «Постоянное беспокойство, которое причиняли им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они могут стрелять вперед и назад и ловко действуют шашкой.

Голову они защищают кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Орудием для нападения, кроме лука, служат им копыя и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар».⁵

Таким образом, адыги (черкесы) всегда уделяли огромное внимание военно-физическому воспитанию подрастающего поколения, которое всегда старалось быть достойным продолжателем традиций своих предков. И их ратный подвиг в борьбе с внешними врагами всегда служил наглядным примером в этом важном вопросе.

Примечания

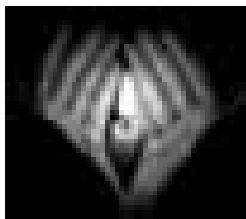
¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 65, 66.

² Адыгэ Иуэрылуатэ. Нальчик, 1992. С. 50.

³ Избранные произведения адыгейских просветителей. Нальчик, 1980. С. 123–125.

⁴ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 65.

⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX. Нальчик, 1974. С. 71.

Литературная студия «СВЕЧА»

Инна АБРЕГОВА

Учусь в 11 классе МОУ СОШ № 1 с. Шалушка Чегемского района, занимаюсь в РДЭБЦ г. Нальчика. Стихи пишу с тринадцати лет, публиковалась в районной газете «Голос Чегема». Может быть, мои стихи понравятся кому-то, может быть, нет, но главное то, что они – частичка моей души.

Глаза

Смотрю в глаза и вижу пустоту,
Пустую жизнь, пустую красоту.
Смотрю в глаза другие, вижу вновь
Души цветенье, радость и любовь.

Захочешь человека ты узнать,
В глаза ему взгляни, чтобы опять
Припомнить: это – зеркало души.
Взгляни, но вывод делать не спеши.

Пусть будет жизни блеск в людских глазах,
И молодости цвет во всех сердцах!
А жизнь, поверь мне, будет хороша,
Когда и взгляд прекрасен, и – душа.

Моя звезда

Грустя и сидя у окна,
В ночное небо я смотрела.
Меня манила глубина,
Которой не было предела.

У края Млечного пути
Звезда лучами покачала –

И вдруг шепнула: «Не грусти,
Ведь ты у самого начала,

Пусть жизнь земная и сложна,
И холода в ней, и ненастье,
Мечте ты следовать должна,
Тебя, поверь, отыщет счастье!»

Азрет-Али АФОВ

Учащийся КБГУ, бакалавр, студент IV курса Социально-Гуманитарного Института, специальность – «История».

Увлекаюсь рок-музыкой, играю на гитаре и синтезаторе, ношу джинсы с портретом Че Гевары. Любимые поэты – Дж. Моррисон, У. Блейк, Д. Китс, А. Рембо, П. Верлен, А. Блок, О. Мандельштам, В. Цой.

Звездная пыль

Лишь звездная пыль садится на плечи,
Лишь звездная пыль,
Я хотел бы на небо смотреть бесконечно,

И стучаться в прозрачные двери, –
Ладони, ладони к стеклу,
Где улыбаются Звери,
Объявляя миру Войну...

Золотые ладони обернулись глазами,
Я прикоснулся к шершавости звезд,
А под ногами, а под ногами лежали,
Тысячи, тысячи крыл,
Искавших звездную пыль...

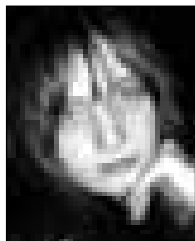
Когти ворона рвут мои грезы,
И Гиганты, ушедшие в Ночь,
Льют хрустальные, невесомые слезы,
Изгоняя из дня меня прочь.
И грезы мои – то звездная пыль,
Испытавшая вечную Ночь...

Мое время подобно фонарю среди бесконечной тьмы,
Что освещает дорогу на шаг вперед и на шаг назад
В темных аллеях, в которых потеряны мы,
Подобно словам, брошенным невпопад.

Моя распятая любовь кричит с креста: «Убийца»,
Но кровь ее – лишь мутная вода, а в отражение – лица,
Способные на крик ответить тишиной,
Даже если это снится, даже если это снится...

Я раньше себя представлял центром Вселенной,
Знакомые лица вращались вокруг меня, как вокруг солнца,
Но теперь я хочу вращаться вокруг лампочки, в четырех стенах,
И притворяться незнакомцем...

Вероника ВАСИНА

Студентка факультета журналистики Кубанского Государственного Университета. Увлекаюсь психологией и литературой. Ценю все красивое, изысканное и старинное, люблю мечтать и бывать на природе...

Участник Всероссийских и Республиканских творческих конкурсов.

Признания в верности смыты дождем,
Слова-лепестки разлетелись по ветру,
И кажется, мы никогда не пойдем
Гулять, доверяя все лунному свету.

Мы ждали тепла, но весна умерла,
Спасти не успев окрыленное лето.
Безмолвная осень мгновенно сожгла
Тебя и меня. И засыпала пеплом.

И вот в тишине среди темных ветвей
Мы бродим, как призраки бледного ветра.
Сожженные до смерти в сини аллеяй.
Нет страха, нет грусти. И нас больше нету.

Я улыбаюсь, но грустной выходит улыбка,
Мыслей поток – словно серые реки печали.
Все, что вокруг, – так неясно, и мутно, и зыбко.
Жаль, но опять мне придется вернуться к началу.

Мокрый асфальт, трубы ржавых погасших заводов,
Груды железа... Вот все, что осталось от дружбы.
Больше не будет нелепых, смешных разговоров,
И утешать никого в этой жизни не нужно.

Люди уходят, как листья уносит их ветер,
В сумерках вновь обретается ценность несчастья.
Сила и боль не боятся фальшивых запретов.
Жаль, что свобода дается душе так нечасто.

Наталья РАПОПОРТ

Учится в 11 классе МОУ СОШ № 9 г. Нальчика. Увлекается психологией, пишет стихи, песни. Дипломант Всероссийской психологической конференции «Юность, наука, культура».

Вдох

Втягивать медленно воздух,
Сделать глубокий вдох –
Легкие только наполнить, –
Сильная глупость – любовь.

Снова и снова вдыхаю,
Но с каждым вздохом сильней,
Тягостней и неизбежней
Боль и тоска по тебе.

Слышишь ли, знаешь ли, веришь?
Помнишь ли слезы мои?
Вдох тороплю: не успею –
И задохнусь от любви.

Песнь о неспетом

Я пела песни о мечте,
О сбывшемся и нет.
Я пела песни о тебе,
Мой стон, мой дивный бред...

Я пела их под тишину,
Разваливая тень.
Сливались песни все в одну –
В холодный тихий день...

Я пела песни и стихи.
Волшебный хоровод.
Теперь я знаю все грехи
И мысли наперед.

Пояснение к жизни

Жизнь – это смерть бесконечного дня.
День – для тебя, ну а ночь – для меня.
Любовь – это яд, переполнивший сон.
Сердце – лишь вен окровавленный стон.
Стих – это песни забытой души.
Боль – когда все говорит: не дыши...
Усилием воли забытый чердак –
Это наш мир, где окошко – во мрак.

Родилась в 1991 году, учится в МОУ «Гимназия № 13» в 11 классе. Окончила Детскую школу искусств № 1 по классу «Фортепиано» с отличием. Активный участник и победитель Всероссийских олимпиад и конференций, обладатель гранта президента РФ, занесена в энциклопедию «Одаренные дети – будущее России», занимается в ансамбле «Нальчанка».

Посвящается предкам

Услышу на ночь дедушки рассказ –
Былых времен события вспоминает, –
Сомкнуть на миг не успеваю глаз,
Как предка образ рядом возникает.

Я узнаю черты его лица,
Его усы, и взгляд, и крепость духа.
Похож так сильно прадед на отца!
Не зря об этом говорят старухи.

Морщин коснуться на лице хочю.
В движеньях осторожны мои руки,
Как будто на ветру несущую свечу,
В устах несмелых замирают звуки.

А утром – голос мамы, нежен, тих.
Исчез старик, но – в том моя порука, –
Отцы достойны прадедов своих,
И дедушек достойны будем, внуки!

Адыгские наряды

Одежды краше нет наверняка
На свете, чем адыгские наряды.
Узор на них, пройдя через века,
И ныне восхищает наши взгляды.

В черкеске строгой – мужество и стать,
Кинжал – произведение ювелира,
Не злобе он служил, но – надо знать –
Залог в нем справедливости и мира.

Черкешенка учтива и скромна,
Пленительны и взгляд, и гибкость стана.
И мудростью своей смогла она
Смирить жестокий нрав царя Ивана.

Лилиана ЯРОЩУК

Студентка 4 курса Кабардино-Балкарского Института бизнеса, специальность «Прикладная информатика». Дважды лауреат Всероссийского фестиваля художественного творчества учащихся «Я вхожу в мир искусств».

К рассвету

Кричать уже устала. Надоело!
 Из глаз моих не скатится слеза.
 Я жму ногой на скорость до предела
 В машине, где забыты тормоза...
 Кричу я в пустоту – никто не слышит;
 Смотрю вокруг, но никого здесь нет.
 Историй для меня никто не пишет,
 А если пишут – только суший бред.
 Подобна добровольному изгою,
 Я выключила свет своей мечты.
 И снова я наедине с собою,
 А позади – сожженные мосты.
 Я мчусь навстречу новым поражениям,
 Чтоб снова плакать, мучиться, страдать...
 И жизнь такая – в этом подтвержденье –
 Не разрешает о любви мечтать.
 А за стеклом мелькают пешеходы –
 Лишь силуэты в свете ближних фар.
 Не заслужила, видно, я свободы,
 Не потушить в душе моей пожар.
 Забыть о том, что так и не случилось,
 Что пролетело мимо без следа.
 А наказание это или милость –
 Наверно, не понять мне никогда.
 Я все лечу по темной магистрали
 Вдогонку за потерянной судьбой.
 Похоронила все, о чем мечтали,
 И вновь любовь проеду стороной.
 Но я стремлюсь к далекому рассвету,
 К тому, что возрождает веру в жизнь.
 Что даст и направление, и примету,
 Позволит мне взлететь в немую высь.
 Быть может, там найду я оправданье
 Той жизни, что окутала меня.
 И потому я тороплю свиданье
 С рассветом ожидаемого дня.
 Лечу к огню, который разольется
 По небесам в рассветной стороне.
 Любовь моя еще ко мне вернется...
 Но буду ли я помнить о весне?

Традиционные элементы кабардинской свадьбы, их трансформация и причины жизнестойкости

Пока есть человек, пока существует семья, свадьба бессмертна, ибо она основа жизни рода, начало новой семьи, часть бытия. Более того, свадьба это один из основных ритуалов в любой национальной культуре. Своеобразное зеркало, в котором отражаются многие стороны этнической сути народа, его истории. Свадебные ритуалы, обряды – результат поиска не одного поколения, на них зарубки далекого прошлого, отметины социальных, экономических, информационных препятствий, через которые прошел народ. О том свидетельствует каждый эпизод, каждая деталь свадебного обряда. Прежде чем сделаться частью обычая, он имел реальную, магическую или же религиозную основу. У адыгов «нэчыхытх» и «уасэых» были самостоятельными обрядами. В настоящее время то, что в Большой Кабарде называют «нэчыхытх», в Малой Кабарде известно как «уасэых» (поездка за калымом). В первом случае церемония происходила в доме невесты, а во втором – в доме жениха.

После оформления брака невеста еще некоторое время находилась в доме своих родителей. За этот период ей готовили приданое, подарки для близких родственников жениха. Но главное – в этот период не очень пожилые ее родственницы и соседки готовили невесту к будущей семейной жизни. У адыгов этот период называется «жэщыс» – ночные посиделки. Невесту учили правилам поведения в новой семье, объясняли, какие обычаи «избегания» существуют между членами семьи. Учили ее также всем правилам интимной жизни, начиная с первой брачной ночи.

Были свои законы, обычаи, которые регулировали отношения между родителями жениха и невесты или другие непредвиденные случаи после оформления брака, но пока девушка оставалась в доме своих родителей. Например, Л. Я. Люлье отмечал, что у черкесов, если в то время, пока невеста остается еще в родительском доме, она будет кем-нибудь похищена, то жених вправе преследовать похитителя, и обязан ему мстить. Подобное оскорбление относится к числу самых нестерпимых обид: в этом случае требование чести обязывает всякого решаться на самые крайние меры для получения удовлетворения. Ссоры такого рода по большей части сопровождалась кровавыми последствиями. Если родители невесты из каких-нибудь личных выгод содействовали ее похищению и это бывало доказано, они лишались калыма, а невеста принадлежала по праву первому жениху.

С другой стороны, были защищены права невесты и ее родителей, к примеру, отказаться от невесты без причины и без основательного повода значило – нанести оскорбление и ей самой, и ее семейству. При этом

часть калыма, обыкновенно выплачиваемая предварительно жениху, не возвращалась, более того, в виде пени за отказ он обязан был дополнить к этой части столько, чтобы составила половина условленного калыма. Но самые главные свадебные обряды начинались с поездки сторонников жениха за невестой, ее привоза. Эта часть свадебных обрядов считалась одним из самых главных ответственных элементов свадьбы адыгов. К самой же свадьбе обе стороны готовились с особой тщательностью. Заранее оговаривались все детали. Готовились национальные блюда, предназначенные именно для этого обряда. Снаряжали специальную повозку, на которой должны были привезти невесту. Ее сопровождали всадники, число которых иногда доходило до 100 человек. Быть в числе сопровождающих повозку было высокой честью для каждого молодого человека. Туда отбирали отличных наездников, ловких, обладающих хорошим знанием адыгэ хабзэ. Всадники («фызыщэ шу») не только сопровождали свадебный кортеж: им приходилось преодолевать всевозможные препятствия и испытания.

О предстоящей свадьбе, ее сроках заранее сообщалось всем родственникам, соседям, друзьям жениха и невесты. По пути за невестой молодые люди пели свадебные песни, развлекались. Во дворе родителей невесты участникам свадебной процессии чинили самые разнообразные препятствия.

Перед самым отъездом один из числа приехавших за невестой должен был, войдя в дом, где она находится, окруженная многочисленными женщинами, коснуться ее платья, до чего тут находящаяся толпа женщин старались не допускать, в чем и нередко успевали, и в таком случае делали подарки пожилым женщинам, которые при этом случае, так сказать, располагали церемонию и по обычаю платили выкуп за вставания невесты. Преодолев эти «препятствия», молодой человек доводил невесту до порога, потом он брал на руки, выносил и сажал в «арбу».

Когда свадебная процессия трогалась в путь со двора родителей невесты, молодежь закрывала ворота и не выпускала процессию, пока последние не выплачивали выкуп за нее («кубжэ дэнэ»). По пути следования домой свадебной процессии в разных местах устраивали различные препятствия и не пропускали до тех пор, пока опять не выплатят выкуп. Свадебная процессия останавливалась на границе населенных пунктов, и там молодежь устраивала спортивные состязания. Они соревновались в стрельбе, джигитовке, играли в игру «пылзэфлэхь» (снятие друг у друга шапок гостей и представителей невесты). Навстречу свадебному поезду выезжала большая группа молодежи на лошадях и подводе с напитками и различными блюдами для приема невесты. Все это сопровождалось играми, пением, скачками, джигитовкой. Словом, устраивали настоящий праздник веселья, шуток...

Адыги не везли невесту сразу в дом родителей жениха, а помещали у его родственников или ближайших друзей. Поселение новобрачной в «чужом доме», по мнению Хан-Гирея, называется «тейша». А. Ш. Ногмов называл это «тейшаием», кабардинцы «тейша» называли «схьэллэ». Не-

весту помещали в чужом доме и при случае умыкания девушки. В «чужом доме» невесту всячески развлекали, устраивали игры, танцы, – словом, молодежь и здесь веселилась. И в тейше, и в доме родителей жениха при невесте находился «жэмхэгъасэ» (представитель рода невесты, которой сопровождал ее). При посещении невесты родственниками и друзьями жениха были свои условности. Например, за вход в помещение, где находилась невеста, необходимо было сделать определенный подарок. Это называлось «техэңцэ». Свадьба продолжалась несколько недель, и самым распространенным и обязательным пожеланием семьи жениха было: «ГуфIэгъуэ кIыхь тхэм фхуицI» (Да будет ваша радость продолжительной). Исключительно важную роль на свадьбе играл джэгуакIуэ, которого специально приглашали на свадьбу. ХатиякIуэ распоряжался танцами и играми молодежи. Устраивали театрализованные представления: акробатика, джигитовка, другие игры. Важной составной частью свадебных обрядов являлся момент «введения невесты в большой дом».

Хозяин дома, где молодая супруга пробыла некоторое время, также делался аталыком, в таком виде, как и воспитателем.

Составной частью «унэицэ» являлся обряд снятия покрывала. Покрывало с новобрачной снимали женщины «с возможной быстротой» при помощи стрелы. Снимателями покрывала могли быть и мужчины. Мужчина же снимал покрывало кинжалом или шашкой. Процесс снятия покрывала с головы невесты проходил театрализованно. После этого все поздравляли друг друга.

Одним из самых значительных в адыгской свадьбе был обряд возвращения жениха в отцовский дом, т. е. своеобразное «примирение» жениха со своими родителями («щауэишыж»). Жениха везде и всюду сопровождал дружка («щауэкъуэт»).

В свою очередь, к невесте была специально приставлена девушка – «дае», которая ухаживала за ней.

После специальных тостов молодые люди запевали песню по поводу возвращения жениха в дом родителей. Жениха вводили во двор его родители в сопровождении песни «Уэредадэ». С шуточными песнями жениха подвели к дверям помещения, где сидели старшие. Оттуда несколько раз подряд приглашали его. Он входил в помещение, а тамада за столом преподносил ему чашу с «махсымэ» (буза).

В свадьбе был такой обряд, как ввод невесты в «большую невесту», где она знакомилась со своей свекровью. Суть этого обряда заключалась, в том, чтобы снять запрет на право разговора невесты со свекровью. Это называлось «унэицэ цIыкIу» или «гуацэтэхь». При знакомстве они обменивались подарками, якобы платя за право разговора друг с другом («псальацIэ»).

Свадьба адыгов проходила красиво и торжественно, и в ней было много целесообразного, мудрого. Она длилась несколько дней подряд и в несколько этапов. На каждом из них выполнялись определенные специфические обряды.

Во сне и наяву

Кто с этим сталкивался, поймет меня сразу, кто не сталкивался – тому не объяснишь, потому что это надо пережить самому, чего я вам не желаю. Впрочем, как говорит мой приятель, когда женщина начинает свой монолог, нельзя включать мелодию старинной дворянской кафы – она будет не к месту. Лучше все свое внимание сосредоточить на самой женщине, тем более, если эта женщина – твоя жена.

Конечно, повод для сольного выступления жене дал я сам, то есть не столько сам, сколько окружающая действительность. Это она, действительность, лишила меня работы, выставила на улицу, заставила искать утешение в кругу любителей «беленькой», разлитой в граненые стаканы. Все же, посчитал я, такое занятие менее позорно, чем мотаться по турциям и китаям в поисках дешевых шмоток, а потом торговать ими на базаре, назначая им цену, высосанную из трех «П» – пола, потолка и пальца.

И вот в один из не самых прекрасных дней моя супруга, данная мне Аллахом и законом, с воинственным видом адыгской амазонки предстала перед моими светлыми очами, расположив свои натруженные руки на том месте, где по анатомии женской фигуры должна располагаться талия. Честно говоря, мне неудобно обнародовать те существительные, прилагательные и другие части речи, которые она употребила для моей характеристики. Одно могу сказать точно: с такой характеристикой ни один отдел кадров не стал бы рассматривать мое заявление о приеме на работу. И, конечно, ни одна здравомыслящая девушка не рискнула бы связать себя со мной семейными узами.

Облегчив таким образом свою покалеченную базаром душу, моя благоверная заняла у кого-то денег и улетела в благословенные заморские края за товаром. А я прилег на продавленные моим весом диванные пружины с намерением обдумать в тишине и спокойствии стратегию и тактику дальнейшего поведения...

...Это были удивительные похороны: хоронили меня, но я слышал и видел все, что происходило.

Бедная, бедная моя благоверная! Ей совсем не идет огромная черная косынка, которой она повязала голову, упрятав под ней великолепные волосы цвета южной летней ночи. Ее прекрасное лицо искажено печальной гримасой страдания и верности, а темные бусинки глаз затуманены слезами. Люди заходят в комнату, где я покоюсь, тихо переговариваются, сочувствующе обнимаются с моей амазонкой, глядя на меня то ли с осуждением, то ли с облегчением. Среди них замечаю и нескольких моих бывших сослуживцев, которые явно недовольны тем, что я и тут их опередил – первым попаду в рай!

Потом мое тело погружают в карету «Скорой помощи» и везут на место моей бывшей работы. Там мне становится как-то не по себе от обилия уже других, положительных частей речи. Я, оказывается, был умным, красивым, заботливым, верным другом, отличным специалистом, замечательным семьянином. Редкостная личность! Выдающийся гражданин! Таким и сохранюсь навеки в памяти всех, кто имел завидное счастье знать меня при жизни!.. Это все меня так расстроило, что мне расхотелось умирать, но, к сожалению, я уже был трупом...

Однако процесс погребения имеет свои строгие правила, и меня везут на малую родину, чтобы предать земле предков. В нашем старом дворе народу собралось побольше – родные, знакомые, просто односельчане. Ведь похороны на селе более значимое событие, чем бесконечные дефиле полуголых девиц, тусовки и перестрелки олигархов, круглосуточно транслируемые по телевидению и сбивающие людей с толку.

Впервые я имею возможность наблюдать за похоронами отвлеченно, как бы со стороны. И это, скажу я вам, очень даже интересно. Вот сидят рядом с муллой старейшины села. На их лицах печать неподдельной скорби. И я их понимаю: каждый раз, хороня молодого, они опасаются, что завтра может настать их день. И они благодарны мне за то, что я их опередил в очереди на тот свет. Единственной очереди, где они всегда готовы уступить место молодому.

Краем глаза смотрю на двоих помоложе меня, слышу, как они перешептываются. «Скорее бы его закопать – и к Дахалине за похмелькой!» – говорит один. «Да, на этот раз у нее отличная осетинская арака получилась!» – поддерживает другой...

На церемонию прощания допускаются самые близкие родственники и давние друзья. Длинной цепочкой проходят они мимо моего ложа, вздрагивая и хлюпя носами. Кое-кто прикасается к моему лицу, и я ощущаю задубелость кожи их рук. «Аминь!» – призывает мулла, произносятся два-три дуа, и шесть пар рук поднимают носилки с моим телом. Пора в последний путь!

Женщины, которым согласно похоронного ритуала нельзя покидать двор, толпятся у ворот, оглашая окрестности запрещенными тем же ритуалом криком и плачем. А мужчины, несущие носилки со мной, припускают трусцой, будто вышли на старт марафонского забега на Олимпиаде. Но вскоре их пыл остывает, потому что никто не торопится их сменить. «Пойдем на смену, – приглашает, я слышу, один мой близкий родственник другого моего близкого родственника. – Все-таки он тебя в городе трудоустроил, а то бы ты спился здесь». А тот отвечает: «Вот ты и иди, он тебя от тюрьмы спас». В итоге никто из них так и не стал под носилки. Но меня все же донесли.

На кладбище меня положили рядом с заранее вырытой ямой. И тут выяснилось, что пришла пора обеденного намаза, и старики отошли в сторонку пообщаться с Всевышним. Люди стали расхаживать по кладбищу, рассматривая памятники и вчитываясь в надписи. А мои родные стояли у ямы, как бы примеривая меня к ней. И вдруг меня словно током

ударило! Не может такого быть, чтобы труп все слышал, все видел и все чувствовал. Значит, я – не труп! И нечего мне делать там, под землей! Может, там и жизни-то нет никакой!.. И в тот самый момент, когда за меня взялись, чтобы опустить в яму, я вскочил и заорал во все горло:

– Закапывайте яму! Быстрее! Только без меня! Слышите, без меня!.. И расходитесь! Все расходитесь!.. Я остаюсь здесь, на земле...

Люди опешили. Смотрели на меня так, будто они меня не закапывать собирались, а напротив, только что откопали. Но, видя мою непреклонность, стали потихоньку покидать кладбище, пугливо оглядываясь на меня.

Родственникам, находящимся в большом смятении, я объяснил:

– Знаю, знаю, что с кладбища не возвращаются. Поэтому я останусь здесь, а вы будете приносить мне еду...

Кажется, это предложение мало кому понравилось.

Когда все разошлись, во избежание недоразумений, я собственноручно засыпал свою собственную могильную яму. А когда стемнело, нашел копну сена и устроился в ней на ночлег...

...Металлический скрежет открываемой двери ударил взрывом по моим ушам. Я пошевелился, и подо мной скрипнули продавленные пружины старого дивана – оказалось, я не труп и даже не кладбищенский житель. Я просто лежал в своей городской квартире, уткнувшись лицом в подушку.

– Папочка, как хорошо, что ты дома! – сказала моя вернувшаяся из школы дочка. Она захлопнула входную дверь и уставилась на меня. – Что с тобой, папочка, тебе плохо?..

Я помотал головой, приходя в себя. Мне действительно было плохо... Но я не знал, где могло быть хуже – там, куда я чуть было не отправился во сне, или здесь, где я слыл алкашом и бездельником, а моя «базарная» супруга презирала меня.

Народная примета

Ох уж эти горские женщины! На каких только просторах планеты сегодня их не встретишь! И в Америке, и в Европе, и на Ближнем Востоке, и в Австралии... Жаль, что в Антарктиде не развит бизнес, – наши милые жены, сестры и соседки и туда бы добрались. Впрочем, мы не удивимся, если со временем и там горянки наладят оптовую торговлю, и тогда любой сможет запросто позвонить по мобильнику и заказать себе сотню-другую пингвинов для фермы.

Это, конечно, дело будущего, а пока...

Невестка Каспота, моего хорошего знакомого, налаживает взаимовыгодные торгово-экономические, социально-культурные и другие отношения между Северным Кавказом и Африкой. И, как свидетельствуют факты, весьма успешно!

На доходы от внешнеэкономической деятельности невестки семья

Каспота построила в престижном месте трехэтажный домик, у которого еще три этажа уходят под землю. За высоким забором по саду разгуливают зебры, жирафы, бегемоты и другая африканская живность. Картины благополучия дополняют несколько машин в гараже, бассейн, в котором температура воды составляет 36 и 6 десятых градуса круглогодично, фонтан, из которого по праздникам льется исключительно шампанское...

Сын Каспота, а по совместительству муж его невестки, с круглым и всегда румяным лицом, похожим на свежий и сдобный лакун, открыл в себе большой талант потребителя, чем гордится и хвастает перед товарищами, расплачиваясь за них в дорогих ресторанах. Одним словом, он как сыр в масле катается. Но, как всегда бывает, слишком хорошо – тоже не хорошо. Есть у них проблема, которую он и супруга вот уже несколько лет не могут решить – наследника хочется им занять. Хотеть-то хочется, а не получается. Нет, нет, не лентяя они, напротив, очень даже интенсивно пользуются достижениями цивилизации, представленными в их роскошной спальне. Однако, как говорится, если не угодно Богу, то и Камасутра не поможет...

А ведь и засуха сменяется дождем – таков закон природы. Жена однажды, вернувшись ненадолго из Африки, объявила мужу, что их старания дали свои плоды. Вернее – один плод. УЗИ беспристрастно определило: ждите мальчика.

Какая после этого могла быть Африка!

Будущую мать окружают такой заботой, что ей не надо даже нагибаться, чтобы надеть домашние тапочки: по всему дому расстелены ковры, и она ходит босиком, утопая в ворсе по колено. Частный врач-гинеколог, нанятый за такую сумму, на которую можно приобрести хорошую отару овец, несет круглосуточное дежурство. Среди родственников и друзей объявляется конкурс на лучшее имя для наследника.

И вот он, торжественный день – пора везти будущую маму в родильный дом. Муж выводит из гаража иноземный внедорожник величиной с железнодорожный вагон, размещает в салоне супругу, сам садится за руль – и в добрый путь! Светофоры и гаишники, словно по-доброму сговорившись, создают «зеленую волну» нашим героям. Муж ведет машину с великой осторожностью, поглядывая на жену глазами влюбленного подростка.

– Ты знаешь, душа моя, – говорит она, окидывая его взглядом таможенного инспектора, – мне кажется, у нас родится черненький мальчик.

– Черненький, ха-ха! – смеется он. – Значит, на меня будет похож!.. Да ты не переживай. В следующий раз родишь девочку, и она будет светленькой, как ты. – Он приосанивается, смотрится в автозеркало и с улыбкой добавляет: – Смуглые мужчины пользуются успехом у женщин, ты согласна?

– Согласна, душа моя, – подхватывает она. – Но та кошка была черная-черная. Как ночь!

– Какая кошка? – удивляется он.

– Ну, душа моя, которая перебежала нам дорогу, когда мы выезжали со двора.

Он притормаживает и с недоумением смотрит на нее.

– А при чем здесь кошка? – удивленно пожимает он плечами.

Теперь она смотрит на него, как продавец на тупого покупателя.

– Есть такая примета, душа моя. Если черная кошка перебегает дорогу, рождается черный ребенок. Примета эта народная, не я ее выдумала.

– Значит, наш сын будет не смуглым, как я, а черным... Как негр, что ли?

– Ну, не совсем как негр.

– А, понял! – почти радуется он. – Как новый президент Америки Барак Обама, да?

– Да, душа моя, – соглашается она, и мечтательная улыбка трогает ее губы. – И кто знает, может, и он президентом станет...

Тут они подъезжают к приемному отделению, вокруг начинают суетиться врачи и медсестры. Устроив жену с комфортом, муж возвращается домой. Но история с черной кошкой не дает ему покоя. Он пересказывает ее матери.

– Впервые слышу про такую примету, сынок, – пожимает она плечами. – Пойду спрошу у отца. Он-то в приметах разбирается.

Каспот, выслушав жену, долго молчит, потом усмехается в усы.

– А ты, старуха, помнишь, как я тебя возил в роддом, когда должен был наш сын родиться?

– Как же не помнить! – радостно кивает жена. – Мы тогда в бараках жили. Даже телефона не было. Так ты пошел на улицу, поймал такси. Отвез меня в роддом, как королеву!

– А не помнишь, случайно ишак не перебежал нам дорогу?..

Перевод с кабардинского Алексея Кушхаунова

МЕЛОДИИ ЛЮБВИ

* * *

Приди, желанная! Отчего остановилась ты у подножия вершины? Поднимайся. Я стою здесь под мерцающим звездопадом в ожидании тебя. Приди, свет моей непокорной души! Почему медлишь, замороженная лучистой далью? Я стою у изголовья ветров и озираю весенний мир в надежде увидеть время твоего расцвета.

Не бойся искр звездопада, они вознесут тебя в страну моей любви.

Взойди на вершину, где твоя душа найдет простор свободы и пыл неземных страстей. Я расскажу тебе о чудесном и тревожном мире любви.

Взойди на вершину мою, где наградою станет блаженство.

* * *

Он появился в нашем селе и шел по улице, умоляя: «Я остался без песни и прошу вас: дайте мне хотя бы одно зерно из ваших мелодий...» Когда он приблизился к нам, моя песня позвала его, и он протянул мне алый бутон, оказав: «Наполни обитель моей души улыбкой, и я буду знать, что ты даришь мне надежду...»

* * *

Благоухающий цветок рос у дороги, и проходящие мимо люди, любуясь его красотой, говорили: «Какая прелесть! Какая стройность!» Слыша столько похвал, он привязался к людям своей цветочной душой и росным солнечным утром превратился в человеческий образ и пошел следом за ними...

...И другие цветы, видевшие это чудо, стали клониться к дороге, привлекая прохожих, чтобы превратиться в их подобие.

...Я смотрел, пораженный, и говорил: «Какой прекрасный цветок расцвел на дороге любви!»

* * *

Что же ты ищешь без усталости?

Каждый день ты собираешь букеты из ярких цветов, оглядываешь бескрайность неба, а вечерней порой ты занята звездами, перебирая их и говоря: «Вот эта звезда красивее той, а та – еще краше».

Что ты ищешь так неустанно, не обретая себе места в жизни земной?!

– Я ищу то, что красивей и нежней людского сердца. Вот почему я оглядываюсь на минувший день и с нетерпением жду наступления ночи.

– И то, что ищешь, находишь?

– Как видишь, ищу. Из радостей, которые приносит мне этот поиск, я выбираю мудрость конечного и сладость начального. Дневную радость и ночной покой я сравниваю с человеческим сердцем, чтобы пропустить красоту мира через свою влюбленную душу.

* * *

– Почему вы летите к огню, бабочки ночные, не боясь, что вас испепелит его манящее пламя?

– Мы выбираем свет испепеляющего огня потому, что не можем вынести полета во тьме. Мы рождаемся для того, чтобы, возникнув, пропасть в манящем огне.

* * *

«Ты сможешь переплыть реку?» – спросили меня, и я ответил: «Смогу, если на той стороне меня ожидает будущее». Я не подумал тогда о трудностях, которые встретят меня на этом пути...

Я плыл в лодке, и меня завораживали своею игрой волны реки, и я бросил весла, чтобы власть наглядеться. Время и пространство замерли, остановились, прижатые к водной глади. Множество волн, будто озорные дети воды, играли с солнечными лучами, то разбегаясь врозь, то сбегаясь вместе; а золотистые рыбки выпрыгивали из реки, ловя отраженные лучи серебрящихся волн. Мир воды играл с Солнцем!

...Я сидел в лодке, замороженный, забыв, что мне предстоит путь до другого берега, который разлучит меня с красотой мгновения...

* * *

– Куда ты мчишься? Остановись! Дай догнать тебя! Я хотел бы с тобой.

– А ты знаешь, куда я стремлюсь?

– Нет, не знаю.

– Почему же ты хочешь бежать, не зная куда?

– Мне все равно, лишь бы с тобой.

– Тогда бежим. Мы должны собрать листья, которые опадают в том лесу, пока ветер не унес их вдаль.

– А зачем тебе пожелтевшие эти листья?

– Они были свидетелями начала моей любви, потому я хочу сохранить в них мою память.

– Зачем же ты бежишь от себя к своей памяти? К прошлому не бегут! А я могу сжечь твои листья, опалить их обуревающим меня пламенем страсти.

– Нет! Они были подарком первой моей любви, и они дети чудесной моей весны.

– Не может любовь стать пленницей минувшего! Она – очаровывающий зов молодости святой надежды.

* * *

В хаосе мира твое сердце дремало донныне... Услышь же теперь колокол жизни, пробудись на призыв драгоценной любви, что дарует ощущение чуда.

Взойди к зовущей надежде, когда, исполненная, вернется к тебе постижением радости.

Я иду и творю для тебя звездную лестницу, из искр чувств моих сотканную.

– Ты зовешь меня в мир беспокойный и беспощадный. Мне страшно входить туда, где бесследность невыносима!

– Любовь реальна! Плоды ее зреют в недрах самой природы и становятся истиной сердца. Я и ты – это и есть и память, и воображение...

– Я не могу совместить истины с глубиной моих чувств. Мысли мои о несбыточности счастья рождают печаль и сострадание к собственному сердцу, и это вселяет в душу безмерную холодность мироздания. Я – только капля, повторяющая истинную сложность творения.

Откройся светилу, несущему бесконечную череду повторений! Светозарный звон его дойдет до сердца светопадом небес.

Взойди же к зовущей награде клокочущей жизни, я строю для тебя лестницу из искр моей лучезарной любви. Царь немой темноты отодвинет занавес мира, и чудо свершится, награждая тебя пробуждением.

* * *

Если путь к тебе преграждают ледяные заторы, я попрошу у Солнца лучи-колокольчики, чтобы донести до тебя их серебряный звон, растопив ледяные ворота. Не оттого, что печаль и грусть овладели мною, – я к твоему ледяному затору иду и солнечным звоном растапливаю препоны. Я хочу увести тебя из холодного царства в мою весну, пасть на колени перед замерзающим твоим сердцем.

Может, тебе неизвестно, что зерна жизни прорастают в теплом свете любви?

Обожги мою душу искрами твоих глаз, ненаглядная!

Я сердце свое стелю, как дорогу к тебе.

* * *

Если ты будешь холодностью угнетать мое сердце, в тебе угаснет его боль и тепло, которые дарят богатства чувства. Я знаю, ты хочешь, приворожив мое сердце, овладеть его жаром. Но его не обманешь! Оно доверчиво, но, воспринимая ласку и боль, волнуется, как море, угадывающее приближение бури. Жизнь сердца – это солнечный дар. Только свет и тепло дают ему силу жить!

Оно не примет чувства, не рожденного любовью души. Оно боится тоски и печали. Полюбить нетрудно, это присуще любому, – трудно удержать любовь в своем сердце и лелеять ее нескудеющим чувством волнения.

* * *

Я плыву в солнечной лодке, подгоняемой ароматом весны и чудом признания, и говорю: «Боже! Какой великий дар ты принес в мое душевное царство! Ты принес мне первозданную чистоту и исполненное желание, ты возвестил мне новое начало судьбы...»

Я взял в свидетели весенний хор природы и приблизился к тебе, а глаза твои воскресали, а губы дрожали в молитве. О, какое чудо светилось передо мной – в сиянии глаз, в движении губ и дыхании влюбленного сердца!

А весна улыбалась тебе и восторженно мир наполняла звоном цикад.

В номере:

<i>Султан Пишибиев.</i> К дню Победы. <i>Очерк</i>	3
<i>Лолита Абазова.</i> Память, или Рассказ о моем прадедушке. <i>Очерк</i>	15
<i>Саладин Жилтежеев.</i> Испытание. <i>Главы из романа</i>	17
<i>Борис Зумакулов.</i> О времени и о себе... <i>Главы из документальной повести</i> . .	34
<i>Алий Кульбаев.</i> Непридуманная повесть. <i>Главы из повести</i>	42
<i>Курман Дугужев.</i> <i>Стихи</i>	47
<i>Ануар Кучинаев.</i> Поэма скорби. <i>Главы из поэмы</i>	52
<i>Борис Кагермазов.</i> <i>Стихи</i>	59
К юбилею А. Байзуллаева. <i>Очерк. Стихи</i>	63
К юбилею Р. Ацканова. <i>Очерк</i>	68
К юбилею М. Ольмезова. <i>Асият Атабиева.</i> Мир детства в поэзии М. Ольмезова. <i>Очерк. Алена Сарбаиева.</i> О драматургии. <i>Очерк</i>	71
К юбилею В. Кудаева	79
К юбилею М. Котляровой. <i>Очерк</i>	80
Памятные даты. <i>Батыр ас Аланский.</i> Ислам Крымшамхалов – недопетая песня Карачая. <i>Очерк</i>	88
Памятные даты. <i>Тамара Биттирова.</i> Басият Шаханов – взгляд из прошлого. <i>Очерк</i>	93
Памятные даты. <i>Залимхан Аксиров.</i> <i>Очерк</i>	98
<i>Светлана Кишева.</i> Кто ты, на которую я похожа? <i>Рассказ</i>	101
В мире книг. <i>А. Х. Псигусов.</i> <i>Очерки</i>	103
<i>Алим Алафаев.</i> <i>Стихи</i>	119
<i>Артур Казарян.</i> <i>Стихи</i>	122
<i>Адам Гатов.</i> Воплощение своего народа. <i>Очерк</i>	124
<i>Ильяс Теппеев.</i> Педагог-миротворец. <i>Очерк</i>	134
<i>Людмила Маремкулова.</i> Трудное бремя героини. Правда и «кривда» Басира Шибзухова. <i>Очерки</i>	137
<i>Фатима Дударова.</i> «Ни о чем не жалею, кроме...» <i>Очерк</i>	146
<i>Задин Маремов.</i> Лучшие традиции – в дар детям и внукам. <i>Очерк</i>	149
<i>Мухаб Бжеников.</i> «Родник», впадающий в «море». <i>Статья</i>	154
<i>Асият Такова.</i> Влюбленная в свое дело. <i>Очерк</i>	157
<i>Елизавета Шебзухова.</i> Гуманистические традиции А. С. Пушкина в любовной лирике поэтов Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	159
<i>Кашиф Унежеев, Беслан Карданов.</i> Воспитание патриотизма у молодежи на примере ратного подвига народа. <i>Статья</i>	162
Литературная студия «Свеча»: <i>Инна Абрегова, Азрет-Али Афов, Вероника Васина, Наталья Рапопорт, Марьяна Теунова, Лиλιана Ярошук.</i> <i>Стихи</i>	166
<i>Аминат Альборова.</i> Традиционные элементы кабардинской свадьбы, их трансформация и причины жизнестойкости. <i>Статья</i>	172
<i>Владимир Иванов.</i> <i>Сатирические рассказы.</i>	175
<i>Хасан Тхазеплов.</i> Мелодии любви. <i>Миниатюры</i>	180

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.03.09. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 11,5.

Тираж 2060 экз. Заказ № 38.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия 42-75-22.

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
